

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 11 до 1 ч. дня.

№ 7—8.

Апрель—Май.

1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ: О Пролеткульте и советской культурной работе. *А. Луначарский.*— Наши задачи и пути. *В. Полянский.*—Очерки организационной науки. *А. Беданов.*— О профессионализме рабочих в искусстве. *Ф. Калинин.*—О профессионализме. *В. Плеханов.*—Коллективное творчество в театре. *В. Кержаков.*—О футуризме. *Ф. Калинин.*—Повзвиз советской провинции. *В. Полянский.*—«Жоцеам искусств». Стих. *В. Кириллов.*—Авиаторы. Расск. *А. Шляпников.*—Примерный устав клуба Пролеткульта. *Всеросс. Сов. Пролеткульта.*—Хроника Пролеткульта: В провинции.—Инструкторские курсы. *Ст. Крицков.*— Конференция.—Отчеты — Библиография: *А. Сипоров.*—«Революция и искусство». *С. Д. К.*—Залевский.—«Искусство и пролетариат». *Ст. Крицков.*—Грошин. Рассказы. *П. Рудокон.*—В. Игнатов. «Саацебала вечеринка». *П. Рудокон.*—«Гудки». *В. Г-в.*—«Наш горы». *В. П-ий.*—«Красное утро». *А. О.*

Пролеткульт

и

советская культурная работа.

Когда я вместе с несколькими товарищами созвал в Петрограде, за несколько дней до переворота, конференцию по вопросам пролетарской культуры, я, конечно, рисовал себе значение и роль вышедшей из этой конференции организации, приобретшей позднее название Пролеткульта, в иных формах, чем в какие она отделилась.

В то время государственная власть была чисто буржуазной, и пролетариату приходилось на началах внегосударственной и отчасти антигосударственной самостоятельности искать своих культурных путей.

Как задача поднятия умственного, этического и эстетического уровня образованности пролетариата, так и задача самостоятельного творчества, выработка своих классовых, только пролетариату присущих норм во всех этих областях, ложилась на молодые плечи этой организации.

Я с самого начала указывал здесь на полный параллелизм: партия в политической области, профессиональный союз—в экономической, Пролеткульт—в культурной.

Теперь все изменилось,—нам приходится вновь и вновь задумываться о том, в какое отношение должна стать коммунистическая партия к советской власти; каковы должны быть законы взаимоотношений профессиональных союзов, с одной стороны, Совнархоза и других экономических органов советского государства—с другой; какова должна быть граница между Пролеткультом, с одной стороны, и Наркомпросом—с другой?

Я сейчас не буду касаться двух первых вопросов,—упомяну только, что никому не приходит в голову находить партию излишней и заменить, в виду почти полного персонального совпадения Центрального Комитета с Совнаркомом, или

президиумом Ц. И. К. или еще что-нибудь в этом роде; никому не приходит в голову говорить о том, что партия и советская власть *ведут параллельную работу*.

Всякому понятно, что это так и есть, так и должно быть, что работу эту по существу ведет сознательный коммунистический пролетариат, для которого в настоящее время и партия и советская власть являются органами.

Пролетариат, наложив руку на государственную власть, овладев всем культурным достоянием страны, само собой разумеется, должен был создать органы для превращения школы всех типов, библиотек, музеев, театров, концертов, выставок, журналов и т. д., и т. д. в орудие пролетарского просвещения.

Что это значит: *пролетарского просвещения*?

Это значит, во-первых, распространение тех общечеловеческих ценностей науки и искусства, вне которых нельзя быть знающим человеком, вне которых пролетариат останется варваром, вне приобретения которых он даже не сможет настоящим образом воспользоваться ни властью, ни орудием производства, которые он завоевал.

Это—гигантская задача.

К ней мы должны прибавить еще одну: пролетарским просвещением надо называть также распространение чисто пролетарских идей, во-первых, в слабо просвещенных средах самого пролетариата, во-вторых, в массах крестьянства и физически трудящегося населения вообще, наконец, среди интеллигенции.

Имеет ли уже пролетариат подобное идейное достояние, которое можно считать для него самого бесспорным?

Да, в некоторых областях имеет; наиболее обработанные части марксизма, в особенности в области социологии и экономики, в меньшей степени в области истории и философии, могут в настоящее время определенно претендовать на законное место, *на первое место* в университетах, библиотеках и т. д.

Основа нашей практической, политической программы есть чудесное достояние, долженствующее сделаться известным всем и каждому в политической пропаганде нашей,—поэтому они должны проводиться через все органы государственной власти.

Но если даже мы учтем эти чисто пролетарские элементы, усвояемые государственным аппаратом и проводимые им в сознание масс, то и тогда мы увидим, что они представляют собой по объему своему сравнительно небольшую часть того, что является содержанием государственной культурной работы.

Кто же может отрицать, что в преподавании наук, например, мы должны пользоваться сейчас всем накопленным опытом? Быть может, нам удастся в некоторой степени изменить методы их преподавания, но и эта задача в высшей степени длительная.

В области искусства мы ни в коем случае не должны оставлять пролетариат чуждым всем дивным произведениям, которые накопил гений человечества.

Тут мы встречаем две крайности, от которых надо всячески предостеречь деятелей пролетариата, вступающих на путь государственной культурной работы.

Есть люди, которые полагают, что всякое распространение «старой» науки и «старого» искусства есть потворство буржуазным вкусам, проклятое культуртрегерство, заражение молодого социалистического организма кровью развалившегося старья.

Крайних представителей этого заблуждения сравнительно мало, но вред, приносимый ими, мог бы быть велик. Замечательно, что некоторые не по разуму усердные сторонники пролетарской культуры поют здесь в унисон с футуристами, которые тоже время от времени признаются в желательности чуть не физического истребления всей старой культуры и самоограничения пролетариата теми пока еще совсем неубедительными опытами, к которым сводится искусство для них самих.

Нет, в тысячу первый раз повторяю, что пролетариат должен быть *во всеоружии всечеловеческой образованности*,—он класс исторический, он должен идти вперед в связи со всем прошлым.

Отбросить науки и искусство прошлого под предлогом их буржуазности так же нелепо, как и отбросить под тем же предлогом машины на заводах или железные дороги.

Другая крайность заключается в том, что, увлекаясь общенаучной и общекультурной культурной работой, люди говорят: вот это-то и есть настоящая пролетарская работа,—если одобрить все это, так сказать, помазать сверху марксистской социологией, коммунистической программой, то и получится нужное нам.

Нельзя достаточно противостоять против этого. Великий пролетарский класс обновит постепенно культуру с верху до низу. Он выработает свой величественный стиль, который скажется во всех областях искусства, он вложит в него совершенно новую душу; пролетариат видоизменит также самую структуру науки. Уже теперь можно предугадать, в какую сторону разовьется его методология.

Если бы вздумали в настоящее время навязывать государственному аппарату задачи распространять только новое, только пролетарское, мы бы обрушили пролетариат в варварство, мы бы отсекли его корни, и кечего было бы удивляться, если бы плоды пролетарского творчества в области науки и искусства оказались бы при этом замедленными и чахлыми.

Дело государства—распространять истинно бесспорные знания, которые пролетариат завоевал лишь в нескольких областях, непосредственно смежных с его борьбой, и широкой волной орошать пролетарскую ниву всем тем богато оплодотворяющим материалом, которого он является наследником.

Но если бы вследствие этого заявили, что можно быть равнодушными к самостоятельным пролетарским исканиям, к работе представителей рабочего класса над выработкой собственных форм искусства и собственных путей в науке, то мы опять впали бы в самое прискорбное заблуждение.

Таким образом, обе задачи эти определено и ярко ограничены: Пролеткульт ни в каком случае не должен считать первые ростки пролетарского искусства и пролетарской мысли (за исключением данных научного социализма) готовой ценностью и пытаться заменить ими ценности культуры предшествовавших ему эпох, не его дело также заботиться о распространении знакомства со всей областью «человеческой образованности» через свои органы: в первом случае он проявил бы самую неосторожную заносчивость, которую надо целиком предоставить футуристам, во втором—он вторгся бы в свою же работу, которую пролетариат делает другой рукой,—в общегосударственную работу.

Но Пролеткульт должен сосредоточить все свое внимание на студийной работе, на подмечании и поддержке оригинальных талантов среди пролетариев, на создании кружков писателей, художников, всякого рода молодых ученых из рабочего класса, на создании разнообразнейших студий и живых организаций во всех областях физической и духовной культуры, с неперемнной задачей развивать там свободные и вольные без натяжек и без выдумывания семени, которые находятся в пролетарской душе.

Государство пролетарское, вернее—рабоче-крестьянское, не может не относиться с величайшим доверием и с величайшей заботой к такого рода молодым организациям, из которых будет постепенно распространяться тот свет и то тепло, которые в свое время значительно превзойдут все, что унаследовано нами, и это создаст в области культуры тот новый мир, который мы основали в области политики, который мы осуществили в области экономики.

Я думаю поэтому, что стремления, например, Отдела Народного Образования при Московском Совете к уничтожению Московского Пролеткульта совершенно неправомерны, они к тому же не могут увенчаться успехом, так как все другие российские Советы стоят на другой точке зрения; и было бы совершенной нелепостью воспретить московскому пролетариату иметь такую же организацию по самостоятельной выработке новых культурных ценностей, какие имеются теперь чуть не в каждом городе; уничтожить же повсюду столь богато разрастающиеся и дающие столько ценных плодов Пролеткульта Московскому Совету, к счастью, не по силам.

А. Луначарский.

Наши задачи и пути.

I.

Рабочий класс в борьбе за свое освобождение шел двумя путями,—путем борьбы политической и экономической. Ограничиться одной формой движения он не мог: освобождение от экономической зависимости немислимо было без завоевания политических прав; всякая экономическая борьба неизбежно выливалась или принимала вид борьбы политической, так как господствующие классы никогда и никаких своих привилегий добровольно не уступали угнетенным народным массам, и не могли уступить, сознавая, что это всегда ведет к ослаблению их господства и приближает час окончательной расплаты. Успехи борьбы политической давали возможность расширять базу борьбы экономической, и наоборот. Эти две формы борьбы были как бы два бурных потока, сливающихся в могучую реку, которая неизбежно должна была преодолеть все преграды на своем пути.

В России пролетариат победил, он сбросил политический и экономический гнет капиталистического общества. «Последний и решительный бой» разгорается в Западной Европе. И недалек уже тот момент, когда пролетариат всего мира сумеет сбросить цепи политического и экономического гнета старого мира. В грядущий великий день всемирной радости сможем ли мы сказать, что свершилось *полное* освобождение пролетариата от уз буржуазного общества? Нет, не сможем; кроме гнета политического и экономического, есть еще гнет духовный, гнет культуры, который сбросить в один день нельзя и борьба против которого при господстве капитала в сколько-нибудь широком масштабе была невозможна. Теперь же, когда буржуазия побеждена и не может уже развращать пролетариат своей наукой и своим искусством, как она развращала его политическими и экономическими податками, пролетариат начинает развешивать *новую* форму борьбы против старого мира, борьбу культурно-просветительную. Передовые слои революционного пролетариата ясно сознают, как крепко буржуазная культура спутала рабочий класс во всей его обыденной жизни. Она отравила его психологию, отравила его быт, и не дала возможности в нужной мере развернуться его коллективистическим творческим порывам. В капиталистическом обществе пролетариат в лице своих вождей К. Маркса, Ф. Энгельса и других сумел преодолеть часть науки, ее социологическую ветвь; теперь он хочет преодолеть всю буржуазную науку и все буржуазное искусство, и притом сам, понимая, что одновременно произойдет реорганизация его быта, его чувств в полном согласии с коммунистическим идеалом. О буржуазности науки писал, например, еще А. П. Шапов, современник Н. Г. Чернышевского. В одной из своих статей—«Сибирское общество до Сперанского»—он утверждает, что «никакое гражданское общество, основанное на капиталистической и семейно-родовой гегемонии купечества, буржуазной олигархии, не может иметь истинного социального прогресса. Капиталистическое, буржуазное сословие, хотя бы и просвещалось науками, все-таки по самому существу своему не может допустить общественной равноправности и экономического равновесия низших рабочих и промышленных сословий, составляющих источник их обогащения, предмет их эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды. Напротив, если бы такие буржуазные люди и просвещались науками, то они и из наук старались бы извлекать и слеплять только паутину своей буржуазной эсфистики и метафизики, составлять свою хитросплетенную систему капиталистической науки. Они и в области науки познавали бы только то, что сопряжено с интересами крупного капитала... Так не совместимо истинное научное, гуманно-социальное умственное и нравственное развитие с буржуазно-капиталистическим умонастроением».

Эту не до конца додуманную мысль историка-народника пролетариат формулировал с величайшей точностью и более глубоко. На первой в России Конференции Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций, созван-

ной товарищем А. В. Луначарским в Петрограде 16 октября 1917 года, была принята общая резолюция, в которой сказано «Конференция подчеркивает, что движение культурно-просветительное должно занимать место в общем культурном развитии *рядом* с политикой, профессиональным движением и кооперацией... Конференция полагает, что как в науке, так и в искусстве пролетариат проявит самостоятельное творчество».

В резолюции Первой Всероссийской Конференции Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций, созванной в сентябре 1918 года, эта мысль подчеркнута с большей отчетливостью словами: «культурно-просветительное движение среди пролетариата должно занять *самостоятельное место* рядом с политическим и экономическим движением».

Теперь эта истина стала общим местом не только для деятелей Пролеткульта, но и для широких пролетарских масс. Ее вы найдете в каждой резолюции по вопросу культурно-просветительной деятельности; наконец, это положение было закреплено в резолюции Второго Всероссийского Съезда Профессиональных Союзов. В ней сказано: «Социалистическая революция поставила перед пролетариатом ряд важнейших задач в деле строительства новой жизни. Параллельно и в связи с революционизированием экономических отношений рабочий класс, как носитель социализма, должен приступить к созданию пролетарской культуры, взамен буржуазной, для подготовки широких масс к полному осуществлению социалистического строя. Диктатура пролетариата, давая возможность рабочему классу широко использовать все культурные приобретения человечества, выдвигает уже в настоящее время *новую культурно-творческую форму движения* в лице Пролеткульта».

Все сказанное с очевидностью показывает неопосредуемым за пролетарским движением, что новый поток влился в могучую реку пролетарской борьбы, он будет могущественнее, ярче и радостнее двух прежних.

II.

Какова же задача *нового* движения пролетариата? Выработка пролетарской культуры, чтобы пролетариат мог вооружить себя *новым* знанием, организовать свои чувства посредством *нового* искусства и преобразовать свои бытовые отношения в *новом* духе, истинно-пролетарском, т.-е. коллективистическом; для этой цели пролетариат должен постичь все культурные достижения предыдущих поколений, критически воспринять их и переработать в горниле своего классового сознания. Таким образом, задача культурно-просветительного движения распадается на две части: критическое усвоение старой буржуазной культуры и создание новой пролетарской культуры.

В первой своей части задача сводится к тому, чтобы дать пролетариату возможность ознакомиться со всем культурным наследством, перешедшим к нему от старого мира. До сих пор пролетариат в силу политических и экономических условий не был допущен к этим ценностям, а между тем есть такие ценности, которые могут быть использованы им в строительстве новой жизни. От достижений буржуазной культуры были удалены, кроме пролетариата, и другие слои общества: мелкобуржуазное крестьянство, мелкобуржуазная трудовая интеллигенция и т. п. Чтобы овладеть этим наследством, Рабоче-Крестьянское Правительство создает общегосударственные учреждения, в частности Народный Комиссариат Просвещения, где и идет большая организационная работа за это овладение наследством. В своей работе общегосударственные учреждения, естественно, обслуживают и удовлетворяют запросы всех трудовых масс, главным образом крестьянских масс, которые своею численностью в значительной степени превосходят пролетариат и в свою очередь творят свои культурные ценности, далеко не всегда совпадающие с пролетарскими. В этой грандиозной работе представителям коммунистического пролетариата невольно приходится зависеть от настроения мелкобуржуазного крестьянства, которое с неизбежностью задерживает размах самой работы и ступенчатывает чисто пролетарский ее характер. В целях же строгой согласованности работы на протяжении всей территории государства государственные учреждения

вынуждены в спешном порядке, подчас даже с полным сознанием неподготовленности дела, ставить и декретировать его в согласии с рабоче-крестьянскими запросами. Заняться работой в области культурной, чисто творческой, и *исключительно пролетарской* эти учреждения в данный переходный момент не могут: слишком велика область обычной просветительной работы, хотя бы и в свете революционного марксизма, и сильно еще влияние мелкобуржуазных слесей государства.

Во второй своей части задача сводится преимущественно к культурно-творческой работе, то-есть к реорганизации науки и искусства (поэзии, живописи, скульптуры, музыки, театра и т. д.) на новых чисто пролетарских, коллективистических принципах. Несомненно, пролетариат воспользуется ценностями прошлого, но в своем строительстве он отыщет новую форму, гармонирующую и сливающуюся с новым содержанием, для которого ценности наследства будут только подсобным строительным материалом. До сих пор во всех областях неизбежно господствуют буржуазно-выработанные методы мышления над пролетарским опытом, это нужно преодолеть; и эту работу пролетариат должен совершить *сам, исключительно своими собственными силами, вне сотрудничества с другими трудовыми элементами Советской России, например, крестьянством*. Для этой работы необходимо создать такие условия, которые способствовали бы исчезновению в среде самого пролетариата его мелкобуржуазных предрассудков, чтобы его творчество не тормозилось из-за влияния на работу других групп населения и в своем развитии носило чисто пролетарский характер. Эту творческую работу, или, как мы обычно выражаемся, лабораторную, нельзя в точности и полностью согласовать с принципом декретизации; творчество не всегда укладывается в определенные рамки, отведенные тем или иным декретом, особенно творчество молодого класса, только еще вступающего в жизнь,—класса, ищущего нового содержания, новых форм и новых путей в переустройстве жизни; особенно пролетарское творчество не может укладываться в рамки декретов, продиктованных интересами *всех* трудовых слоев населения. Если буржуазная культура господствует над обществом еще до сих пор, то пролетариат стремится выработать свои ценности, владея кистями он смог бы подавить влияние буржуазной культуры и на ее место поставить свою культуру пролетарскую, социалистическую, общечеловеческую, поскольку при социализме исчезнет классовое деление общества.

Вышеуказанные соображения дают вполне достаточный материал, чтобы уметь различать работу чисто просветительную в *общегосударственном* масштабе, под непосредственным давлением, влиянием и даже и в сотрудничестве широких трудовых масс за овладение культурными ценностями прошлых веков, от работы культурно-творческой, *исключительно* пролетарской, направленной в своем коллективистическом порыве на отыскание нового содержания и новых форм работы, в известном смысле изолированной от влияния других слоев общества и мало поддающейся на этой стадии регламентации в *общегосударственном* масштабе. Если в первой части задача сводится к непосредственному удовлетворению культурных запросов *всего* рабоче-крестьянского государства, то во второй части задача ограничивается *пролетариатом*, а на первых порах даже и в этих пределах суживается до известных слоев пролетариата, именно слоев *индустриального* пролетариата, выдвигая в этих пределах на первый план *талантливых* рабочих, чтобы формировать из них *основное* боевое ядро за пролетарскую культуру. Но тут мы подходим уже к новому вопросу—организационному.

III.

В чем заключается организационная проблема? Из каких принципов и исторических данных мы должны исходить в разрешении данной задачи?

Большевики в споре с меньшевиками всегда указывали, что социал-демократия есть партия не просто пролетариата, а пролетариата сознательного, и в свое время они самым решительным образом выступали против меньшевистских попыток создать широкую рабочую партию. Большевики понимали, что социал-демократия должна быть руководителем широких пролетарских масс, поднимать

их сознание на нужную социалистическую высоту, а не спускаться до уровня понимания социальных задач отсталыми в политическом отношении массами. История революционно-социалистического движения не раз ставила вопрос: в глубину или в ширину должно быть направлено движение, и мы, большевики, всегда настаивали не столько на расширении работы, сколько на ее углублении и придании ей социалистической чистоты, особенно в первые моменты. И только тогда, когда пролетариат выделил достаточно прочный слой сознательного пролетариата, движение стало быстро разрастаться вширь.

Этот исторический опыт и положенный в основание его принцип, что социал-демократия не может полагаться на стихию и тащиться в хвосте движения, мы берем как нечто положительное, оправданное исторически. В строительстве Пролеткульта мы также убеждены, что дело строительства пролетарской культуры в данный момент должно быть сосредоточено в руках передового пролетариата, именно индустриального, производственного пролетариата, что ясно подчеркнуто как в литературе Пролеткульта, так и в резолюции Второго Всероссийского Съезда Профессиональных Союзов, в которой указывается, что профессиональные союзы, как классовые рабочие организации, должны органически встать в работу Пролеткульта, сосредоточивая там всю свою деятельность по разработке вопросов пролетарской культуры и подчиняя ее влиянию и руководству индустриально организованных рабочих масс. Это ограничение в данный момент исторически неизбежно!

Рабочий класс состоит из нескольких групп: индустриального пролетариата, ремесленного, торгово-служащего и т. п. В этих группах, иногда довольно далеко отстоящих, классовая психология складывается различным темпом, и степень зараженности буржуазной идеологией у этих групп тоже различна. Всякому понятно различие в психологии двух пролетарских групп, например, металлистов и приказчиков. Металлист—типичный представитель пролетариата и в своей сознательности значительно превосходит более отсталого приказчика, который насквозь пропитан подражательностью буржуазии. Благодаря характеру своей работы как можно больше и скорее продать, приказчик вынужден быть любезен с каждым покупателем, обязан очаровать его и внешностью и манерами, особенно это требуется от продавщиц. В случае, если торговля у приказчика идет медленно и он не умеет привлекать к себе покупателя, капиталист отказывает ему в месте, как бесполезному и ненужному. Во что бы то ни стало, приказчик должен выработать требуемые капиталистом качества, чтобы отсеивать и сохранить свое место под капиталистическим солнцем. Эти приказничьи свойства нам известны, и мы сами часто над ними подсмеиваемся, как над дурным подражанием аристократии и буржуазии в ее внешних манерах. Это явление—неизбежный спутник торгового капитала.

Возьмем швейцара, задача которого в былые время сводилась к тому, чтобы с чисто выбритым подбородком или холеной бородой, в расшитой ливрее, важно, но почитительно—в зависимости от чина посетителя—открывать и закрывать двери, подавать шубу и калоши.

Ясно, что у подавляющего большинства указанных групп пролетариата чисто пролетарской идеологии неизмеримо меньше, чем у металлистов. То же самое можно сказать про ремесленников, живших надеждою выйти в люди, в хозяйчики.

И вполне естественно, что пролетариат не может доверить строительство своей культуры этим группам, он передает его индустриальному пролетариату, как более сознательному. В «Плане организации Пролеткульта» это выражено следующим образом: «если бы культурно-революционная линия Пролеткульта зависела от уровня малосознательных широких масс, Пролеткульт не мог бы выделить среди культурно-творческого классового процесса и организовать в стройное целое чистые формы и тенденции новой культуры, не мог бы дать массам истинного руководства в этом смысле».

Заключительная фраза этой цитаты, а именно: «классовый дух и характер Пролеткульта могут быть основаны лишь на глубоком проникновении условиями жизни и быта, каковые мало доступны для проходящих извне»—отвечает и на другой организационный вопрос: не должен ли Пролеткульт кончить свое существование, как вольное объединение, и слиться с общегосударственными учрежде-

ниями. Раз мы в данный момент делаем определенные различия даже в среде пролетариата, то вполне понятно, что пролетариат, не теряя связи и контакта с *общегосударственными* учреждениями, сохраняет полную свою самостоятельность, как организация со своими специальными творческими задачами.

Пролеткульты мы любим сравнивать с лабораториями. При хорошо оборудованных химических заводах существуют лаборатории, в которых идет творческая работа по отысканию способов скорее, лучше и дешевле выпускать вырабатываемый заводом продукт. Работа в лаборатории свободна от условий производства на заводе, усовершенствования же, добытые в ней, вносятся и закрепляются в заводском способе производства. Таково положение Пролеткульты по отношению к Отделам Народного Образования. Его лабораторная творческая работа свободна от тех декретов, которые проводятся в деле вообще внешкольного образования в общегосударственном масштабе, но все его достижения должны быть использованы Отделами Народного Образования, как завод пользуется достижениями лабораторий.

Пролеткульты и Отделы Народного Образования, точно так же, как Комиссариат Труда и Всероссийский Совет Профессиональных Союзов или Центральный Комитет Коммунистической Партии и Совет Народных Комиссаров, суть различные органы пролетарской диктатуры, и к Пролеткультам необходимо относиться с большей любовью и осторожностью, памятуя, что это молодая, бледно-зеленая травка, только что показавшаяся из-под снега.

«Еще ранняя весна. Может быть, ударит мороз. Но как подснежники, как ранние фиалки убирают потрясенную землю первые цветы пролетарской культуры» — писал тов. А. В. Луначарский по поводу Первой Конференции Петроградского Пролеткульты.

И мы добавим к этим поэтическим словам, на поучение скептикам и неосознавшим пульс нового движения: «Товарищи, не рвите, не топчите этих подснежников и фиалок, а берегите и лелейте их, чтобы опепеленная и окровавленная земля покрылась красотой цветов... чтобы диктатура пролетариата, экономическая и политическая, закрепились диктатурой культурной».

В свое время великий астроном, физически побежденный своими врагами, сказал: «а все-таки она (земля) движется». Какие бы морозы для идеи пролетарской культуры ни завернули, мы спокойно, с сознанием исторической неизбежности, говорим: «идея пролетарской культуры вошла в жизнь, она сильна, к ней придут даже теперешние ее противники, и они же будут ее воспевать».

Валерьян Полянский.

Очерки организационной науки.

Что такое организационная наука *).

1. Единство организационной точки зрения.

1.

Во всей борьбе человечества со стихиями его задача — *власть над природою*. Власть — отношение организатора к организуемому. Человечество шаг за шагом приобретает, завоевывает ее; это значит, оно шаг за шагом *организует мир*, — организует для себя, в своих интересах. Таков смысл и содержание его векового труда.

Природа сопротивляется ему, стихийно, слепо, со страшною силою своей темной, хаотической, но бесчисленной и бесконечной армии элементов. Чтобы победить

*) Это — первая статья из намеченного ряда систематических очерков всеобщей организационной науки.

ее, человечество должно *организоваться само* в могучую армию. И оно организуется в ряды веков, образуя *трудовые коллективы*, от маленьких родовых общин первобытной эпохи до современного сотрудничества сотен миллионов людей, ими еще неосознанного, но вполне реального.

Если бы человечество организовало мир для себя только теми силами и средствами, которыми обладает от природы, оно не имело бы преимуществ перед другими живыми существами, которые тоже борются за себя с остальной природой. В своем труде оно пользуется *орудиями*, которые берет из той же внешней природы. Это—основа его побед, то, что давало и дает ему возрастающее превосходство над самыми сильными и грозными гигантами стихийной жизни, что выделяет его из ее царства.

Но не менее, а еще более трудная задача для человечества—организовать себя, *свои* усилия, *свои* активности, в отдельной личности и в коллективе. В сложности человеческого организма и общества скрыты стихийные силы, слепые и противоречиво сталкивающиеся, порою грозные и разрушительные, как силы природы, темной матери человечества. Судьба сделала нас свидетелями самого истребительного, самого чудовищного в своей грандиозности взрыва этих сил; но о них ясно говорит и вся история, цепь веков, залитая огнем и кровью, полная ужасов голода, изнурительного труда и бессилия миллионов рядом с паразитической роскошью и жестоким господством немногих. Самоорганизация человечества есть борьба с его внутренней стихийностью, биологической и социальной; в ней орудия не менее необходимы для него, чем в борьбе со внешней природой, конечно, иные—*орудия организации*. С великим трудом и великими жертвами человечество вырабатывало их.

Первым таким орудием явилось *слово*. Посредством слова организуется всякое сознательное сотрудничество людей: призыв к работе, в виде просьбы или приказа объединяющий сотрудников; распределение между ними роли в труде; указание последовательности и связи их действий, ободрение к работе, концентрирующее их силы; предостережение там, где начинается несогласованность; остановка работы, перегруппировка, перемена направления усилий—все это выполняется в словесной форме. Гигантские коллективы создаются силою слова, гигантские коллективы управляются ею. Люди XX века видели, как властное слово ничтожнейшей личности направляло миллионы людей в невиданный ад железа и динамита, на убийство и гибель. Недаром древнее мышление, глубокое в своей наивности, породило миф о сотворении мира словом. верило в безграничную власть слова над стихиями: воды и горы, бури и грозы, болезни и смерть должны были повиноваться тому, кто знал и произносил надлежащее слово... Организующая сила орудия была фетишизирована и обобщена на весь мир; но она не ускользала от примитивного сознания, как большей частью ускользает от современного.

Другое орудие, более сложное и тонкое, это—*идея*. Идея всегда является организационной схемой, выступает ли в виде технического правила, или научного знания, или художественной концепции, выражена ли словами, или иными знаками, или образами искусства. Идея техническая прямо и очевидно координирует трудовые усилия людей; научная—делает то же самое лишь более косвенно и в более широком масштабе, как орудие высшего порядка, чему яркая иллюстрация—научная техника нашей эпохи; идея художественная служит живым средством сплочения коллектива в единстве восприятия, чувства, настроения,—воспитывает единицу для ее жизни в обществе, подготавливая организационные элементы коллектива, вводя их в его внутренний строй. Древнее мышление смутно сознавало организационную роль идей, видя в них руководящие указания свыше; новейшее в большинстве случаев утратило и это сознание.

Третье орудие—*социальные нормы*. Все они—обычай, право, мораль, привычка—устанавливают и оформляют отношения людей в коллективе, закрепляют их связи. И эти нормы конкретное сознание патриархальных времен понимало как заветы предков или повеления богов, фетишизированных родоначальников, устраивающие коллективную жизнь; а новейшее отвлеченное мышление, не проникая в социально-организационную природу этих норм, искало их основ в душевных переживаниях отдельной личности.

Откуда же человечество берет такие орудия, как речь, идеи, нормы? Не из внешней природы, как орудия материальные, а из своей собственной,—из своих

активностей и переживаний, из своего опыта. Все это—продукты организации опыта; выполняемой человечеством в ходе тысячелетий. Слово—не пустой звук, а социальный кристалл представлений и стремлений, передаваемых в коллективе от человека к человеку; и таковы же другие, более сложные формы идеологии.

В общей схеме перед нами развернулось все содержание жизни человечества, и теперь можно подвести итоги. Старый учитель научного социализма, Энгельс, выразил их формулой: производство людей, производство вещей, производство идей. В термине «производство» скрыто понятие организующего действия. И мы сделаем формулу точнее: *организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта.*

Что же оказалось? У человечества нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных.

Как, разве мы не видим на каждом шагу разрушительной работы, дезорганизационных задач? Да, но это—частный случай той же тенденции. Если общество, классы, группы разрушительно сталкиваются, дезорганизуя друг друга, то именно потому, что каждый такой коллектив стремится *организовать* мир и человечество для себя, по-своему. Это—результат отдельности, обособленности организующих сил,—результат того, что не достигнуто еще их единство, их общая, стройная организация. Это—*борьба организационных форм.*

Итак, вывод подтверждается: все интересы человечества—организационные. А отсюда следует: не может и не должно быть иной точки зрения на жизнь и мир, кроме организационной. И если это еще не сознается, то только потому, что мысленные люди до сих пор не выбились вполне из оболочек фетишизма, окутавших его на пути развития.

II.

Хорошо, пусть так: мы, люди, организаторы природы, себя самих, своего опыта, свою практику, познание, художественное творчество мы будем рассматривать с организационной точки зрения. Но стихийная природа, разве она—организатор? Разве не будет наивным субъективизмом или поэтической фантазией применять к ее событиям и действиям ту же точку зрения?

Да, конечно, природа—великий *первый* организатор; и сам человек—лишь одно из ее организованных произведений. Простейшая из живых клеток, видимая только при тысячных увеличениях, по сложности и совершенству организации далеко превосходит все, что удастся организовать человеку. Он—ученик природы и пока еще очень слабый.

Но если явления жизни можно исследовать и понимать как организационные процессы, не имеется ли кроме них обширной области «неорганического» мира, мертвой природы, которая не организована? Да, жизнь есть маленькая часть вселенной, теряющаяся в океане бесконечности; но не-живое, «не-органическое» не значит—неорганизованное. Это старое заблуждение из последнего времени царило над мыслью человечества как раз вследствие организаторской ее слабости; оно приходит к концу.

Наука теперь разрушает непреходимые границы между живой и мертвой природою, заполняет пропасть между ними. Мир кристаллов обнаружил типические свойства организованных тел, которые раньше считались исключительно характеризующими царство жизни: кристалл в насыщенном растворе поддерживает свою форму путем «обмена веществ»; он восстанавливает ее повреждения, как бы «залечивая рану»; при известных условиях пересыщения он «размножается», и т. д. А связи царства кристаллов с остальной неорганической природой таковы, что не может быть и речи о принципиальных, безусловных различиях. Среди жидкостей есть образования, так называемые «текущие кристаллы», которые обладают большинством кристаллических свойств. А якобы «живые кристаллы» Леманна, получаемые при известных температурах из параазооксикоричнево-этилового эфира, способны не только размножаться делением и «копулировать», т. е. сливаться попарно, но также и питаться и расти, воспринимая вещество внутрь себя, и двигаться наподобие амёб: все существенные особенности, какими обычно определяются низшие одноклеточные организмы.

Впрочем, и простая капля росы на листе травы в пересыщенной паром атмосфере растет и размножается путем деления. А ее поверхностный слой, физически аналогичный упругой пленке, «охраняет» ее форму подобно тонким упругим оболочкам многих живых клеток, напр., бактерий.

Было бы странно считать «не организованными» стройные, титанически устойчивые, в-мириадах веков оформившиеся системы солнц с их планетами. Но для современной теории таково же, по своему типу, строение каждого атома, с его поражающей устойчивостью, основанной на неизмеримо-быстрых, циклически-замкнутых движениях его элементов.

Полная неорганизованность—понятие без смысла. Это, в сущности, то же, что голое небытие. В ней надо принять отсутствие всякой связи; но то, в чем нет никакой связи, не может представлять никакого сопротивления нашему усилию; а только в сопротивлении мы узнаем о бытии вещей; следовательно, для нас тут нет никакого бытия. И мыслить абсолютную бессвязность можно только словесно, никакого реального, живого представления в эти слова вложить нельзя, потому что абсолютно бессвязное представление вовсе не есть представление и вообще—ничто.

Даже мнимая пустота мирового пространства—мировой эфир—не лишена низшей, элементарной организованности: и она обладает сопротивлением; лишь с ограниченной скоростью движение проникает через нее; а когда возрастает скорость движущегося тела, тогда, согласно идеям современной механики, растет и это сопротивление, сначала с неумовимой медленностью, потом все быстрее; и на пределе, равном скорости света, оно становится совершенно непреодолимо—бесконечно велико.

Так, исходя из фактов опыта и идей современной науки, мы неизбежно приходим к единственно целостному, единственно монистическому пониманию вселенной. Она выступает перед нами, как беспредельно разветвляющаяся ткань форм разных типов и ступеней организованности, от неизвестных нам элементов эфира до человеческих коллективов и звездных систем. Все эти формы, в их взаимных сдвиганиях и взаимной борьбе, в их постоянных изменениях, образуют мировой организационный процесс, неограниченно простирающийся в своих частях, непрерывный и неразрывный в своем целом.

II: Единство организационных методов.

Такова организационная точка зрения. Она совершенно проста и в простоте своей непреложна. Что же она дает нам, какие пути раскрывает?

Было бы мало пользы для практики и теории, если бы дело свелось к философскому положению: «все есть организация». Для практики и для теории нужны и важны *методы*. Вывод по отношению к ним ясен: «все методы суть *организационные*». Отсюда задача: понять и изучить все и всякие методы, как организационные. Это может быть большим шагом вперед, но при одном условии: чтобы организационные методы поддавались научному обобщению.

Если бы организационные методы в одной области были одни, в другой—другие, совершенно с ними несходные, в третьей—третьи, напр., в организации вещей, т.-е. техники, не имеющие ничего общего с методами организации людей, т.-е. экономики, или организации опыта, т.-е. мира идей,—то овладеть ими стало бы несколько не легче от того, что все они будут обозначены, как организационные. Совсем иное, если по исследованию окажется, что между ними возможно установить связь, родство, что можно подчинить их общим законам. Тогда изучение этой связи, этих законов позволит людям наилучшим образом овладеть этими методами и планомерно развивать их—и станет самым мощным орудием всякой практики и всякой теории. Что же в действительности, первое или второе?

Самое глубокое различие, какое известно нам в природе, это—различие между стихийностью и сознательностью, между слепым действием сил природы и планомерными усилиями людей. Здесь надо ожидать наибольшей разнородности ме-

тодов, наибольшей их несводимости к единству. Здесь и лучше всего начать исследование.

Прежде всего оно наталкивается на факты *подражания* человека природе в приемах и способах организационной деятельности.

Природа организует сопротивление многих живых организмов действию холода, покрывая их пушистым мехом, перьями или иными мало проводящими тепло оболочками. Человек тем же самым путем достигает тех же результатов, устраивая себе теплую одежду. Стихийное развитие приспособило рыбу к движению в воде, выработавши определенную форму и строение ее тела. Человек придает ту же форму своим лодкам и кораблям, при чем воспроизводит и строение скелета рыбы: киль и «шпангоуты» в точности соответствуют ее позвоночнику и ребрам. Посредством «паруса» перемещаются семена многих растений, животные с летательными перепонками и т. под.; человек усвоил метод паруса и широко применяет его на памяти истории. Режущим и колющим природным орудиям животных, напр., клыкам и когтям хищников, были, вероятно, подражанием ножи и копыя первобытных дикарей, и т. под. В историях культуры можно найти сколько угодно таких иллюстраций.

Самая возможность подражания, в сущности, уже достаточное доказательство того, что между стихийной организующей работой природы и сознательно планомерною—людей нет принципиального, необходимого различия. Не может быть подражания там, где нет ничего общего *). Но еще ярче и убедительнее выступает эта основная общность там, где человек, *не подражая* природе, вырабатывает такие же организационные приспособления, какие потом находит и в ней познание.

Вся история развития анатомии и физиологии переполнена открытиями в живом теле таких механизмов, от самых простых до самых сложных, которые раньше этого уже были самостоятельно изобретены людьми. Так, скелет двигательного аппарата человека представляет систему разнообразных рычагов, в которой есть и два блока (для одной шейной и одной глазной мышцы); но рычаги применялись людьми для перемещения тяжестей за тысячелетия до выяснения этого анатомами, а блоки—за много сотен лет. Всасывающие и нагнетательные насосы с клапанами устраивались задолго до раскрытия вполне сходного с ними аппарата сердца. Также и музыкальные инструменты с резонаторами, со звучащими перепонками изобретались много раньше, чем были выяснены строение и функции голосовых органов животных; равным образом, в высшей степени мало вероятно, чтобы первые собирательные стекла были сделаны в подражание хрусталику глаза **). А устройство электрических органов у рыб, обладающих ими, было исследовано много позже, чем физики построили по тому же принципу конденсаторные батареи.

Это—первые, бросающиеся в глаза примеры из одной ограниченной области, в которой их можно было бы взять еще во много раз больше. Но вот сопоставление другого рода: социальное хозяйство у человека и у высших насекомых. О подражании между ними, конечно, не может быть и речи. Между тем и в способах производства и в формах сотрудничества параллелизм поражающий. Постройка сложных, расчлененных жилищ у термитов и муравьев, скотоводство у многих муравьев, которые содержат травяных тлей в виде дойного скота,—факты общеизвестные; найдены и зародыши земледелия у некоторых американских видов: выпалывание трав вокруг пригодных в пищу злаков; очень вероятно, что и у людей таково было

*) «... Это—достаточное доказательство *принципиальной однородности* организационных функций человека и природы: идиот не может подражать творчеству гения, рыба—краснощекому оратору, рак—полету лебедя; подражание всюду ограничено рамками общих свойств, рамками *однородности*» (Тектология, ч. I, стр. 23).

**) Природа отдельно «изобретала» собирательную линзу для животного и для растительного царства. У нас хрусталик служит для собирания лучей на чувствительную к свету сетчатку глаза, воспринимающую изображение предметов, образуемое перекрестом лучей. В «светящемся мхе» подобная же линза из прозрачных клеток собирает лучи на зерна хлорофила, которые за счет световой энергии вырабатывают для растения крахмалистые вещества из углекислоты воздуха в соединении с водою.

начало земледелия. Также вполне установлено разведение съедобных грибов внутри муравейников муравьями-листогрызами в Бразилии. Широкое сотрудничество и сложное разделение труда у социальных насекомых опять-таки всем известны; правда, там разделение труда, главным образом, «физиологическое», т. е. связанное прямо со специальным устройством организма разных групп—рабочих, воинов и т. п.; но надо заметить, что и у людей первоначальное разделение труда было именно физиологическое, основанное на различии мужского и женского организма, взрослого, детского и старческого. Общий характер организации муравьев—патриархально-родовой быт; при этом мать является не руководящей работой, не властью в своей общине, а ее живой, кровной связью; есть много оснований предполагать, что такова же была роль прародительницы в первобытных формах матриархата у людей. Есть, впрочем, и авторитарное разделение труда, по крайней мере, зародышевое, в виде так называемого «рабства» у многих муравьев; а у термитов, по некоторым указаниям, среди каст воинов имеются руководители—«офицеры» и подчиняющиеся им «солдаты». Наконец, есть много оснований предполагать у муравьев какие-то методы общения, позволяющие им передавать довольно сложные данные, что говорит о «членораздельном» характере этих методов; но неизвестно, звуковая это «речь» или осязательная, в которой знаками служат различные прикосновения сяжек; последнее, кажется, вероятнее.

Таков организационно-культурный параллелизм, создавшийся при *вполне самостоятельном* развитии обеих сторон: можно считать несомненным, что те общие предки, от которых произошли люди и насекомые, вовсе не были социальными животными.

Итак, пути стихийно-организационного творчества природы и методы сознательно-организационной работы человека могут и должны подлежать научному обобщению. Однако старое мышление проводило свои «непереходимые» границы не только по этой линии, но устанавливало ряд иных различий, «абсолютных» различий по существу. Одно из таких различий—между «живой» и «мертвой» природой—нам пришлось уже рассмотреть, и оказалось, что с организационной точки зрения оно, вовсе не является непереходимым, что оно есть различие только в степенях организованности. И мы видели вполне параллельные организационные сочетания по ту и другую сторону этой грани,—процессы «обмена веществ», «размножения», «восстановления нарушенной формы» в неорганическом мире, и т. п. Можно привести также иные, бросающиеся в глаза иллюстрации этой основной однородности. Солнечно-планетные системы на одной ступени лестницы неорганических форм, строение атома, каким его представляет современная наука,—на другой, представляют характерно *централистический* тип: один, «центральный» комплекс—Солнце, положительное электрическое ядро атома—является по преимуществу определяющим для движений и соотношений других частей и целого. В царстве жизни централистический тип—один из наиболее обычных; достаточно вспомнить роль мозга в животных организмах, влестителей в авторитарных общественных организациях, маток у пчел и муравьев, и т. п. Другой, очень распространенный тип—соединение твердой или эластичной, но вообще более устойчивой оболочки с жидким, более подвижным или менее устойчивым содержимым: форма равновесия, вероятно, большинства планет вселенной или простой капли воды, в которой оболочку образует поверхностный слой с его особыми свойствами; но также форма строения, обычная для растительных и нередкая для животных клеток и для множества организмов, одетых наружным скелетом.

Переходя к масштабу еще более широкому, мы находим самый распространенный в природе метод сохранения или восстановления равновесия: периодические колебания или «волны». Это—как бы общая модель для бесчисленных процессов неорганического мира, как непосредственно наблюдаемых, так и принимаемых наукою в силу теоретической необходимости; волны в воде, звуковые колебания воздуха, тепловые вибрации в твердых телах, электрические, световые и «невидимые», от герцевских до рентгеновских; а на другом конце вселенной «вращения» небесных тел также могут быть представлены как сложные периодические колебания... Но эта модель столь же неограниченно применима и в области жизни; почти все ее процессы имеют периодически-колебательный характер. Таковы пульс и

дыхание, работа и отдых каждого органа, бодрствование и сон организма. Смена поколений представляет ряд накладывающихся одна на другую волн,—настоящий «цульс жизни» в веках, и т. п.

Большинство философов и значительная часть психологов принимают до сих пор еще иную непреходимую границу между «материальной» и «духовной» природою, или между «физическим» и «психическим». Тут можно было бы снять предположить совершенную несводимость к единству организационных методов. Однако те же философы и психологи признают, в разной степени и под разными названиями, параллелизм психических явлений с физическими нервными процессами. Но параллелизм означает именно то, что связь элементов и сочетаний на одной стороне соответствует связи на другой, т. е. основное единство способов организации. Как мог бы «психический образ»—восприятие или представление—соответствовать «физическому предмету», если бы части одного не соединялись так, как части другого? И, напр., тот же колебательный ритм работы и отдыха, который свойствен физическим процессам в организме, вполне параллельно обнаруживается и в психических; а часто он наблюдается для психических и там, где еще не удается наглядно констатировать его для физиологических изменений,—хотя бы, пожелаем, в виде «волн внимания». И любой продукт «духовного» творчества—научная теория, поэтическое произведение, система правовых или нравственных норм—имеет свою архитектуру, представляет расчлененную совокупность частей, выполняющих различные функции, взаимно дополняя друг друга: принцип организации тот же, что и для каждого физиологического организма.

Так всюду намечается единство организационных методов,—в психических и физических комплексах, в живой и мертвой природе, в работе стихийных сил и сознательной деятельности людей. До сих пор оно точно не устанавливалось, не исследовалось, не изучалось: не было *всеобщей организационной науки*. Теперь настало ее время.

III. Путь к организационной науке.

I.

Хотя этой науки до сих пор не существовало, но ее основная точка зрения зародилась на первых же шагах жизни человечества—вместе с началом речи и мышления.

Первые слова-понятия были обозначением человеческих трудовых действий,—обозначением вполне естественным, потому что это были крики усилия, трудовые междометия. Когда они воспроизводились в отсутствии такого усилия, они выражали стремление, призыв к нему или живое представление о нем. Их вызывало, следовательно, все, что достаточно живо о нем напоминало. Вот, например, первичный корень «*rag*» имеющий в арийских языках значение «разбивать»; от него происходят и наши слова «*враг*», «*разить*», «*раз*» и частица «*раз*» в глаголах; он представлял, вероятно, просто рычанье, которое слышалось при нанесении удара; он мог выступать на сцену не только при этом акте или как выражение призыва к нему, но и в самых различных условиях, имеющих с ним связь: при виде врага или при мысли о нем, при виде оружия, которым нанесится удар, или результатов удара, т. е. чего-нибудь разбитого, сломанного и т. п. Все это произвольно обозначалось, вернее, отмечалось тем же звуком: первоначальная *неопределенность значения* слов-корней, благодаря которой каждый из них мог стать исходным пунктом развития в дальнейшем тысяч других слов, со все более разветвляющимися, но и все более определенными значениями.

Из этой же самой неопределенности возникло основное условие человеческого мышления о природе: *основная метафора*. Метафорой, т. е., буквально, «перенесением», называется вообще применение слова, обозначающего одно явление, к другому явлению, имеющему с первым нечто общее, например, когда поэт называет зарю «*кровавой*», весну «*лаковой*», море «*грозыным*». Далекий предок арийских народов не знал, что такое метафора, но самым естественным образом применял тот же корень «*rag*», когда наблюдал или представлял какое-нибудь сокрушитель-

ное действие стихийных сил: скалы, все разбивающей и дробящей в своем падении, бури, ломающей деревья, и т. п. Действие стихийное обозначалось тем же словом, что и человеческое. Это и есть основная метафора. Без нее люди не могли бы говорить о внешней природе, а следовательно, и вырабатывать понятий о ней: мышление о мире было бы невозможно).

В основной метафоре человечество перешагнуло через самую глубокую пропасть своего опыта: через границу между собою и своим извечным врагом—стихиями. Основная метафора—первый зародыш и протобраз единства организационной точки зрения на вселенную. Слово было орудием организации социально-человеческих активностей; между тем оно стало применяться в объединении опыта по отношению к активностям внешней природы: те и другие принципиально обобщались в организационном смысле.

Первобытное мышление не было системой, не являлось «мировоззрением»: слова-понятия слишком тесно еще связывались с непосредственными действиями и не мыслились в своей особой связи, не группировались специально между собою в одно целое. Эта особая их организация начала создаваться на более высокой ступени развития, а именно тогда, когда в самой жизни мысль уже стала отделяться от физически-трудового усилия: когда появилось разделение людей на руководителей и исполнителей, на организаторов и организуемых. Где один обдумывает, решает и приказывает, а другой выполняет, там образуются как бы два полюса: полюс мысли и слова, с одной стороны, полюс мускульной работы—с другой. Руководителю, например патриарху или военному вождю, приходилось складывать в своей голове план часто очень сложного и обширного дела, состоящего из массы действий, которые будут выполнены другими, подчиненными ему людьми; в этом плане, естественно, уже соединились мысленные образы или понятия между собою, а не с действиями, которые потом осуществились отдельно, хотя и в зависимости от них. Таким путем зарождалась самостоятельная организация мыслей, мышление как система, то, что не вполне точно называют мировоззрением, более правильно—миропониманием.

При этом начальное единство организационной точки зрения не только сохраняется, но еще усиливается. Организация мышления определялась, конечно, организацией труда, средством для которой служила. А для области труда типичным было именно сочетание организаторского и исполнительского действия в их неразрывной связи. По такому типу и мыслились все вообще действия, не только социально-трудовые, но и человеческие индивидуальные и даже все стихийные. Там, где поступок человека не был обусловлен указанием другого лица—организатора, там принималось, что он сам себе указал, сам для себя явился организатором; таким путем в нем оказывалось две стороны—организаторская или руководящая и исполнительская или пассивная; первая называлась душою, второй—телом. То же относилось ко всякому комплексу внешней природы: животное, растение, камень, поток, небесное тело, все, что воспринималось как нечто действенное,—а ничто иное для примитивного мышления вовсе не существовало,—все это мысленно организовалось по схеме «дух—тело». Непосредственно и наивно признавалось, следовательно, всеобщее единство организационного метода. А самый метод мышления, как видим, взят готовым оттуда же, откуда само произошло, т. е. из социальной практики, из сферы производства.

На такой основе становятся вполне понятны и естественны многие заблуждения и «суеверия» наших далеких предков и современных дикарей. Такова, например, вера в заклинания, в силу волшебных слов, их способность действовать на предметы внешней природы, изменять ход стихийных явлений. Человеческие действия определяются словами, а именно указаниями или приказами организатора; если принимается, что такова же сама по себе организация действий стихийных, то очевидно, что и они подчиняются словам,—но, конечно, словам компетентного организатора и сказанным надлежащим образом, вразумительно для того предмета или стихии, на которые требуется повлиять. Не даром на русском языке «мир» означает, собственно, общину: для наивного сознания как в общине, так и во всем мире—связи те же, отношения те же. Это—неизбежная ступень в развитии организационного сознания.

Первоначальное единство организационной точки зрения сохраняется на всем протяжении эпох авторитарного быта. Мировоззрение их имеет форму «религий», и эти религии представляют устройство мира либо по типу патриархально-родовому, либо по феодальному: в более ранних религиях отдельные родовые боги, затем объединяющие их племенные; в более развитых—многобожная цепь богов, из которых более мелкие являются вассалами, более крупные—их сюзеренами, а во главе стоит объединяющий бог-суверен, при чем боги подчиненные нередко даже платят дань или приносят жертвы высшим богам. Практическое значение связи людей с богами заключается именно в том, что боги одинаково управляют людьми и вещами и могут в пределах своей области предписывать вещам действия, желательные и выгодные для людей. Священные книги этих религий,—например может служить еврейская Библия,—представляют энциклопедии организационного опыта тех времен. Там дается история мира и человечества, география, указания по технике производства, по его экономике, по бытовым отношениям людей, по политическому устройству, по культу, по медицине и гигиене и т. д. Все это изложено, с нашей точки зрения, весьма беспорядочно, как наспех записывалось,—санитария перемешана с культом и техникой, политика—с географией и законами о семье; но все глубоко проникнуто основным, наизымым единством метода. И законы природы, и законы жизни людей рассматриваются как совершенно однородные организационные предписания божественной власти; а все знание о них—как ее «откровение», т. е. просто сообщение или опубликование этих предписаний. Нет и мысли о том, что процессы природы, жизни стихийной и социальной могут иметь свои собственные законы, различные для разных областей опыта, что подчинение фактов известным закономерностям и повиновение людей власти—вещи не одного порядка.

Здесь растущий, кристаллизующийся опыт все время, как бы автоматически, дополняется по одной схеме: солнце ежедневно совершает путь от востока к западу, потому что так ему указан; болезнь развивается в определенной последовательности, потому что выполняет соответственное веление, и т. под. Самые широкие, наиболее постоянные правильности в опыте, это—непредложные предписания высшего божества. На их непреложности основана вся уверенность людей в трудовых расчетах, в планомерных усилиях. Конечно, божество, как и всякий властитель, может в отдельном случае приостановить или стеснить действие им же установленного закона; но это будет исключение, «чудо», специальное вмешательство, которое, разумеется, бывает очень редко. Под это понятие подводятся кажущиеся нарушения привычных правильностей жизни, например, землетрясения, невиданные эпидемии, разрушительные наводнения и т. под. Таким образом самая идея закономерности не подрывается ими; понятие «чуда» служит как бы охраной для ее развития, отстраняя от нее все, чего не в силах уложить в нее слишком еще слабое познание.

II.

Первичное единство организационной точки зрения основывалось на слабости человеческого труда-опыта и на однородном авторитарном строении общества. Развитие, преодолевая эту слабость и создавая новые социальные отношения, повело к распаду первичного единства, к дроблению опыта и к изменению всей его связи.

Разделение труда легло в основу преобразования социальной жизни людей вообще и мышления в частности. Шаг за шагом усиливалась специализация, которая суживала поле работы для отдельной личности, но зато повышала производительность этой работы и облегчала, ускоряла накопление опыта. Кузнец, портной, земледелец, каждый в своей сфере с наибольшей полнотой усваивал приемы и условия производства, завещанные предками, но и сам мало-по-малу, вначале незаметно для себя, а потом и сознательно совершенствовал, дополнял методы. Еще легче и чаще подобный прогресс происходил путем заимствования при тех отношениях между людьми разными областями и стран, которые разрывались в обмене товаров, порождая тем же разделением труда. В обоих случаях старая организационная точка зрения не могла удерживаться; усовершенство-

ванные приемы, новые техничеcки-организационные правила уже не были предписаниями и откровениями богов: если они вырабатывались самостоятельно, это было очевидно само собою; если они заимствовались извне, то подчиняться им, как велениям *чужих* богов, являлось недопустимым, и возможно было принимать их только как полезные знания, не более.

Так возникло, рядом с прежним религиозным, священно-заветным и консервативным, иное знание, перерелигиозное, светское и прогрессивное. Оно естественным образом собиралось и накапливалось по отраслям труда, к которым относилось: знание земледельческое, кузнечное и т. д. Оно передавалось устно и практически, от родителей к детям, от мастеров к ученикам; но по мере возрастания его массы это делалось недостаточным, оно записывалось и вместе с тем приводилось в систему, теперь уже совсем нового рода: оно организовалось так, чтобы затрачивалось как можно меньше труда на его усвоение и запоминание, по принципу «экономии сил». Это и есть *научный* принцип: опыт начал организоваться в науку, или, точнее, в отдельные науки. Знания земледельческие стали материалом агрономии, науки о сельском хозяйстве, знания кузнечные—металлургии, рудокопные—науки горноделания, и т. д. Это, как видим, технические науки. Число их возрастало с разветвлением общественного труда и собиранием опыта во всех отраслях; к нашему времени их можно считать сотнями.

Отнюдь не надо думать, что технические знания одной отрасли только в этой отрасли и применимы: действительное единство человеческого труда господствует над его формальным разделением, и часто организационные методы оказываются пригодными далеко за пределами той области, где первоначально вырабатывались. Так, например, к земледельческим знаниям относились приемы землемерия, с одной стороны, приемы счисления времени—с другой. Землемерие нужно вообще для распределения участков в сельском хозяйстве и для производственных расчетов: о количестве требуемых семян, о количестве ожидаемого продукта и т. п. А в странах, где раньше всего развились более высокие формы земледелия,—в затопляемых и оплодотворяемых разливами долинах великих рек—Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Ганга, Янг-тсе-кианга,—землемерие было тем более необходимо, чтобы ежегодно восстанавливать границы участков, исчезающие в разливах. Однако землемерные приемы не сделались простой частью сельскохозяйственной науки. Эти приемы—измерение линий, углов, фигур, выяснение их взаимной связи и завершенности—оказались также широко применимы в инженерном и строительном деле, в устройстве каналов, мостов, шлюзов, больших дорог, в постройке всякого рода зданий, а затем и в кузнечно-инструментальном деле как средство устанавливать точную форму орудий, и в глазной медицине при шлифовке рогов для очков, и в живописи как основа перспективы, и в ювелирном деле при шлифовании камней, и в военной технике для точного прицела и т. д., без конца. Методы землемерия распространились на все области труда и жизни, а потому не могли остаться техничеcки-прикладным знанием одной отрасли: под именем «геометрии» они сделались особой наукою *общего*, или «отвлеченного» характера.

Землемерие с самого начала требовало правильного расчета времени года, т. е. «календаря». Вести этот расчет возможно только по солнцу и другим светилам, наблюдая периодичность их положений. В странах великих речных цивилизаций эти приемы должны были развиться до особенной точности, потому что, при стихийном ходе разливов и их зависимости от степени солнечного нагревания в верховьях и на всем протяжении рек, всякая хотя бы небольшая ошибка в вычислениях времени могла оказаться роковой для массы людей и их хозяйства. Таким образом, в земледельческой практике зарождалась астрономия. Но опять-таки ее методы и приемы не остались в пределах сельского хозяйства, а нашли широкое применение во всех отраслях социальной жизни. Календарь и счет времени необходимы повсюду,—особенно в технике сношений, где долго и расстояния рассчитывались по времени; кроме того, только по астрономическим телам можно устанавливать точные направления в море или в степях; а позже научились по ним же высчитывать с точностью положения в пространстве—широту и долготу, без чего немислимы дальние плаванья. А с переходом к массовому производству, и особенно к машинной технике, вся организация труда требует распределения по часам и

минутам, иногда секундам; и это относится не только к расписаниям железных дорог, трамваев, но также ко многим химическим, металлургическим процессам и пр. Между тем точная проверка и согласование бесчисленных часов, по которым организуется жизнь и работа людей, достигается только астрономическим путем. Этими же методами выработана единая всеобщая система мер—метрическая: метр есть сорока-миллионная часть земного меридиана, который и является основной мерою всей системы; но разделить эту меру на части можно только с помощью астрономии и геометрии. Следовательно, астрономия служит орудием организации не отдельных отраслей, а всего производства в целом, как средство ориентировки человеческих усилий во времени и пространстве.

Еще более общий характер имеет счетная наука: все трудовые процессы, товарное и денежное обращение, все экономическое устройство общества основаны на счете рабочих сил, рабочих часов, количества материалов, орудий, продуктов, на всякого рода арифметических, алгебраических, статистических выкладках. Здесь перед нами также, очевидно, всеобщий организационный метод, в форме отвлеченной науки.

То же относится и к другим общим наукам. Нельзя указать такую отрасль производства, в организации которой не применялись бы данные и методы механики, физики, химии—наук о сопротивлениях и активностях внешней природы, с которыми встречается всякое человеческое усилие. Логика есть наука для регулирования всякого коллективного обсуждения и всякого размышления, которое, в конечном счете, всегда служит средством последующей организации усилий. Науки о жизни—орудие контроля координации, гармонизации всех жизненных процессов самого человека, как рабочей силы, его домашних животных и культурных растений, а также орудие технического преодоления и использования всякой иной жизни в природе. Социальные науки—средство внесения планомерности во всякое сотрудничество людей, и т. д.

Следовательно, обобщающие науки, сами по себе, являются воплощением единства организационных методов во всей раздробленной системе коллективной человеческой деятельности. Несмотря на это, их развитие не повело к поддержке и укреплению объединяющей организационной точки зрения,—совершенно наоборот. Среди возраставшей специализации общества они, по мере накопления массы материала, *сами обособлялись в отдельные специальности*; а затем они еще распадались на специальности более мелкие, число которых теперь огромно. Это дробление науки дополнило и усилило собою действие дробления техники, так что прежнее наивное единство организационной точки зрения исчезло из общественного сознания, а нового не создавалось. Мир мышления оказался таким же разрозненным, анархичным, как и мир практики: их взаимная связь и связь их частей в действительности, конечно, не перестали существовать, но были скрыты, замаскированы формальным разъединением. Таков организационный опыт буржуазного мира, такова его наука.

III.

Никакой специалист не может жить всецело и исключительно в своей специальности; его знания и опыт неизбежно выходят за ее пределы в силу связей и общения с другими людьми. Например, как потребитель, он должен иметь понятие о самых различных продуктах других отраслей труда; как отец и муж—о потребительном семейном хозяйстве и воспитании детей; как гражданин—о государственной связи, и т. д. Но между тем как в своей специальности он стремится к точному оформлению опыта, к его определенности, полноте и стройности, к его научной организации, во всех других областях он довольствуется минимальными, отрывочными знаниями, неопределенным и смутным «бывательским» или «житейским» опытом.

Этот житейский опыт играет огромную роль в жизни и служит прочным фундаментом для разрозненного, анархичного по своей форме коллектива. И притом этот опыт сравнительно однороден и однообразен у всех, живущих в одной социальной среде. При всей своей ненаучности он отличается огромной широтой и общ-

ностью своего содержания. Он относится к самым различным сторонам жизни, к организации вещей, по крайней мере, в домашней обстановке, людей—в семье, в обыденных соседских и иных отношениях, к организации идей—в так называемом «общественном мнении».

В этом житейском опыте, не полном, но разностороннем, не научно-оформленном, но практически-жизненным, продолжает удерживаться наивное единство организационной точки зрения, стихийная, но глубокая тенденция к единству организационных методов.

Основным его хранилищем служит общенародный язык. Правда, и в его области на почве специализации обособляются, как ветви от одного дерева, отдельные частичные отрасли—технический язык той или иной профессии, терминология той или иной науки; а классовое расчленение общества порождает и более обширное расхождение диалекта господствующих классов и диалекта подчиненных масс. Но остается значительное общее ядро языка—необходимая связь социальных групп и классов, условие их достаточного взаимного понимания при их практическом общении. В нем-то и кристаллизованы, элементарно оформлены традиции прошлого, опыт тысячелетий.

Общенародный язык во всей широте сохраняет основную метафору. В нем суждения или «предложения», относящиеся к человеческим и социальным активностям, организуются совершенно одинаково с теми, которые относятся к активностям стихийным; например, «подлежащим» может являться предмет живой или неодушевленный, конкретный или отвлеченный, символ тела или процесса, или действия; один и тот же глагол, одно и то же прилагательное может выступать как сказуемое при всех этих разнородных-подлежащих, т.-е. как их прямая характеристика. Соответственно расчленению доныне господствующей патриархальной семьи все комплексы внешней природы, все абстракции идеального мира разделяются на мужчин, женщин и сексуально неоформившихся детей, ибо никакого иного смысла не имеет деление существительных на роды мужеский, женский и средний. Этот своеобразный монизм легко проследить по всей линии грамматики.

Не менее сильна и еще более глубока та же тенденция в «лексиконе» языка, т.-е. в его словесном материале. От любого из первичных корней, означавших коллективно-трудовые действия, расходится потомство в целые тысячи слов-понятий; оно распространяется по всем областям опыта, физического и психического. Из одного и того же арийского корня *stard*, общий смысл которого—разбивать, дробить, через массу переходов и промежуточных оттенков, вышли такие слова, как в русском «молот» и «малый», «смерть» и «море», «молодой» и «медленный»; в немецком «Meer» (море), и «Erde» (земля), «Mord» (убийство) и «mild» (мягкий, нежный), «Mal» (раз) и «schwarz» (черный) и т. под. Во всех них при достаточном исследовании обнаруживается одна и та же идея, имеющая огромное значение для всего организационного опыта—идея *деления на части*, в разных видах и приложениях *). С русским глаголом «крыть» связано множество слов: «кора», «корень», «короб», «корабль», «черепа», «черепаха» и пр.; в других арийских языках таких слов тоже много, например, немецкое «Korb», франц. «corbeille»—корзина, франц. «corgesse»—кора, «crouste»—корка, и пр. Во всех них скрыта идея одного и того же организационного приема, в технике и в стихийной природе: соединение менее устойчивого, более нежного содержания с более прочной оболочкой, защищающей его от разрушительных внешних воздействий. В греческом от корня *αγ*, опять-таки распространенного и в других родственных языках, происходят слова «*τάττειν*»—строить, «*τέκτων*»—строитель, «*τάξις*»—боевой строй и вообще порядок, «*τέχνη*»—ремесло, искусство, «*τέχνην*»—дети, и масса других аналогичных. При величайшей разнородности этих понятий, во всех них заключена общая идея *организационного процесса* **).

*) Напр., «малый»—результат деления на части; «молодой» связано с понятием «малый», «море» характеризуется величайшей легкостью деления образующей его воды; «Erde»—земля—означает прежде всего почву, мягкую, рыхлую, легко разведываемую; «schwarz»—черный и русское «смоль», «смола» связаны с представлением о мази или пачканыи веществе, которое растрескивается или распадается, и т. д.

**) Поэтому я и предложил обозначить всеобщую организационную науку словом от того же корня—«гектология». Гениель уже употребил это слово, но только по отношению к законам организации живых существ.

Нередко слово сохраняет организационную идею там, где раздробленное мышление личности уже совершенно утратило ее. Например, организующая роль религии в социальной жизни вполне ускользает от обыденного, среднего сознания нашей эпохи. Между тем самое слово вполне ясно указывает на эту роль, происходит ли оно от «religare» (латинск.—связывать), или от «telegege» (собирать). Аналогичным образом если не состав, то употребление слова «душа» в русском и других родственных языках, если его внимательно проследить, дает разгадку одной из наиболее темных тайн науки и философии. Оно часто применяется в смысле «организатор» или «организующее начало»; например, такое-то лицо—«душа» такого-то дела или общества, т.е. активный организатор хода работ или жизни организации; «любовь—душа христианства», т.е. его организующее начало, и т. под. Из этого ясно, что «душа» противопоставляется телу именно как его организатор или организующее начало, т.е. что тут простое перенесение на человека или на другие предметы понятия об определенной форме сотрудничества—разделении организатора и исполнителя, или авторитарной трудовой связи. А это и есть действительное решение вопроса о том, как произошла идея «души». Коллективный гений языка в этом случае, как и во многих других, оказался выше индивидуальных усилий ученых-специалистов, детей разрозненного, анархичного общества.

Далее житейский опыт сохраняется и в более сложных формах так называемой «народной мудрости»: в пословицах, притчах, баснях, сказках и т. под. Многие из них являются выражением самых широких законов организации в обществе и в природе. Например, пословица «где тонко, там и рвется» есть образное, не научное, но верное выражение самого общего закона, по которому происходит дезорганизация на всех ступенях вселенной: какое бы то ни было целое начинает дезорганизоваться, если только в одном его пункте сопротивление окажется недостаточным сравнительно с действующей извне силой: ткань—там, где она всего тоньше; цепь—там, где есть непрочное или прержавшее звено; организация людей—там, где связь ее слабее; живой организм—там, где его ткани менее защищены; научная или философская доктрина—там, где соединение понятий уязвимее для критики, и т. под. Пословица «куй железо, пока горячо» есть отнюдь не только техническое правило для кузнечного дела; она—принцип всякой практики, всякого организационного и дезорганизационного дела; она указывает на необходимость использования благоприятных его условий в виду их ограниченной длительности и безвозвратного значения их потери. Правило это одинаково важно и для земледельца, по отношению к условиям посева или жатвы; и для политика или стратега—по отношению к изменяющимся комбинациям сил общественных или боевых; и для художника или исследователя—в смысле счастливого для работы сочетания внешних условий или психо-физиологического состояния, так называемого «вдохновения»; и для влюбленного и т. д. Притча о прутиках, которые легко ломает ребенок, и о составленном из них венке, которого не может сломать сильный человек, есть народно-образное выражение всеобщей идеи организации; она также равно применима и к людям, и к вещам, и к идеям. Конечно, не все воплощения народной мудрости так широко и глубоко охватывают организационный опыт; но они все относятся к нему не в узко-специальном масштабе, а тяготеют к распространению через рамки отдельных отраслей жизненной практики и мысли. Однако этот монизм «народной тектологии» не в силах сам по себе бороться с духом специализации и все в большей мере уступает ему господство над общественным сознанием, параллельно ходу технического и идейного прогресса. Дело в том, что житейская мудрость не только ненаучна по форме, но и глубоко застойна по своей основной тенденции, принадлежит прошлому и стремится сохранить его; по отношению к ней специализация выступает как прогрессивная линия жизни. Однако, разбивая монизм наивный и консервативный, она же вызывает зарождение иного монизма, научного и прогрессивного, который жизненно выше ее настолько же, насколько она сама выше народной тектологии.

IV.

Специализация повела к огромному развитию коллективной силы человечества в труде и в познании. Но все же она—ограниченный двигатель прогресса. Рядом с условиями, облегчающими и ускоряющими прогресс, она заключает в себе также условия замедляющие; значение их вначале ничтожно, но с развитием оно возрастает и в позднейшие эпохи превращается в настоящее, глубокое противоречие, которое дорого обходится человечеству.

Выгода специализации, это прежде всего—экономия сил. Работник не разбрасывает их по разным направлениям, а сосредоточивает на одном; в результате действие их оказывается значительнее, точнее, совершеннее. Так как поле организационного опыта сужено, то им овладеть легче; выработка навыков и приемов идет быстрее, успешнее. Тем не менее рядом со сбережением сил идет и их расточение, на первых шагах незаметное, но неизбежное уже с самого начала. Оно вытекает из уменьшения связи людей и связности их опыта.

Это прежде всего и особенно наглядно обнаруживается в области языка. Благодаря разобщению отраслей, вещи вполне однородные получают в них разные названия, так что сложность языка и затраты энергии на его усвоение каждым членом общества значительно возрастают. И это особенно относится к тому, что всего больше повторяется в опыте и, значит, чаще всего выступает в речи. Так, в нашем языке о людях говорится «умереть», о животных же «околоть»—большая часть, когда дело идет о домашних, или «издохнуть»—обычно о диких; о рыбах же рыболовы говорят «уснуть», а для раков даже особый термин—«перешептаться», т. е. прекратить свойственное им шуршание, и т. д. Наиболее поразительна в этом смысле множественность слов, выражающих организационный процесс. «Организовать» у нас говорится, главным образом, о людях и учреждениях. Для продуктов труда общий термин «произвести»; но его значение совершенно то же: сорганизовать определенные элементы—в данном случае элементы внешней среды—в заранее намеченное сочетание. Но в строительном деле термин другой: «построить», например, дом, здание; и даже в каждой почти его отрасли есть еще особый, например, о железной дороге—«провести», об укреплениях—«возвести», и т. д. Ясно, что «провести» железную дорогу означает весь организационный процесс, который сюда относится, как видно из того, что и слово «построить» употребляется здесь так же естественно; но «произвести» или «организовать» звучало бы весьма непривычно, хотя идею выражало бы не менее точно, а весь особый характер процесса был бы достаточно указан дополнением—«железную дорогу». Для продуктов применения также нередко выражения «изготовить», «приготовить», «выполнить» и т. д. Но, кроме того, в более узких отраслях то же самое понятие выражается массой специальных глаголов: платье, например, «сшить»,—при чем подразумевается отнюдь не только механический акт шитья, но весь сложный организационный процесс, в котором это только одна из операций; оружие «выковать», картину «нарисовать», книгу «написать» и пр. Еще целый ряд слов относится к идеологическим актам того же рода, напр., «создать» художественное произведение, «сочинить» трактат или учебник, роман или пьесу, «изобрести» аппарат (с оттенком—организовать впервые), «открыть» закон (организация фактов в связь определенной схемы). Иногда обозначение берется из области понятий противоположного характера, относящихся к дезорганизации: «разбить лагерь», «разбить сад»—в смысле именно организовать, с надлежащим распределением в пространстве. Самый общий термин человеческой практики—«делать»—означает одновременно и организовать, и дезорганизовать.

Стихийные организационные процессы выражаются частью теми же словами, частью особыми, в разных научных отраслях различными. Таковы физико-химические термины «образовывание», «формирование», биологические термины «приспособление», «развитие», применяемые со многими, изменчивыми оттенками смысла. В психологии организационные процессы чаще всего называются «ассоциативными». В общественных науках преобладают термины строительного дела («строение общества», «устроить предприятие» и т. п.); но там же, без заметного различия

с ними, употребляется слово «организовать»; оно собственно относится к сфере техники и по-гречески значит—«снабжать инструментами».

Конечно, большинство понятий не так множественно выражаются словами; но все же колоссальные лишние затраты энергии в развитии речи, а особенно в усвоении языка людьми, вполне очевидны. Между тем специализация порождает еще иное противоречие: при расхождении отраслей одни и те же слова приобретают в них разный смысл; а при их соприкосновениях потом отсюда получаются смещения и путаница. Пример—научный термин «конкуренция». В политической экономии он означает рыночную борьбу продавцов из-за сбыта их товара, или покупателей из-за его приобретения, когда нет соответствия между спросом и предложением; это—борьба на основе общественной связи, борьба, маскирующая собою сотрудничество между членами общества, работающими объективно не на себя, а на социальное целое. В биологии тот же термин означает жизненную борьбу между организмами из-за питания, количество которого в природе для них ограничено; так растения в лесу тянутся ветвями и листьями к солнечному свету, главному источнику своей энергии, а корнями как можно дальше в почве, откуда извлекается вода и необходимые соли, при чем загущают друга друга; это совершенно иные отношения, но, благодаря общему названию, они часто не различаются; и их смешение стало теоретической основой целой школы «дарвинистов-социологов», переносящих на социальную жизнь понятие биологической борьбы.

Специализация породила сама по себе *расхождение методов*: живя обособленной жизнью, отдельные отрасли развивали их в разные стороны. А поскольку общие методы сохранялись или даже независимо возникали в них, специальный язык скрывал это от сознания людей, мешая экономии опыта, заставляя усваивать одно и то же под разными именами; а в других случаях он же вредил необходимой точности путем расхождения смысла одних и тех же терминов. Отсюда лишние растраты социальной энергии, которые с прогрессом специализации возрастают, все более ослабляя положительное ее значение.

Расхождение опыта и методов разных отраслей ведет к сужению кругозора специалистов и подрыву организационного творчества. Располагая, по отдельности, лишь ничтожной частью накопленных в обществе приемов и точек зрения, не имея возможности выбирать из них и комбинировать их наилучшим образом, специалисты не справляются с непрерывно накапливаемым материалом, не в силах стройно и целостно организовать его. Получается нагромождение материала во все более сыром виде, нередко подавляющее количеством. Усвоение делается все труднее и вынуждает дальнейшее дробление отраслей на еще более мелкие, с новым сужением кругозора и т. д. Это давно было замечено передовыми учеными и мыслителями, которые и вели борьбу против «цеховой узости», главным образом в области науки.

Но дробление не было абсолютным; с самого начала имелась и иная тенденция, которая долго не была заметна благодаря сравнительной слабости, но все время пробивала себе путь и особенно усилилась с прошлого века. Общение между отраслями все-таки было, и методы одних проникали в другие, часто вызывая в них целые революции. И в технике, и в науке ряд величайших открытий, едва ли не большинство их, сводились именно к *перенесению методов* за пределы тех областей, где они первоначально были выработаны.

Так пользование паровыми двигателями переходило из одних отраслей производства в другие, всюду порождая огромный рост производительности труда; в транспорте, напр., оно стало широко применяться лишь через десятки лет после того, как преобразовало значительную часть индустрии. Затем в развитии паровых машин большим шагом вперед явилось применение турбинного устройства, давно известного в водной технике (простейшая турбина, это—игрушка, называемая Сегнеровым колесом). Дальнейший, еще более крупный шаг был сделан введением «взрывного» принципа, сотни лет уже овладевшего техникой войны и разрушения. Двигатели, построенные на этой основе, отличаются гигантской силой при малом объеме и весе; они завоевали для человечества воздушный океан.

В технике добывания благородных металлов, ювелирного дела и приготовления лекарств развивались методы точного взвешивания. Лавуазье, применив их

последовательно в химии, произвел в ней огромный научный переворот. Практические принципы машинного производства, научно оформленные физиками, превратились в термодинамику и затем в общую энергетику; на ней основано все новейшее объединение физико-химических наук. Астрономия была преобразована принципами механики; физиологию сделали точной наукою методы физики и химии. Психология глубоко изменяет свой характер благодаря методам физиологии и общей биологии, тоже вносящим в нее научную точность.

Перенесение методов вполне объективно и непреложно доказывает возможность их развития к единству, к механизму организационного сплыва. Но этот вывод не укладывается в сознании специалиста, как и вообще в обыденном сознании нашей эпохи. Всякий шаг, приближающий к такому единству, встречает сначала ожесточенное сопротивление большинства специалистов,—история науки дает тому массу примеров; и затем, когда объединительная идея одерживает победу, принимается специалистами, то это несколько не уменьшает их сопротивления следующему шагу. Оно вытекает из самого механизма мысли, порождаемого специализацией; механизм этот таков, что специалист невольно стремится отграничить свое поле работы, знакомое и привычное, от остального сплыва, ему чуждого и порождающего в нем чувство неуверенности; там, где границы раздваиваются, где происходит сближение областей и приемов работы, специалист ощущает это, как вторжение чего-то постороннего, даже враждебного, в его личное хозяйство и усваивать это новое для него несравненно труднее, чем идти по старому, проторенному пути. Оттого, напр., самая широкая и глубокая из объединяющих науки идей XIX века—закон сохранения энергии—так долго должна была пребывать, пока ее признали. Статья Роберта Майера, впервые отчетливо выразившая и обосновавшая этот закон, была отвергнута специальным журналом физики. Дарвинизму пришлось вынести не меньше борьбы. Когда физик Юз случайно открыл электрические волны при помощи своего микрфона, который передал ему на улице, через воздух и стену, колебания электрических разрядов, происходивших в его лаборатории, то друзьям удалось убедить его не опубликовать этого факта и своего вывода: они говорили, что он «научно скомпрометировал бы себя». И это открытие, сливавшее область явлений света и электричества, пришлось вновь делать Герцу четверть века спустя.

Даже такие практические, по существу простые идеи, как применение силы пара к водному и сухопутному транспорту, когда она применялась уже как двигатель в промышленности, вызвали недоверие и насмешки авторитетных людей, в роде заявлений «это так же вероятно, как путешествие на Конгревской ракете». Для человека, воспитанного в духе специализации, было само собой очевидно, что методы, пригодные для фабрики, не могут быть пригодны для корабля или экипажа. А между тем и метод, на котором основана ракета, т.-е. взрывной, впоследствии нашел свое место в организации техники транспорта,—разумеется, в соответственном изменении и приспособленном виде, для автомобилей, моторных судов, аэропланов и дирижаблей. Подобные факты можно приводить без конца.

V.

Единство организационных методов, пробиваясь через узкие рамки специализации, так сказать, навязывается новейшим развитием техники и науки. Характерны те способы, которыми современное мышление, обывательское и ученое, избавляет себя от этой неприятно-чуждой ему точки зрения. Прежде всего самое понятие «организации» прилагается только к живым существам и их группировкам. Даже технические процессы производства не признаются организационными. Этому сознанию недоступен, как бы невидим тот простейший факт, что всякий продукт есть система, организованная из материальных элементов через присоединение к ним элементов человеческой трудовой энергии, что, следовательно, вся техника есть организация вещей человеческими усилиями в человеческих интересах.

Что же касается продуктов стихийных сил природы, то здесь живой «организации» противопоставляется мертвый «механизм», как нечто по существу иное, отделенное непреходимой пропастью. Между тем, если внимательно исследовать, как применяется в самой же науке понятие «механизм», то пропасть немедленно

исчезает. Всякий раз, как в живом организме удастся объяснить какую-нибудь его функцию, она уже рассматривается как «механическая». Напр., дыхание, деятельность сердца долго считались самыми таинственными явлениями жизни; когда удалось понять их, они стали для физиологии просто «механизмами». То же случилось и с передачей нервных возбуждений от органов чувств к мозгу и от мозга к мускулам, когда выяснился электрический характер нервного тока. Между тем, разве все эти функции перестали быть частью организационного процесса жизни, его необходимыми и существенными моментами? Конечно нет. «Механическая сторона жизни» — это просто все то, что в ней объяснено. «Механизм» — понятая организация, и только. Машина потому «не более, как механизм», что ее организация выполнена людьми и, значит, принципиально им известна. И собственное тело — «не простой механизм» для современного человека по той же самой причине, по которой чаша для дикаря или младенца — не мертвая машина, а живое существо. «Механическая точка зрения» и есть единая организационная точка зрения, в ее развитии, в ее победах над разрозненностью науки.

Как ни забронировано против этой точки зрения мышление современного специалиста, но и его не может не поражать возрастающее применение однородных методов и схем в самых различных отраслях научного опыта. Возникает потребность как-нибудь понять это единство, загадочное для специализированного сознания, воспитанного на разрозненности, ищущего границ, рамок, перегородок, — но несомненное и неустрашимое. Понять его желательно именно таким образом, чтобы как можно более смягчить его, ослабить его значение, найти, что оно мнимое, или кажущееся, или субъективное, или искусственное, что оно вовсе не коренится в самой природе вещей, в действительном бытии. В этом желательном направлении работала мысль тех философов, которые были проникнуты духом специализации, т. е. большинства их. Им удалось создать две подходящих к задаче и их настроению теории.

Первая, кантианская, принимает, что все единство схем и методов зависит исключительно от познающего субъекта, вполне «субъективно». Человек может мыслить только в определенных формах, которые изначально свойственны самой природе его познавательной способности. Эти формы он и навязывает фактам, а потом относит к самой действительности, к природе изучаемого мира, что является заблуждением: он, говоря словами Канта, «предписывает природе законы», но только в том смысле, что это — законы его собственного познания, от которых он не может уклониться, из рамок которых не может выйти; он укладывает в них опыт, потому что ими он сам ограничен, иных не имеет. Все ему представляется происходящим во времени, в пространстве, в причинной связи и т. под.; но это только так «кажется», только «феномен» (видимость, явление); эти «формы» заключаются в нем, субъекте, а не в вещах «самих по себе», не в объекте. Такова основная идея старой «гносеологии», т. е. теории познания.

Вот, напр., как применяется эта точка зрения к атомистической теории в физико-химических науках и к родственным с нею понятиям в других областях:

«Атомистическая гипотеза является психологически необходимою. Непрерывности мы не можем постигнуть, не расчленив ее на части; отсюда понятие о времени, о пространстве, о прямой линии, как элементе кривой, об атоме, о клетке, как биологическом атоме, о человеке, как социальном атоме, и т. д. *Атомистическая гипотеза выражает не строение тел, а, скорее, строение нашей познавательной способности*» *).

По поводу гипотезы Крукса о первичном веществе или «протиде», который «агрегируется», т. е. уплотняется, путем группировки в более тесные сочетания, должен был образоваться химические элементы (по современным воззрениям, этим «протидом» оказались атомы электричества, отрицательные и положительные), тот же автор говорит:

«Не протид, — если бы даже он и существовал, — имел стремление к агрегации, а Крукс имел такое стремление агрегировать протид, чтобы как-нибудь представить картину... происхождения материи из первовещества» **).

*) М. Гольдштейн, «Основы философии химии», стр. 57—58.

**) Там же, стр. 123.

Натяжки в таких рассуждениях обнаруживаются весьма легко. Неправильно уже в понятиях времени и пространства усматривать «атомистичность». Атомом называется именно то, чего нельзя расчлениать на части, т.е. либо абсолютно невозможно, либо невозможно без изменения самой природы разделяемого. А время и пространство, в современном научном мышлении, как раз и характеризуются тем, что их можно делить до бесконечности, т.е. что они не «атомистичны». Но не это главное.

Пусть живая клетка—биологический атом; поэтому «психологически необходимо» было признать ее отдельность. Но разве для этого не надо было еще *увидать* ее в микроскоп? И разве ее увидели в силу этой «психологической необходимости»? Однако, пока клетка не была открыта и не были прослежены ее изменения, трансформации, до тех пор не было и мысли о клеточном строении живых тел. Конечно, они представлялись состоящими из тех или иных элементов; но объединяющей схемы клеточной организации не было и быть не могло.

Выберем иллюстрацию сами. В исследовании электрических и магнитных сил широко применяется схема «притяжение—отталкивание». Она же имеется в массе представлений из других областей науки и жизни, от молекулярных теорий до взаимных отношений между животными разных полов, которые «притягиваются», и одного пола, которые «отталкиваются», или человеческих характеров, или психических образов в сознании и т. под. Очевидно, она тоже выражает «не строение вещей, а строение нашей познавательной способности», тоже «субъективна», т.е. зависит от познающего субъекта. Но если она не зависит от «строения вещей», то она должна бы быть всюду применима: где есть «феномен» притяжения, там в соответственных условиях должен быть и «феномен» отталкивания. К сожалению, этого нет как раз для планетного притяжения, того самого, которое неприятным образом приковывает нас к земле. «Строение нашей познавательной способности», которая «стремится» дополнить притяжение отталкиванием, бессильно дать нам самое важное—*факт*, который требуется. Исно, что тут замешано и «строение вещей», что «предписывать законы природе» можно только по соглашению с нею.

Верно то, что существуют определенные *формы мышления*, в которые люди стараются укладывать свой опыт; но это вовсе не какое-то извечное «строение познавательной способности», а просто способы организации опыта; они развиваются и изменяются с ростом самого опыта и сменой его содержания. У дикаря-анимиста «строение познавательной способности» требует, чтобы каждый движущийся предмет—человек, животное, солнце, ручей, часы,—а то и всякий предмет вообще—имел свою «душу»; у нас эта форма мышления отмирает. Для нас время и пространство бесконечны; но не так это было еще в исторической древности. «Атомизм» возник в атомном мышлении тогда, когда в обществе развился *индивидуализм*, обособление человека от человека; люди привыкли мыслить себя и других обособленными единицами; эту привычку они перенесли и на представление о природе: «атом» ведь означает по-гречески то же, что «индивидуум» по-латыни, а именно «неделимое».

У одного философа-гносеолога я видел ребенка, его сына, который обозначал большой стол и табуретку словами «стол-папа» и «стол-детка». Гносеологу следовало бы понять на этом примере, что такое—«формы» или «категории» мышления. Узкий опыт семьи дал ребенку привычную связь подобных предметов разного размера; эта связь и вошла в «строение его познавательной способности», и он старался с ее помощью организовать дальнейший опыт. Так и дикарь, живя в общине, организованной на властном руководстве и пассивном подчинении, мыслит, т.е. организует в своем сознании, весь мир по тому же способу,—властный «бог» и подчиненные ему люди и вещи; а также и человека и другие предметы он мысленно организует из властной, руководящей «души» и пассивного «тела». Подобным же образом индивидуалистическая разрозненность жизни дала философам схему атомной разрозненности элементов мира, и т. д.

Сущности дела проста. Все эти объединяющие схемы являются средствами организации опыта, ее орудием или «формами». Но орудие организации зависит, конечно, и от того, кто организует, кто, следовательно, это орудие вырабатывает и им пользуется, и от того, что организуется,—от материала опыта. Так ведь

и орудие труда должно соответствовать по своему устройству, с одной стороны, руке и силе работника, с другой—свойствам предмета, который этим орудием обрабатывается: для дикаря бесполезно тонкое орудие, пригодное для обученного европейского работника, и для obtачивания железа негоден инструмент, подходящий для дерева. В этом нет принципиальной разницы между орудиями материальными и идеальными, как нет разницы и по отношению к исторической изменчивости тех и других.

Другую точку зрения на объединяющие схемы можно назвать «филологической» или «символистической». Она очень родственна первой и сводит происхождение этих схем к языку, к словам, к выработке сходных обозначений или символов для разных областей опыта. Вот пример такого истолкования:

«Одно и то же уравнение—Лапласовское—встречается в теории Ньютоновского тяготения, в теории движения жидкостей, в учении об электрическом потенциале, учении о магнетизме, о распространении теплоты и многих других. Что из этого следует? Эти теории кажутся точно скопированными одна с другой, они взаимно освещаются и поясняются, они заимствуют друг у друга свой язык. Спросите у специалистов по электричеству, какие услуги оказало им изобретение термина «поток силы», внушенное гидродинамический и термией теплоты...» и т. д. *).

Здесь главное заключается, пожалуй, в недовосренности, в том, что не ставится вопрос, почему же одна отрасль опыта может заимствовать у другой ее язык и почему «термины» приобретают такую силу. Внушается мысль, что эта сила присуща символам самим по себе, что «общий язык» и есть достаточное объяснение. На деле вовсе не так. Применение общих терминов иногда только вредит пониманию и ясности, как мы это видели на примере понятия «конкуренции» в общем учении о жизни и в политической экономии. Также мало принесло пользы науке и создало много путаницы употребление, для социального строения и жизни, шкелю «организмистов» того же языка, который применялся для отдельного организма: получилось отыскивание в обществе разных органов и тканей, подобных тканям и органам живого тела, при чем создавались искусственные сближения, затемняющие натяжки, вместо действительно общих организационных схем.

В действительности общий язык *вынуждается* единством организационных методов или форм и *выражает* его. Он вырабатывается повсюду лишь позже, чем обнаруживается это единство. Во многих случаях, где оно уже бросается в глаза, общих терминов все еще нет,—они создаются различными благодаря специализированному языку.

Так обычное строение растительного семени и яйца может служить ярким примером совпадения независимо сложившихся организационных форм. В обоих случаях имеется зародыш, который окружен питательными слоями, затем более грубой «скелетной» типа оболочкой. Часто даже аналогичны по химическому составу питательные слои, один с преобладанием азотистых веществ, именно белков и близких к ним тел, другой с преобладанием безазотистых—жировых и сахаристых в яйце, маслянистых и крахмалистых в семени; при чем расположение слоев бывает различно. Единство схемы строения замечено здесь весьма давно; но общие термины создаются лишь постепенно, главным образом благодаря развитию организационной и физиологической химии.

Другая иллюстрация. В женском цветке центральное место занимает канал, который является путем для оплодотворения. Спереди он окружен сначала складками более нежного строения тканей, затем более грубого («лепестки венчика» и «чашечка»). В глубине же его заключается орган, более или менее грушевидной формы, в котором происходит развитие зародыша («пестик»). Совершенно то же описание архитектуры, за исключением ботанических терминов, может быть применено к женским органам, напр., обезьяны или человека. Но ясно, что «единство языка» и здесь ведет только к постановке вопроса об единстве схемы строения, а отнюдь его не объясняет и не исчерпывает.

Несмотря на бесчисленные параллели и совпадения в самых различных сферах опыта, старый мир, анархически-дробный в своей социальной основе, не мог

*) Анри Пуанкаре, «Ценность науки», франц. изд., стр. 146.

прийти к идее всеобщего единства организационных методов,—к задаче всеобщей организационной науки.

VI.

Человечеству нужна была новая точка зрения, в универсальном масштабе,— другими словами, новый способ мышления. Но они являются в истории только тогда, когда либо развивается новая организация всего общества, либо выступает новый социальный класс. В XIX веке именно и сложился такой класс—индустриальный пролетариат.

В его жизненных отношениях, в обстановке его труда и борьбы заключались условия, порождавшие тот способ мышления, которого не было, ту точку зрения, которой не хватало. Требовалось время, чтобы она сложилась, чтобы она была осознана и выражена. Но теперь она достаточно ясна, и очевидны ее основы.

Препятствием к развитию монистического научно-организационного мышления были специализация и анархическое дробление системы труда. Пролетариат машинного производства в главных и постоянных условиях своей социальной жизни имел исходный пункт для преодоления духа специализации, духа анархии.

По мере совершенствования машин роль работника при них меняла свой характер. Самое глубокое разделение в рамках сотрудничества было то, которое обособило организатора от исполнителя, усилие умственное от усилия физического. В научной технике труд рабочего совмещает оба типа. Работа организатора есть управление и контроль над исполнителем; работа исполнителя—*физическое воздействие* на объекты труда. В машинном производстве деятельность рабочего есть управление и контроль над «железным рабом»—машинной путем *физического воздействия* на нее. Элементы рабочей силы здесь и те, которые прежде требовались только для организаторской функции,—техническая сознательность, соображение, инициатива при нарушении нормального хода дела, и те, которые характеризовали исполнительскую функцию—ловкость, быстрота, умелость движений. Это совмещение типов весьма слабо выражено в самом начале развития машинной техники, когда рабочий является живым придатком машины, механической сноровкой своих рук восполняющим ее грубые, несложные движения. Совмещение типов выступает резко и определеннее по мере того, как машина совершенствуется, усложняется, приближаясь все более к типу «автоматического», самодействующего механизма, при котором сущность работы—живой контроль, инициативное вмешательство, постоянно активное внимание. Совмещение завершится вполне тогда, когда выработается еще более высокая форма машин—саморегулирующиеся механизмы. Это, конечно, дело будущего; но и теперь объединяющая тенденция выступает достаточно резко, чтобы парализовать в мышлении работника влияние прежнего разрыва «умственного» и «физического» труда.

Преодолевается также, шаг за шагом, другое разделение работников—их техническая специализация. «Психологическое содержание различных трудовых процессов становится все более однородным; специализация переносится на машину, на рабочий инструмент; а что касается различий в опыте и в переживаниях самих работников, имеющих дело с разными машинами, то эти различия все более уменьшаются, а при высшей технике делаются практически ничтожны по сравнению с той суммой сходного опыта, одинаковых переживаний, которые входят в содержание труда,—наблюдения, контроля, управления машиной. Специализация при этом, собственно, не уничтожается,—отрасли производства фактически не смешиваются между собою, каждая имеет свою технику,—а именно *преодолевается*, теряет свои вредные стороны, перестает быть сетью перегородок между людьми, перестает суживать их кругозор и ограничивать их общение, их взаимное понимание»*).

*) «Вопросы социализма», А. Богданов, стр. 12—13, ст. «Коллективистический строй», которая взята из еще не вышедшего в свет II тома «Политич. экономии» Богданова и Степанова, выпуск 4-й.

Что касается возникшей из разделения труда общественной анархии, конкуренции, борьбы человека против человека, то и она по мере развития рабочего класса утрачивает свое разъединяющее влияние на него, потому что в его среде она на деле устраняется. Товарищеская связь в работе, общность интересов по отношению к капиталу порождают сплоченные пролетариата в различные классовые организации, которые шаг за шагом, с колебаниями, но неизбежно ведут его к объединению в мировой коллектив.

Рабочий класс осуществляет дело организации вещей в своем труде, организации своих коллективно-человеческих сил в своей социальной борьбе. Опыт той и другой области ему приходится связывать в свою особую идеологию—организацию идей. Таким образом сама жизнь делает его организатором универсального типа, а всеорганизационную точку зрения—естественной и даже необходимой для него тенденцией.

Это сказывается и в том, как легко освобождается рабочий-специалист от пеховых предрассудков профессии, и в том, как жадно стремятся передовые пролетарии к знанию энциклопедическому, а не узко-специальному, и в том, как охотно усваивают они во всех областях наиболее материетические идеи и теории. Но это не значит, чтобы новая точка зрения, выступая в массе частных проявлений, могла, во всем ее гигантском захвате, легко и быстро осознаться, оформиться до конца. Сам индустриальный пролетариат лишь постепенно складывается в новый социальный тип, перероситывааясь силою жизненных отношений, в которые попал сравнительно недавно. Идеология—вообще самая консервативная сторона социальной природы; выработка нового быта, нового миропонимания, новой культуры—наиболее трудное дело в жизни класса.

Великий социальный кризис последних лет должен явиться самым мощным толчком к осознанию и оформлению всеорганизационной точки зрения. Обе части кризиса—мировая война и вышедшая из нее мировая революция—различными путями ведут рабочий класс в этом направлении.

Мировая война сама по себе явилась величайшей организационной школой, вызвала беспрецедентное напряжение организационных способностей всякой личности, всякого коллектива, прямо или косвенно в ней участвовавшего, дала им невиданный по богатству организационный опыт. Этот опыт отличается и исключительно строгой постановкою задачи, которую приходится решать во что бы то ни стало или погибать, и всесторонностью задачи. В военной обстановке приходится одновременно и совместно, в одной связи, организовать и человеческие силы, и все наличные материальные средства, и даже идеологию военного коллектива,—то, что называют его «духом». Притом все эти три стороны выступают практически как равноправные; их элементы на каждом шагу организационно заменяются один другими. Недостаток, напр., в людях возмещается то усилением технических средств истребления, то идеологическим сплочением людей—мобилизацией духа военного коллектива путем одушевляющих и разъяснительных речей, приказов: недостаток технических средств уравнивается пополнением человеческого материала, и т. под. Единство организационной точки зрения навязывается с величайшей силою и вызывает острую потребность в единстве организационных методов.

Война была первой фазой великого организационного кризиса; она вызвала вторую фазу—революцию. Рабочий класс революция не только заставила спешно и напряженно организовать свои силы,—она поставила его в небывалое положение: по крайней мере, в некоторых странах она принудила его взять в свои руки организацию общественной жизни в ее целом. Это положение, безразлично, временное оно или окончательное, изменило для рабочего класса масштаб организационной задачи из ограниченного в универсальный. Чем резче противоречие между характером задачи и неоформленностью организационного опыта, его навыков и методов у рабочего класса, тем ярче выступает необходимость оформления всего этого, тем насущнее потребность во *всеобщей организационной науке*.

Так создались все жизненные предпосылки этой науки. Долгим и трудным путем шло к ней человечество. Она есть наука общечеловеческая в высшем и самом полном значении этого слова. Ее идея исключалась для старых классов дробностью их бытия, разрозненностью и односторонностью их опыта. Когда силы истории

выдвинули новый класс в новой, объединительной позиции, тогда для этой идеи настало время воплощения в жизнь, где она явится предтечей и могучим орудием реальной организации человечества в единый коллектив.

А. Богданов.

О профессионализме рабочих в искусстве,

Как только в Советской России участие рабочих в культурном строительстве приняло массовый характер, как только это участие стало распространяться и в области искусства, то сейчас же возник вопрос о превращении имеющих призвание рабочих в профессионалов: литераторов, художников, артистов, музыкантов и т. д. И это вполне естественно. Если мы хотим серьезно, а главное, вполне сознательно содействовать созданию пролетарской культуры, облегчить процесс высвобождения пролетариата от буржуазной культуры и в частности от буржуазного искусства, то выявление пролетарской идеологии, пролетарского искусства может произойти только при серьезном овладении техникой искусства, а это требует напряженной работы и времени. Необходимость овладеть техникой и методами, достигнутыми человечеством после долгого и многообразного исторического пути, законченного буржуазным обществом, едва ли кто станет отрицать. Может только возникнуть вопрос, как эту технику брать и усваивать. Не только в искусстве, но и в простом ремесле требуется умение владеть инструментом, и только это умение даст возможность выжить с наибольшей свободой и легкостью самые многогранные и причудливые замыслы богатой души. Мы повторяем, — строгое отношение к овладению техникой нельзя предпологать, и оно никем не мыслится. Призыв рабочих к профессионализму в области искусства встречает смущение и трепетный страх с другой стороны. Противники профессионализма боятся, что рабочий, оторвавшись от стайки и процессов физического труда, сторвется от рабочего класса и его интересов, а следовательно, утерять и его классовую особенность: наиболее легкого восприятия и сознания социалистической идеологии, особенностью которой не обладает в такой же мере ни один представитель других классов и слоев, кроме пролетарского. Чтобы быть более убедительными, противники профессионализма делают экскурсию в историю рабочего движения и приводят позорные пятна его в виде живых иллюстраций. В качестве таковых они нам выставляют предателей рабочего класса, профессионалов политического и экономического движения: Носке, Эбертов, Шейдманов, Легких и других. «Вот вам рабочие профессионалы, — говорят торжествующе наши противники, — они сторвались от станков, забыли азбуку социализма и превратились в худших врагов рабочего движения».

Эти живые иллюстрации одним только напоминанием сильно бьют по нервам и вызывают у нас чувство жгучей ненависти своим коварным предательством интересов революции. Казалось бы, одно это могло убедить сторонников профессионализма в ошибочности их позиций. Но это только кажется при поверхностном и не марксистском мышлении. Эти иллюстрации доказательств из другой оперы, и они не имеют в настоящее время к нам отношения. Мы все, марксисты, знаем, что истина конкретна, без определенного места и времени мы не мыслим ее. Носке, Эберты, Шейдманы и им подобные прохвосты профессионалами сделались в капиталистическом обществе, а не в Росс. Соц. Федер. Сов. Республ. А это, как хорошо понимают и наши противники, — дистанция огромного размера и весьма немаленькая.

В чем же дело? Как наши противники, тоже марксисты, не заметили этой разницы? Если бы дело было только в этом, то противники профессионализма, вероятно, эту разницу, если и не вполне осознали, то уловили бы. Трудно себе представить, чтобы они не заметили этой очевидности. Ошибка наших противников кроется в более глубоком непонимании условий, которые не имеют прямой очевидности, но требуют, чтобы в решении всех вопросов никогда не упускались

из виду основы марксизма. Главный аргумент противников заключается в том, что, ставшись профессионалом в искусстве, рабочий отрывается от трудовых процессов заводской или фабричной жизни. В этом и кроется вся их ошибка. Они фетишизируют физический труд. Они думают, что идеология рабочего класса определяется физическим трудом. На самом же деле она определяется способом производства в целом и тем положением в производстве, которое занимает рабочий класс.

Разве крестьянин, или хозяйчик-ремесленник, меньше физически работает, чем заводский рабочий, а труд сам по себе бывает более сложным и разнообразным, чем процесс труда заводского рабочего, механически выполняющего повторяющуюся изо дня в день одну и ту же работу. И, однако, это не служит гарантией для крестьянина и ремесленника в его освобождении от мелкобуржуазной идеологии и не содействует восприимчивости пролетарской. Дело не только в том, что рабочий отрывается от трудового процесса на заводе, а и в том, какое классовое положение он занимает. Когда отрывался на политическую и экономическую работу Шейдеманн, Ленин и проч., то их положение сильно изменялось по своему экономическому существу. Они имели возможность жить другой свободной жизнью. Какой-нибудь Ленин, являясь генеральным секретарем германских профессиональных союзов, объединявших около трех миллионов членов, был своего рода король. И это положение давало много соблазнов, чтобы не раз изменить как сознательно, так и бессознательно делу рабочих. То же самое с политическими деятелями, бесцеремненно выбравшимися на места депутатов для занятия парламентских кресел. Если бы у нас возникал вопрос в капиталистическом обществе об отрыве рабочих от станка в профессиональную школу изучения искусств, то мы, не противодействуя этому, в то же время не прикладывали бы и своей руки. Наш главный фронт—политико-экономический, и мы не могли бы отвлекать от него силы на второстепенный фронт, который по своим результатам, может быть, не вполне бы оправдал затрату и без того небогатых сил.

Совсем иное положение теперь в Советской России. Мы завоевали политическую и экономическую власть, нам нужно ее укреплять. Для этого требуются культурные силы, и перед нами встает во весь свой рост задача культурного строительства.

У советского государства находится идеологически-пропагандистский аппарат, но у него нет достаточного количества своих сил, чтобы в полной мере его можно было использовать. Наши противники наш же аппарат продолжают использовать против нас, если не прямо, то косвенно. Таким образом, они поддерживают идеологию буржуазного строя, которая окристаллизовалась в предметах искусства, мертвых и живых ее носителях, всякого рода артистах, художниках, писателях, музыкантах, ученых...

Искусство—могучее средство укрепления и развития идеологии, оно должно быть нами использовано, а для этой цели необходимо создать кадры работников в этой области, выдвинуть наиболее талантливых.

Наши противники боятся, что при полном отрыве рабочие подпадут под власть буржуазной идеологии и забудут свое положение рабочих. Мы думаем, что это не так. Во-первых, их положение,—это самое главное,—ничем не изменится по сравнению с рабочими. Они будут жить и учиться на субсидии, которая во всяком случае не будет превышать заработной платы рабочих, а положение совсем не будет похоже на положение в капиталистическом государстве Шейдеманна и Носке. Кроме того, в Советской России, как мы уже говорили, идеологический аппарат воздвигнут в руках рабоче-крестьянского правительства, буржуазное влияние подорвано, так что соблазнов капиталистического государства не имеется, и нет никакой опасности в отрыве. Бояться обуржуазивания рабочих, которые будут заниматься изучением техники искусства, значит слишком большую силу придавать влиянию буржуазной идеологии и ее особой заманчивости. Мы думаем наоборот. Если пролетарская идеология разбилась все крепости буржуазной и вышла на свободную дорогу, то ее окончательное оформление во всех областях совершается именно теперь, и нет никаких оснований бояться, что буржуазная идеология имеет больше притягательной силы, чем идеология пролетарская, а рабочие, ученики студий,—как раз такой благодарный материал, который легко поддается растлевающему влиянию буржуазной идеологии.

Мы не сможем создать пролетарское искусство, если не создадим условий для рабочих, при которых они могли бы развернуть свои богатые возможности. Если мы из боязни отрыва рабочего от станка будем способствовать созданию кадра недоучек и дилетантов, которые, даже при больших данных таланта, в процессе проявления творческих возможностей будут встречать препятствие и тормоз в отсутствии у них надлежащих технических навыков,—то это значит мы будем заниматься не только бесполезным делом, но и вредным.

Мы убеждены, что точка зрения противников профессионализма в искусстве потерпит крах и не встретит поддержки широких рабочих масс. Против нее говорит и серьезное понимание марксизма и необходимость быстрого овладения аппаратом культурного строительства. Кроме того, было бы уже слишком нелепо оставить буржуазной интеллигенции все права и привилегии, а рабочих лишить их. Это значит рабочее правительство подружилось бы тот сук, на который после стольких усилий оно взгромоздилось. Нет, рабочий класс не настолько наивен, чтобы строительство своей культуры передать в руки буржуазной интеллигенции ради непродуктивности хотя бы и искренних противников профессионализма.

Федор Калинин.

О профессионализме.

I.

Мощное развитие строительства пролетарской культуры выдвигает перед нами ряд принципиальных вопросов. Творчество пролетарского театра, новые методы литературно-художественного творчества, новые пути в изобразительном искусстве, сближение его с производственными процессами, профессионализм,—все эти вопросы требуют принципиального обоснования каждого практического шага.

В данной статье мы займемся вопросом о профессионализме.

Ученики различных студий говорят о невозможности совместить работу на фабрике, заводе с работой в студии. Творческое напряжение, необходимое студийцу для того, чтобы сосредоточиться на роли, писании произведения, легке, страшно понижается усталостью за день работы на фабрике. Работа же, которую должны проделать студийцы,—огромна. Им необходимо изучать ту область искусства, в которой они работают, работать над усвоением и совершенствованием техники, изучать образцы прошлого. Для всего этого при 8-часовом рабочем дне совершенно не остается времени. Поэтому работа студийцев носит характер случайности, неполноты, любительства. Для завоевания же всех ценностей буржуазного искусства, критического его усвоения, нужно много усилий, времени и простого физического напряжения. И, говоря студийцы, если мы хотим создать прочные основы пролетарской культуры, то дайте нам полную возможность работать в той области искусства, к которой нас влечет, отдавая ему полностью все свои силы и время. Без быстрого, сравнительно, овладения техникой искусства в борьбе с очень сильным влиянием буржуазной культуры искусства пролетарская культура не сможет быть твердой.

Необходимо в совершенстве овладеть техникой искусства и только тогда во всеоружии технического совершенства вступать в борьбу. Иначе все попытки будут только напрасной затратой сил.

На Московской 2-й конференции Пролеткульта вопрос о профессионализме вызвал большие и оживленные прения. Наметились две точки зрения: одна—признание профессионализма, другая—его отрицания.

Представители и той и другой точек зрения сходятся на необходимости завоевания пролетариатом форм буржуазной культуры искусства, ее высокой техники. Овладение техникой должно протекать в критическом анализе,—это положение также не вызвало разногласий. Центр внимания был перенесен в иную плоскость.

Защитники первой точки зрения отстаивали необходимость организации центральных студий по всем отраслям искусства. По их мысли, из среды студийцев, как в центре, так и в районах, должны быть отобраны путем строгого испытания наиболее талантливые товарищи. Они освобождаются от работы на фабрике и заводе, получают стипендию от государства и работают исключительно в области искусства.

В этой работе студийцы-стипендиаты, под руководством специалистов-художников научно осозная материал и технику искусства, будут критически овладевать плодами старой культуры для создания новой пролетарской культуры.

Общая задача центральной студии, по мысли ее сторонников, — «освобождение пролетариата от мелкобуржуазных пеленок «специалистов» и немедленное создание кадра своих специалистов, пролетариев-художников, вышедших из недр своего класса».

Поэтому образование техническое, вооружение пролетария-художника всеми знаниями мастерства является первым и основным шагом по пути строительства пролетарского искусства. Без этого есть риск упасть в любительство, в поверхностное скольжение по верхушкам творчества без необходимого его углубления.

Защитники центральной студии укрепляют свои положения еще одним чрезвычайно важным соображением. Вооружение пролетария-художника всеми завоеваниями техники, мастерства искусства невозможно в *массовом* масштабе. Возможно лишь создание *вождей, руководителей* из среды пролетариев в области искусства. Это будет освобождением от «специалистов» буржуазного искусства, — кадр вождей пролетариев-художников будет штабом пролетарской духовной культуры.

И как краеугольный камень всего этого построения выдвигается то, что движение в пользу профессионализма выросло из практической работы Пролеткульт. Оно не является кабинетным вымыслом, — оно рождено самой жизнью, и противодействовать ему значило бы не считаться с требованиями времени, отвергать жизненно необходимые и исторички, быть может, неизбежные явления. Если не взять этого движения в руки, оно пойдет мимо Пролеткульт. Таланты, гениальности сумеют преодолеть препятствия на их пути, но это будет сделано ими самими, без помощи пролетарского центра культуры и будет против него. Так ставится и обосновывается вопрос о профессионализме его сторонниками.

II.

Мы, стоя на почве отрицания профессионализма, считаем необходимым наиболее глубокое освещение этого вопроса. Его защитники рассуждают просто и ясно: народилось среди студийцев течение, оно вызвано самой жизнью, и ему нужно идти навстречу. Это слишком легкое решение. Мы так же, как и наши противники полагаем, что пролетарию-художнику необходимо овладеть техникой искусства. Пролетарий-художник должен получить высокое общее и техническое образование. Но... мы подходим к вопросу с другой стороны. Для нас важно выяснить прежде всего: что такое строительство пролетарской культуры? Есть ли это культуртрегерство или процесс борьбы? Если первое, — тогда не о чем спорить: чем скорее и шире мы сумеем продвинуть в массы пролетариата известную сумму знаний, художественных навыков, чем скорее создадим своих художников, тем лучше. Культуртрегерству всегда свойственна известная аполитичность. Понятие классового творчества, классовой борьбы культуртрегерами отвергается. Искусство общечеловечно, по их мнению, а поэтому все завоевания старого мира для нас равно ценны и дороги, и чем скорее мы ставим массы в условия овладения ими, тем шире и полнее разрешаем поставленную перед нами задачу. Но мы, жившие и живущие принципами и методами классовой борьбы, стоим на иной точке зрения. Для нас творчество пролетарской культуры есть *процесс борьбы*. А поскольку это так, то все вопросы пролетарской культуры ставятся и решаются нами в совершенно иной плоскости, чем то делают представители чистого культуртрегерства.

Какие же задачи ставим мы себе в строительстве пролетарской культуры? В настоящий момент обострения классовой борьбы в особенности смешно го-

ворить о своеобразном буртфридене между пролетариатом и буржуазией на почве признания искусства общечеловеческой ценностью, как чего-то вне или над классами стоящего.

Строительство пролетарской культуры, это—процесс борьбы с пережитками буржуазной культуры, преодоление психологически вредного влияния упадочного искусства буржуазии на пролетарские массы. Великая революция, разарывающая свои огненные крылья над всем миром, охватила политическую и экономическую сторону жизни Европы. Рушится старый капиталистический уклад. Революция, свергая старое, открывает необятные перспективы строительства социалистических форм хозяйства. Вместе с тем свергнутую власть буржуазии сменяет диктатура пролетариата,—класса, призванного заложить первые камни социализма, класса-архитектора, строителя нового мира.

Власть Советов, обобществление производства,—вот краеугольные камни здания, которое строит Великая мировая революция.

Но если в области экономической и политической революция видоизменила жизнь до неузнаваемости, если самодержавное прошлое и власть буржуазии кажется давно прошедшим, то в области культуры далеко не так. Власть старого мира в культуре еще очень и очень сильна. И ее нельзя свергнуть штыком, нельзя разрушить как бюрократический, хозяйственный или политический аппарат. Буржуазная культура проникает всю нашу жизнь, весь быт, всю бесконечную цепь повседневных взаимоотношений. Архитектура, театр, литература, музыка, изобразительные искусства, все это—ценности буржуазного мира. Они всюду оказывают свое углубокое психологическое влияние—на улице, в театре, в библиотеках, в музеях, на выставках. Их влияние зачастую неуловимо. Искусство—результат духовной, бесконечно разнообразной, многогранной деятельности человека. Оно как будто обще всем, близко каждому человеку. Всякий человек—художник. Эта общность искусства составляет основу спекулятивного пользования терминами общечеловечности, внеклассового характера искусства. Искусство живет на вершинах, куда не докатываются волны классовой борьбы,—так говорят художники старого мира, так повторяют за ними наши товарищи, не усвоившие себе с надлежащей глубиной основы нашего мирозерцания,—что и бытие определяет собою сознание, а отсюда и чувство. Борьба с этими отжившими взглядами, борьба с психологическим влиянием буржуазной культуры, вырывание с корнем ее пережитков, претворение расплывчатой спекулятивной идеологии, которой пропитаны массы, в отчетливую, ясную классовую идеологию,—вот основная наша задача в строительстве пролетарской культуры.

Революция культуры только еще начинается. Необходимость разрушения буржуазной идеологии только еще осознается нашими товарищами. Поэтому нам особенно необходимы четкость мысли, ясность взгляда, острота критики и твердые основы классового самосознания. Исходя из этих основных положений, мы так понимаем необходимость создания пролетария-художника. Если в данный момент,—допустим, что очень быстро,—нам удастся создать под руководством «специалистов» пролетариев-художников, обладающих в совершенстве техникой, формой искусства, то разрешается ли этим основной вопрос строительства пролетарской культуры—создание штаба пролетариев-вождей творчества нашей классовой культуры? Категорически и безусловно—нет!

И вот почему.

Что такое техника, форма искусства, каково ее отношение к его содержанию? Это—старый и вечно новый вопрос. Для нас нет формы самодовлеющей. Мысли с ней родились, как последняя ступень разложения буржуазного искусства. «Бессмысленное» творчество, поклонение форме, течение, народившееся уже в процессе революции, указывает лишь, насколько сильна еще инерция разложения старых отживших понятий.

Форма для нас есть производное от содержания. Мысль произведения, то, «что» в нем выражается, требует всегда определенных форм. Попробуйте вложить бурные стихи «Восстания» Верхарна в форму скорбного надсоновского стиха. Это невозможно именно потому, что слово в поэзии—не случайный и не независимый факт. Мысль есть слово минус звук. Слово облакает мысль в отчетливую воспринимаемую

нашими чувствами форму. Мысль требует от слова нужного ей ритма и силы. Как нельзя льва спеленать детским свивальником и уложить в колыбель с соской во рту, так нельзя мысль втискивать в формы ей несоответствующие. И всякое произведение только тогда художественно ценно, когда в нем слиты в единое целое и форма и содержание.

Все современное искусство является бесспорным доказательством этого положения. Один яркий пример. Пролетариат поставил себе задачу в образах искусства закрепить века борьбы за социализм. Все имена революционеров, которые сохранила нам история, должны были быть закреплены в монументальных памятниках. Совет Народных Комиссаров призвал к этому лучшие художественные силы. И что же получилось? Везде и всюду Маркс, эта огненная натура, революционер до последней клеточки своего организма, пламенный трибун, борец мысли, превратился под руками художников в добродушного или, в лучшем случае, сурового старичка. Под мертвыми глыбами камня, гипса, бронзы не видно огненного темперамента Маркса, его великого ума и пламенной натуры. Почему так? Потому что Маркс для художников, творивших ему памятники, был великим ученым, — но ведь их так много было в ушедших вдаль веках. И ни один из художников не почувствовал Маркса-революционера. Поэтому выявилась форма, соответствовавшая мыслям художников. Лучшие памятники-бюсты Маркса, это, в лучшем случае, — выявления глубокомыслия ученого, и только. Маркс-революционер не существовал для художников потому, что они чужды миру борьбы, миру неустанный революционного горения, миру творчества, побед и поражений. А ведь эти художники, если не все, то многие из них, в совершенстве обладают техникой искусства. Мы предложили бы тем, кто ратует за профессионализм, за ускорение завоевания пролетариатом техники искусства, посмотреть на памятники, поставленные во время революции, и подумать над ними. Результаты будут в высокой степени поучительны. Поэтому выработка пролетария-художника только как техника, обладающего в совершенстве формой искусства, не разрешает вопроса.

В основу нашего творчества мы кладем *мысль*. Основой пролетарской художественной культуры для нас является пролетарий-художник с *чистым классовым мирозерцанием*. И создание такого пролетария-художника мы ставим во главу угла творчества нашей пролетарской культуры.

И тут уместно будет задать вопрос сторонникам профессионализма. Уверены ли они в том, что «специалисты», в обработку к которым будет отдан пролетарий, долженствующий стать художником, не извратят своими «формами», быть может, неустановившуюся еще психологию товарища? У нас такой уверенности нет.

Пролетарию-художнику, прежде чем он начал творить, нужна основательная поддержка. Процесс творчества есть длительный процесс. Прежде чем выявить идею в слове, звуке, камне, красках, художник творит, обрабатывает ее в своем сознании. И уже этот процесс работы мысли, духовного внутреннего горения для пролетария-художника есть процесс борьбы с буржуазной мыслью. В этом случае чистое классовое сознание является огнем, очищающим мысль и творчество пролетария от всего ему чуждого и враждебного. И только тогда, когда внутренний процесс творчества завершается необходимостью выявления идеи, только тогда выступает, как вторичная ступень, форма искусства, его техника. Само собою разумеется, что пролетарий, тонко чувствующий и глубоко мыслящий художник в душе, не обладая необходимыми техническими познаниями, не сумеет выявить своего внутреннего мира. Он должен уметь это сделать, должен овладеть техникой искусства. Но для нас очень важно, как и в каких условиях пролетарий-художник будет овладевать техникой искусства.

Общественное бытие определяет собою сознание. Положение пролетария в обществе, его роль в капиталистическом процессе производства заостряет его сознание по линии противодействия миру капиталистических взаимоотношений. Производственные отношения делают его противником капитала, создают из распыленных рабочих сил единую силу: *класс* пролетариата, проникнутый единством мысли, цели и путей ее достижения.

Идеология пролетариата рождается в производстве. Там воспитывается его психология. И чем выше развитие производительных сил, чем плотнее их организован-

ность, чем глубже производство захватывается формами высоко развитого капитализма, тем более полны предпосылки коллективизма пролетарских сил.

В капиталистическом процессе производства с его бесконечным разделением труда сознание каждого пролетария наполняется совершенно определенным содержанием. Пролетарий ясно сознает, что его индивидуальная сила есть бесконечно малая величина. И только в тесном сотрудничестве со своими товарищами она способна покорять расстояния, создавая паровозы, автомобили, подчинять стихию морей созданием океанских пароходов, побеждать воздух, творя стальных птиц, дерзко нарушающих голубое спокойствие небесных глубин. Первый удар молота влетает за собою второй, за ним следует третий. Без второго удара немислим третий, без третьего—четвертый. Логическая цепь, связывающая воедино усилия многих сотен и тысяч работников, не может быть порвана. Процесс производства требует единства действия, коллективизма творчества, в котором одно звено следует за другим.

Процессу капиталистического производства свойственно обесчеловечить труд, сведение работы к автоматическому повторению какой-либо одной операции. Это превращает пролетария в маленький винтик огромной машины, в маленькую, незаметную, лишенную индивидуальности величину.

Но вместе с тем «современный империалистический капитализм обнаруживает все признаки безличия, обобществления, а в соответствии с этим создается и коллективистическая психология индустриального пролетариата» *). И еще важнее то, что «каждый рабочий в этой системе (капиталистического производства) больше, чем во все другие периоды, есть неразрывное и необходимое звено в данном процессе, во всей его системе» **).

Если пролетарий является «неразрывным и необходимым звеном» в процессе производства, то в формировании пролетарской классовой психологии самый процесс производства является основным звеном. Психология пролетария воспитывается и заостряется в процессе производства, в непрерывной и неразрывной связи с его трудом с трудом его товарищей.

Там пролетарий получает первое и самое глубокое классовое воспитание. Это—неоцененный нами с должной полнотой процесс подготовки капитализмом своих убежденных могильщиков. Отрицая индивидуальность пролетария, механизмируя его, капитализм тем самым создает прочнейшую основу для своего могущественного врага, пролетарского коллективизма. Классовое воспитание не ограничивается, понятно, только процессом производства. Он является основным моментом. Экономический гнет также связывает пролетариев в единую силу для достижения единой цели. Но в этом меньше всего обрабатывается глубина психологии. Здесь властвует непосредственный реальный, жизненный, иногда узко-мещанский интерес. Основы психологического классового воспитания даются процессом производства, как таковым. Только в нем пролетарии глубоко осознают творческую силу пролетарского коллектива. Там рождается чувство связанности, узы товарищества. Из механической связанности пролетариев, как единиц труда, развивается чувство психологического единства. Это—не единство массы, не стадное чувство толпы, проявляющееся в грозных, быть может, но все же мимолетных вспышках, а коллективизм, непрерывно действующее органическое сознание единства, пронизывающее душу пролетария до самых сокровенных ее глубин.

Поэтому основное зло профессионализма в том, что он отрывает пролетария-художника от процесса производства.

Отрываясь от процесса производства, пролетарий-художник попадает в якобы «техническую» обработку далеких от классowego мирозерцания и чувства «специалистов». Их работа есть постоянное воздействие на него буржуазной психологии. Вместе с тем влияние на психологию пролетария-художника как самого процесса производства, так и товарищей, в этом процессе с ним связанных, теряется. И это в тот момент, когда ему особенно необходимо заострение его классовой психологии, потому что творчество культуры есть не только простое постижение буржуазной художественной мудрости, а главным образом и борьба с ней.

*) «Идеология производства», Ф. Калинин. «Пролетарская Культура» № 5, стр. 9.

**) Ibid, стр. 7.

Сторонники профессионализма в своих возражениях путают понятия. Они говорят, что, став профессионалом, художник не оторвется *от массы*.

Мы также полагаем это маловероятным. Но, повторяем, дело не в том, что пролетарий *может* оторваться от массы, а в том, что профессионализмом он *отрывается* от процесса производства.

Но тем, что мы свяжем пролетария-художника с процессом производства, возражают нам, мы, во-первых, низводим нашу работу на степень любительства и, во-вторых, удлиняя процесс выработки пролетарского художника, относим появление законченных образцов пролетарского искусства в далекую по времени перспективу.

На это мы возражаем вопросом: где и когда были установлены сроки, после которых можно назвать художника закончившим свое художественное развитие?

Никогда, нигде и ни при каких условиях ни один художник не скажет, что в своем творчестве он дошел до последней черты, за которой уже нет ничего нужного ему. Процесс творчества, рост художника в его мысли и технике непрерывен. Ограничения во времени для творчества художника можно мыслить только в двух случаях: это—физическая смерть художника или историческое падение той школы, направления, к которому он принадлежит. Последнее, между прочим, наиболее вероятная, а для некоторых неизбежная судьба преданных старому миру современных нам художников буржуазного мира.

Поэтому устанавливать какие-либо сроки для искусства, это значит не понимать его динамичности, не понимать самой жизни, которая родит искусство.

Кроме всего этого, социалистическая этика, признающая физический труд обязанностью каждого гражданина, в профессионализме, в постановке пролетария в привилегированное по отношению к другим положение, встречает непримиримое противоречие.

Наконец, позиция и доводы защитников профессионализма прямо противоположны тем задачам, которым должно служить искусство.

До сих пор нас учили, что искусство есть отражение жизни. Теперь для нас оно должно стать творчеством жизни, а не мертвым зеркалом, отражающим равнодушно и божественную улыбку Мадонны и зловещую гримасу Квазимодо.

Несколько конкретных примеров. Возьмем изобразительные искусства. Мы ставим себе задачу, чтобы наш быт, вся наша жизнь были проникнуты изяществом и красотой. Чашка на моем столе, скатерть, самый стол, шкаф, в котором я храню книги, сама книга, ее обложка, стены моего жилища, само оно,—почему все это не может и не должно быть художественно ценно? Почему все это не должно быть произведениями искусства? Если мы признаем это необходимым, а этого нельзя не признать, то во что превращается тогда самый процесс производства? Не будет ли фабрика лабораторией, в которой создаются произведения искусства? Не будет ли стерта грань между творцом и исполнителем, не соединится ли тогда в одном лице художник и рабочий? Именно так и будет, именно к этому мы и стремимся. А если так, то почему необходимо отрывать пролетария от процесса производства и вести его к искусству? Не проще ли привести искусство туда? Тем более, что к этому сводятся все наши стремления в области искусства. И тогда оно перестанет быть только зеркалом жизни и станет тем великим, чем оно должно быть: творчеством новой светлой жизни. К чему же теплицы для пролетариев-художников,—пусть они закаляются в процессе труда, пусть обвывают бурными ветрами классовой борьбы. Тогда они полнее и глубже выявят нам нас самих, призовут сомневающихся и слабых в «шумящий мир борьбы», в битву жизни, «в ее самум, в ее поток багряный». И нужно только одно: не стремиться высадить пролетария-художника за шесть недель, как курица высиживает цыпленка.

Мы относимся отрицательно к профессионализму с глубоким убеждением, что при его посредстве мы рискуем получить блестящих, быть может, по технике, но мало глубоких по своему классовому содержанию художников. Формы буржуазного искусства блестящи, но...

«Бойтесь данайцев и дары приносящих!»

В настоящий момент обостренной классовой борьбы нужно быть бдительными больше, чем когда-либо. В жизнь вскочили, выдавая себя за пролетарских худож-

ников, имажинисты, футуристы, представители глубоко реакционной, издыхающей идеологии.

Изоляция от них пролетария-художника не механическая, а психологическая, понятно, это—наша прямая обязанность. А что такое «специалисты», огромное большинство из них,—это с достаточной яркостью показало выступление поэта Вальмонта на митинге «Дворца искусств».

В заключение нам хотелось поставить один не лишний, по нашему мнению, вопрос.

Почему профессионализм выдвинулся с такой активностью и почему его так защищают?

Мы находим объяснение этому факту в том, что не только рядовые работники в строительстве пролетарской культуры, но и многие ее руководители еще недостаточно глубоко поняли, какие воистину революционные действия, какая жестокая борьба еще предстоит нам.

Методы творчества, методы критических оценок, отношение искусства к жизни и жизни к искусству, все это—ценности, которые частью должны быть отброшены, другие в корне переоценены. Здесь предстоит еще огромная идеологически-критическая работа. И в вопросе о профессионализме ценно то, что благодаря ему выплывает ряд новых вопросов принципиальных и практических. Они живут, требуют ответа,—это указывает, насколько жизнен и верен путь, по которому мы идем. Но они же говорят нам: «будьте бдительны» и решительны вместе с тем.

Ближе к жизни, глубже в нее, больше противодействия отживающему, больше внимания новому.

Надо твердо запомнить: революция культуры только еще начинается; наша задача углубить и расширить ее, а не распылять в погоне за дешевыми ценностями наши силы.

В. Плетнев.

Коллективное творчество в театре.

I.

«Коллективное творчество»—вот слова, вокруг которых скопилось столько недоразумений, слова, которыми сейчас так же злоупотребляют, как выражениями «пролетарская культура», «пролетарский писатель», «пролетарская поэзия».

Некоторые думают, что коллективное творчество, это—обязательное условие пролетарской работы в области науки и искусства, что вне его не может быть никаких путей по выработке новой культуры. Конечно, это—ошибка. Многие произведения, созданные отдельными лицами, без видимого участия масс, могут быть и будут подлинными краеугольными камнями социалистической культуры, поскольку в них отразится воля коллектива, чаяния и надежды рабочего класса, идеологии и мирозерцание пролетариата.

Как некоторые работы (научные и художественные), отразившие в себе великий идеал коммунизма, вошли в сокровищницу *пролетарской* культуры, будучи созданы не только путем индивидуальных усилий, но даже выходцами из буржуазной среды, точно так же и в будущем много творений может родиться не в результате работы коллектива, а в итоге творчества отдельных лиц. Быть может, даже такое индивидуальное (не индивидуалистическое!) творчество будет более распространено, чем теперь, именно в виду того, что сама человеческая личность будет более разносторонне развита, лучше подготовлена к выявлению своих способностей.

Конечно, это творчество отдельных лиц в обществе будущего будет запечатлено печатью коллективизма и отразит в себе новую коммунистическую психологию, но, несмотря на коллективизм своего содержания и свою духовную связь с массой, оно не будет творчеством коллективным.

Наблюдается и другое упрощенное представление о коллективном творчестве.

Всякую толпу, всякую массу считают коллективом, а ее выступление — творчеством. Поэтому смело подводят под это понятие выступление хора в опере, многоголосую декламацию, массовые сцены в драматических произведениях, народные хороводы и т. д.

В этом случае допускается двойная ошибка. Прежде всего не всякое выступление, не всякое действие есть «творчество». Творчество подразумевает все не выполнение какой-то разученной программы, а именно создание чего-то нового (хотя бы в пределах программы), взлет, преодоление, победу. Поэтому далеко не всякое произведение искусства есть результат творчества. — Оно может быть создано легкой рукой человека, работавшего из-за денег, без всякого горения, без борьбы ради лучшего достижения задуманной цели.

Во-вторых, далеко не всегда масса является коллективом. Чтобы стать им, она должна иметь не только внутреннее средство и известную организованность, но и единство духа, родственность чувств, общность задач и, главное, всепроникающую думу о высших интересах целого.

Всякий участник коллектива должен сознательно стремиться воплотить высшие интересы целого, всесторонне выявить идеал пролетариата — коммунизм. Конкретно поставленная задача должна быть достаточно ясна для всех и встречать вполне сознательные к себе отношения. Наконец, сама организация творчества должна быть основана на принципах товарищества, чуждого всякой авторитарности и дающего широкий простор критике.

II.

Чтобы эти общие и неизбежно несколько ствлеченные и схематические предложения сделать более понятными, я намечу, в какой мере и в какой форме коллективное творчество может быть применено в театре.

Прежде всего надо оговориться, что под словом театр я разумею все театральное искусство в его целом, включая и более примитивные формы театра: игры, хороводы, шествия, народные празднества и т. д. Именно эти массовые «действия», несмотря на их элементарность с точки зрения театрального мастерства, особенно ценны для нас, потому что они пробуждают театральный инстинкт у массы и дают нам основу для будущего массового театра, где исчезнет пропасть между актером и зрителем, где творческим коллективом явится вся масса в целом.

Коллективному театральному творчеству мы наметим, например, такие пути. Прежде всего сам коллектив, работающий в области театра, должен включить в себя разнообразные категории участников, а отнюдь не только лиц, непосредственно связанных с театральной деятельностью, — т. е. применительно к Пролеткульту надо сказать, что к театральному творчеству следует привлечь все их студии: литературную, музыкальную, живописную и т. д. Буржуазный строй вселил рознь между искусствами, которые должны были творчески синтезироваться на театре. Истинная литература оторвалась от театра, и поставщиками пьес стали второстепенные ремесленники. Величайшие художники оказались тоже «не у дел» в театре и не сумели слиться с театральной работой. Даже многие крупнейшие композиторы были отвергнуты театром или не сумели найти путей к сцене. Так при буржуазном театре создались свои кадры «поставщиков» — литераторов, свои художники, свои музыканты.

Этому разладу и специализации мы должны противопоставить попытки тесного содружества всех искусств на театральных подмостках, дружной совместной работы пролетарских писателей, артистов, художников, музыкантов.

Но важно не только это объединение представителей различных отраслей искусства, — существенна и сама система организации творческого коллектива. Она должна быть построена на принципах дружного товарищества, т. е. исключать всякую авторитарность и бюрократическую иерархию, оставлять широкое место критике и давать большую долю инициативы всякому рядовому участнику работы.

Творческий коллектив сможет правильно и плодотворно работать только в том случае, если среди его членов естественно установится всеобъемлющее равенство — равноценность всех участников театральной работы. Актер и режиссер, суфлер

и рабочий сцены, электротехник и художник, гример и музыкант должны рассматриваться как равно необходимые творцы сценического целого и иметь широкую (хотя бы потенциальную) возможность проявить себя, оказать свое содействие на постановку, выступить в роли критика, и т. д.

Только при наличии такой истинно товарищеской организации возможны опыты коллективного творчества.

Буржуазный театр знал лишь постановки режиссеров, которые единолично, по собственному разумению (хотя и советуясь со специалистами), руководили всей работой над пьесой. Мы можем сделать попытку разорвать с такой традицией и выделить из всех студий, занятых постановкой, специальную коллегию, куда войдут, например, артист, музыкант, художник, литератор и т. д. Эта коллегия будет руководить постановкой («ставить пьесу»), все время привлекая к активному участию в своей работе все силы студий, с тем, чтобы все детали постановки были обсуждены и творчески проработаны на репетициях.

Это, конечно, вовсе не означает, что вопросы постановки будут разрешаться как-то по большинству голосов и руководящая группа будет поперебой делати указания артистам. Разумеется, фактическое руководство репетициями в каждый момент будет лишь в руках одного из членов коллегии, но во время репетиций он будет советоваться с другими членами, и до и после репетиции все основные моменты постановки будут обсуждаться как в руководящем коллективе, так и на широком собрании всех участников.

Но эта система ведения работы будет плодотворна только при том неуклонном условии, чтобы каждый участник ее был по мере возможности универсальным работником, чтобы он не только ясно представлял себе общие задачи постановки, но и был в курсе всех ее деталей. Для этого надо постараться, чтобы участники постановки выполняли, хотя бы в частичном размере, работу и автора пьесы, и режиссера, и декоратора, и актера. Каждый должен создать свой режиссерский план постановки, дать пьесе свое толкование, проработать (в литературном отношении) текст пьесы, пройти отдельные роли (как артист), обдумать и, может быть, набросать декорации, озаботиться музыкальней стороной постановки и т. п.

Конечно, это не значит, что вся эта многосложная работа целиком свалится на плечи каждого из участников. Разумеется, режиссер или человек, чувствующий влечение к этой работе, больше внимания уделит режиссуре и немного живописи, писатель или тяготеющий к литературе главным образом займется самой пьесой, и т. д. Но важно, чтобы все элементы работы были усвоены каждым, чтобы каждый не замыкался в своей специальности, а делал и работу других.

Только при таком универсализме (который будет характерен для строя будущего) явится сознательное отношение к творческой работе и та углубленность, без которой немисливо такое коллективное творчество.

Этот универсализм поможет вывиться талантам во всем их разнообразии, он естественно сделает ценным и значительным замечания всех участников постановки, независимо от их узкой специальности.

Делая опыты коллективного творчества в театре, мы должны стрешиться от робкого штета перед текстом пьесы. Мы будем брать его лишь за основу, как подходящий сюжет или благодарный материал; и в процессе работы станем подвергать его существенным изменениям и переделкам. Эта переработка текста диктуется не только отсутствием подходящего репертуара и неценничностью многих хороших пьес, но и потребностью выработать в пролетарских массах прием литературного творчества.

Я представляю себе ход постановки таким образом. Кем-либо намечены к постановке две-три пьесы. На собрании студий Пролеткульта делается доклад об этих пьесах, читаются отрывки, обсуждаются. К какой-нибудь пьесе замечается наибольшее тяготение. Пьеса после окончательного обсуждения и голосования избрана. Затем выбирается руководящая ячейка, где по возможности должны быть представлены различные студии, разные специальности.

Начинается изучение пьесы. Здесь, конечно, главная работа у литературной студии, при участии всех других. Пишутся критические разборы пьес, намечается их толкование, делаются первоначальные кунюры. Когда эта предварительная

работа закончена, начинается обсуждение режиссерского плана, а в связи с ним декоративной и музыкальной стороны постановки.

Эта работа ведется и в руководящей коллегии, и в студиях, и на широких собраниях участников. Режиссерская группа учитывает всю эту работу, считается с ней, но, конечно, может избрать и свои пути и согласиться не с господствующими мнениями, а с теми, за которые высказывается меньшинство.

В процессе репетиций пьеса подвергается своей литературной переработке, в то же самое время меняются в ходе дел и первоначальные планы постановки, перераспределяются роли, преобразуется музыкальная часть и т. д.

Так мало-по-малу из усилий отдельных лиц и групп рождается пьеса в вполне готовом для представления виде.

Чтобы эти попытки коллективного творчества стали более успешны, необходимо, кроме универсализма актеров, вырабатывать и их способность к импровизациям. Начав с импровизаций небольших сцен, надо переходить к более сложным импровизациям со многими участниками и даже к созданию целых пьес, согласно избранной теме или сюжету.

Работа над импровизациями будет вырабатывать не только фантазию участников, но и содействовать умению творить в инстинктивном тесном содружестве с другими. Именно отсюда родится умение быть активным творцом народных празднеств и процессов.

Работая над коллективным творчеством в театре, не нужно забывать, что это лишь один из методов создания нового театра, совсем не исключающий всякие другие пути к пролетарскому театру. Надо также иметь в виду, что сейчас мы находимся лишь в стадии первоначальных опытов. Не существует еще никаких соответствующих прецедентов, нет выработанной системы. Естественны ошибки и заблуждения, которые можно будет исправить лишь после испытания приемов коллективного творчества. В виду отсутствия такого накопленного опыта мы должны применять новый метод с большой осторожностью, все время критически себя проверяя и исправляя.

Опыты коллективного творчества в театре будут плодотворны лишь при том условии, что для работы будет выбран подходящий литературный материал, т. е. пьесы, так или иначе отражающие интересы коллектива, близкие коммунистическому идеалу.

Сейчас, конечно, таких пьес почти нет, но можно будет переделать в новом духе некоторые из прежних драматических произведений. Следует также призвать литературные студии Пролеткультов и пролетарских писателей к работе для театра. Когда студии разного рода наладят совместную работу, писатели из рабочего класса естественно втянутся в театр и заинтересуются им. А пока придется использовать для коллективного творчества старый репертуар с необходимой его переработкой и переделкой.

В театральной работе Пролеткульта, как и во всех других отраслях деятельности, главное—это основная цель, к которой стремятся деятели пролетарской культуры. Методы работ, как они ни важны сами по себе, стоят уже на подчиненном плане. Поэтому и при применении коллективного творчества деятели Пролеткульта должны не забывать основной цели. Коллективное творчество будет бесполезно и будет убивать само себя, если оно создаст чисто индивидуалистические произведения. Только в гармоническом сочетании новых методов с новой, высшей целью—залог успешности работы Пролеткульта.

В. Керженцев.

О футуризме.

Собираясь говорить о футуризме, мы не будем прибегать к обычному способу, который дает возможность приводить примеры из конкретных проявлений его творчества, ярко показывающих всю бессмысленность вывертов футуристов, непонятных и самим «творцам». Такой материал футуристы дают в большом изобилии. Но этим способом футуристов не проймешь. Указания на бессмысленную тар-барщину, преподносимую футуристами, ничуть их не смущают и не препятствуют им переходить от обороны к нападению. Встав в величественную позу презрения, футуристы берутся за фалды истории, — которую, кстати сказать, когда им это нужно, отрицают, — и начинают цедить сквозь зубы: «а символистов, а Сезанна, а Пикассо, когда они выступали на сцену, вы понимали?» — спрашивают торжествующе футуристы. Нередко вопрошаемый смущался и сам про себя думал: «А чорт их знает, может быть, я действительно отстал от века и законсервировался». Смущение часто шло и дальше, отрицавший футуризм начинал кое-что находить в них и замолкал.

Итак, показывать футуристам на их собственные кривлянья, похожие на танцы дикарей перед костром, — забава в значительной степени пустая. Для нас важно выяснить социальную природу футуризма и его социальное значение. Но предварительно мы позволим себе остановиться на понимании ими формы в искусстве. В № 17 «Искусство Коммуны» форма рассматривается как бытие, определяющее сознание. В данном случае писатели этой газеты совершенно не понимают, что форма в искусстве есть просто застывшая идеология, которая содержания определять не может, а служит только способом его организации. Развитие и изменение формы происходит в процессе ее преодоления содержанием бытия, когда организуемый материал не соответствует или не укладывается в установившуюся форму.

В этом же номере указывают на Александра Веселовского, который положил начало истории литературной формы. Этим хотят доказать свободу формы от предметности, быта и т. д. Верно, что историю литературы можно изучать, как историю формы, вопрос искусства можно рассматривать, как вопрос формы по преимуществу, но из этого не следует и не может следовать, что форма определяется формой, а не содержанием. Ни один еще умник не доказал, что формы развивались из форм вне связи с содержанием, и никогда этого не докажет. Рассматривать форму самое по себе — значит заниматься метафизикой, пустой болтовней, и, конечно, ничего общего с марксизмом это иметь не будет.

Способ производства материальной жизни определяет экономические отношения людей. Таким образом создается содержание, которое в свою очередь и определяет форму. Что же такое футуризм? Это есть социальное явление капиталистического строя, буржуазная идеология, дошедшая до пределов своего конечного развития. Это — предсмертные метания буржуазного духа, его ошалелость, предчувствующая гибель. Отсюда выходят все выверты, дикие танцы, шарлатанство, фокусничество, цирк во время чумы. По народному поверию, чорт боится ладага, а буржуазные идеологии в искусстве и других областях, в период дряхлости капиталистического строя, так же боятся и чураются разума сознания. Материальная основа буржуазии, — частная собственность и частные средства производства, — развивались в период империализма в общественную форму, которая создала внутри буржуазного строя противоречия, отрицающие частную собственность и всю связанную с ней систему отношений между людьми и всю их идеологию. Естественно, что при таком условии есть причины чураться разума и его логики.

Путь развития идеологии, определяемой способом производства, который в капиталистическом строе уже превращался в общественную форму, в виде трестов, картелей и т. д., из-за которых вырисовывались и намечались уже контуры социалистического хозяйства, — этот путь не мог привлекать взоров буржуазии к сознанию. Надежда и вера в силу сознания разума у буржуазных идеологов была подорвана. Логика сознания, подводя итоги и обобщения развивающейся формы производства, ясно и неотвратимо выявляла картину предстоящей гибели основы

буржуазного строя—частной собственности. Отсюда появилась такая страстная, кричащая любовь к заумности, к заумной речи и слову. Отсюда вой футуристов о своей гениальности, величайшей особенности. Этот рев в одиночку и скопом выражает отчаяние смертельной тоски, предчувствие своей гибели. Нюющая и шемая тоска поднимается с глубокого темного дна души и вынуждает футуристов ошалелым криком заглушать и увещать всех, и себя в том числе, в том, во что они и сами не верят. Вы помните, читатель, как превосходно изобразил этого рода типов гениальный Достоевский в «Записках из Мертвого дома». Там у него есть один из типов, все занятие которого выражается в хождении из камеры в камеру и истерическом повторении одной фразы: «да ведь он же все врёт, да ведь врёт он...». Его никто не слушает и не обращает на него внимания; от этого боль тоски его еще мучительнее, а он старается ослеплым и усталым голосом повторять без конца бессмысленную фразу, и это, может быть, спасает его от окончательного немедленного сумасшествия. По этим же причинам кричат и наши футуристы.

В № 8 «Искусства Коммуны» пишут о разорванном сознании «величайшего поэта нашего времени Хлебникова». Для футуристов отсутствие у своего собрата элементарной логики смысла и есть их величайшее достижение.

«Разорванное сознание», видите ли, дает беспредельный и безграничный простор интуиции прогуливаться по формам. Бедные писатели «Искусства Коммуны» взяли на себя несчастную задачу быть теоретиками футуризма и еще более несчастную задачу пришить футуризм к марксизму, к его историческому материализму (см. № 17 «Иск. Ком.»). Ах, бедные писатели «Искусства Коммуны», неужели вы не видите, что шьете вы уж чересчур белыми нитками и совсем гнилыми? Вот что значит иметь «разорванное сознание»,—это в роде чертиков в глазах, когда все кажется наоборот.

Марксизм, это—такое учение, которое указывает путь развития человечества от стихий анархии и хаоса к торжеству логики сознания.

Вспомните слова Энгельса: «Из царства необходимости пролетариат сделает прыжок в царство свободы». Это марксистами понимается просто: власть сознания в социалистическом обществе придет к своему торжеству над стихийностью и случаем. Правда, вашей интуиции не дадут свободно прогуливаться по формам, сознание за ней установит строгий контроль, заумников будут посылать в лечебницу. Но здесь мы уж вашему горю помочь не в силах. Историческая необходимость стальной поступи мерного шага сковывает не только вашу слабосильную и художесную интуицию, но стирает в порошок и такого жирного и матерого зверя, как империалистическая буржуазия.

Пристегиваясь к социализму в революции, футуристы, как на признак своего средства с социализмом, любят указывать на то, что буржуазия так же травила их и гнала, как и социалистов. Вопрос средства футуристов с социалистами приходится подвергнуть весьма большому сомнению, что же касается гонения на них со стороны буржуазии, то это действительно было, но только совсем, совсем по другим причинам, несколько не похожим на те, по которым буржуазия устраивала гонения против социалистов. Буржуазия хорошо знала, что футуристы—ее стропле, но в то же время инстинктивно она чувствовала, что в форме выступлений футуристов, в их багаже таится предвестник гибели буржуазии, как в черене головы любимого коня Олега (по легенде) таилась его смерть. Футуристы были для буржуазии зеркалом, которое преждевременно показывало ее судьбу, перспективы ее вырождения и смерти, она отворачивалась от футуристов, жмурила глаза, лишь бы не видеть своей судьбы, взгляд на которую охватывал ее сердце смертельным холодом предстоящей гибели.

Футуристы против быта, предметности и т. д. и т. д. в этом же роде. И все-таки сам футуризм в каждой стране со всеми своими национальными особенностями есть быт. На Западе, где капитализм гораздо развитее и прочнее врос в общественную жизнь, футуризм не имел такого разгула и разнузданности, как у нас. Там буржуазные идеологи, чтобы затуманить и загормозить приход предстоящего краха капитализма, придумали и приспособили более тонкие и разнообразные тесни интуитивизма, философского мистицизма и другой весьма тонкой материи, которой загородили себя от зияющего пути исторического развития человеческого общества.

Совсем другое, — русский футуризм: при отсталости нашего капитализма и его слабости футуризм бессознательно служил кричащим барометром, ярко отражавшим предчувствие катастрофы капиталистического общества, которая должна была произойти скорее, чем в других странах, и для придумывания тонких прикрывающих теорий не было сил и времени, по ому и метание нашего футуризма было так разнуздано и ошалело. Он чувствовал всей интуицией подземный гул предстоящего взрыва. В этом смысле футуризм есть историческая необходимость, но уже пройденная ступень. Теперь отстались от него приспособляющиеся обломки, от которых идет пыль, заражающая туберкулезом легкие пролетариата. На нас лежит обязанность произвести дезинфекцию и поставить вентиляцию по последнему слову техники.

Может ли пролетариат идти за футуризмом или по его стопам? Ясно, что нет. Пролетариат и футуризм, это — антиподы. Пролетариат не может идти по пути выкрутас и прodelывать вывихи разорванного сознания. Это чуждо его идеологии и ни с какого конца к ней не подходит. Перед ним расстилается богатое поле творчества по пути стройной логики. Ему предстоят грандиозные постройки, сложные из запасов богатого подсознательного опыта, выявленного интуитивно, обильного обильным соком чувства и связанного мощной силой спеления логики — цемента сознания. Перспективы развития человеческого духа безграничны, сложность его узоров неисчислима, проявление художественного творчества должно быть введено в сознательный идеал. Заполняйте его каким угодно материалом интуиции, но все это должно быть строго и тесно связано с идеалом, под бдительным контролем сознания. Путь же разумного языка и разумных красок есть путь шарлатанства и лжи перед самим собой, трусость перед светящим идеалом и перед перспективой движущегося вперед человечества. Трусость ради сохранения сегодня и бегание перед завтра.

Федор Калинин.

„Поэзия советской провинции“.

В № 3 журнала «Пролетарская Культура» мною была помещена статья о мотивах рабочей поэзии. В ней были отмечены те этапы, через которые прошла мысль поэта-рабочего с семидесятых годов прошлого столетия до февральской революции 1917 года.

В то время я надеялся дать вторую статью, статью о пролетарской поэзии в том смысле, как мы ее толкуем на страницах нашего журнала. Долгое время я тщательно собирал материал. И теперь передо мною лежат более тысячи стихотворений, взятых из провинциальной советской печати. Нужно сознаться перед читателем, — когда я просмотрел около двухсот стихотворений, то мне стало ясно, что намеков на пролетарскую поэзию в провинциальной прессе нет. Провинциальные редактора слишком нетребовательны к авторам и печатают вещи, которые к истинному творчеству решительно никакого отношения не имеют.

Но, могут спросить нас, почему мы оставляем в стороне столичных поэтов-рабочих — Самобытника, Кириллова, Поморского, Герасимова, Александровского, Садофьева и других. О них мы уже достаточно писали на страницах нашего журнала, все они являются активными деятелями Пролеткульта и хорошо известны читающим товарищам. Нам же хотелось заглянуть в провинциальную гущу рабочей жизни и проследить там современные настроения. Надо признать открыто, что провинция очень и очень сильно отстает от столицы. Все темы стихов, конечно, продиктованы новым временем, носят на себе следы дыхания пролетарской революции, но они примитивны, обработаны грубо и нередко, несмотря на пролетарскую терминологию, разработаны в духе общегражданских мотивов либеральной индивидуалистической интеллигенции.

Написать статью, которая доспела перед моим сознанием, естественно не придется. Тем не менее собранный материал имеет известную ценность в другом

«мысле». Он даст яркую картину того, как отражает жизнь провинциальная советская пресса, сколь широко она захватывает ее и сколь глубоко проникает в сущность разворачивающихся событий и происходящего строительства новой жизни.

I.

Собранный материал убеждает нас прежде всего, что провинциальная поэзия не носит строго-классового характера пролетарской поэзии. И это вполне понятно. Часть стихотворений написана интеллигенцией, часть крестьянами или рабочими, которые еще не успели порвать своих связей с деревней и со всем укладом ее жизни. Эти авторы, конечно, не раз говорят о коммунизме, и даже мировом коммунизме, но психология, свойственная этим группам общества, сильно сказывается на их стихах. Влияние буржуазно-революционной идеологии сказывается и на вещах, которые принадлежат, несомненно, рабочим. Старая культура настолько крепко еще держит мысль и чувства рабочего, что принадлежность автора даже к индустриальному пролетариату, следовательно, пролетариату более чистому и передовому, не спасает его творчества от влияния старой буржуазно-революционной психологии и даже либеральной формулировки своих чаяний и стремлений, связанных с коммунистической революцией. Это особенно ярко сказывается в цикле стихотворений, которые можно озаглавить «Свобода».

В этом цикле нестрай заголовки: «Вперед», «Набат», «Пожар», «Красный звон», «Свободная Россия», «Свобода» и т. п. и нет стихотворений, которые носили бы заголовок «Коммунизм» или «Социализм». Мысль рабочего-массовика еще не освободилась от либерального понятия свободы.

Возьму несколько примеров:

1) «От нужды и тяжелых невзгод,
От тяжелой и мрачной неволи
Вышел к свету свободный народ,
К светлым дням заповедных свобод».	3) «Свобода, свобода, свобода,
Повсюду, повсюду, везде.
То—клич пробужденья народа,
Гимн восходящей заре.
Новая жизнь настала,
Новое время пришло:
Все против рабства востало,
Кровавое солнце взошло».
2) «И народ, разбив оковы
И отбросив гнет,
По трою прогресса новой
Далеко пойдет».	

В приведенных примерах никакой классовой точки зрения, конечно, не усмотришь. Народ, прогресс, свобода... это чисто интеллигентски-либеральная формулировка, за которой трудно даже судить о происхождении автора. Другие вещи определеннее; крестьянские мечты отразились в них полностью:

Вот, например, сказочка «Красный Дровосек»:

«С корнями дуб в снега валится.
Дремучий лес гудит, звеня,
А в чащах Красная Денница
Поет приход весенний дня...
Вместо тьмы сырой и дикой
Будет нахаль здесь бродить».

Пашню зорькой огнеликой
Будет зернами кропить.
И на месте медвежьего логова
Будет рожь отливаться в лучах,
Сгинет сумрачность царства убогого,
Сгинет рабства полуночный страх»...

И только изредка попадаются вещи строго-классовые, которые звучат совершенно иначе:

«Создав людей с окраины,
От рабского труда,
Он, силой воли спянный,
Пришел, пришел сюда,
Чтоб рушить храмы барские
И строить пролетарские
Гиганты-города».

И грозные, великие
Вчерашние рабы,
Как вихри огнеликие,
Из бурь стальной борьбы
Куют свой храм сияющий
В лучах зари сверкающей,
Храм будущей судьбы».

Эта вещь напоминает стихотворение А. Поморского «Рабочий Дворец». Правда, оно слабее со стороны технической и со стороны глубины содержания, но в авторе чувствуется пролетарий с его революционным темпераментом; у него нет пустых слов о всепобеждающей правде, о вечной истине, нет у него беспредметных мечтаний о том, чтоб «пошлость людскую забыть», чтоб «беспечно парить в вышине, свободно, легко, одиноко». Чувствуется, что автор приступает к строительству нового храма, с «песней, вылитой из стали, дыма, колючих, огня,—песней, вылитой из крови, у фабричного станка», как пишет тот же автор в другом стихотворении.

Но такие стихи среди тысячи встречаются единицами, их всего не более пятидесяти. В них еще нет желательной глубины содержания, но самая постановка темы и попытка дать свое пролетарское чувство выделяют эту группу стихов и заставляют остановиться на них более детально. По своему характеру они подходят к циклу «Свобода», но они носят более определенные заголовки и отличаются большей конкретностью, чем первые.

Призыв к строительству, новая жизнь, борьба рабочего с капиталом, интернациональная революция, характеристика рабочего и его отношений к крестьянству,—вот темы второй группы. Самые темы требуют определенно-классового ответа, и он с большей или меньшей ясностью дается, хотя не всегда вполне obviously.

Рабочий-поэт призывает к строительству новой жизни словами:

«Держайте. Впереди широкая дорога,
Кладите кирпичи, железо и бетон,
И пусть весь мир придет, у нового порога
Послушать визги пил и песен наших звон».

Этот призыв доходит до широких трудовых масс: рабочих и крестьян. Но по их откликам вы не установите автора. В большинстве случаев их настроения совпадают.

Поэт-крестьянин рисует себе новый мир так:

«В царстве нового мира, покоя,
Вы не будете знать мук тяжелых труда,
Будет время для жизни другое.
Встанет мир обновленный в сияньях златых
Над природой, омытой слезами,
И затихнет борьба дней кровавых и злых,
Будет братство тогда между нами.
Угнетателей грозных не будет тогда,
Человек поле брани забудет,
Ни рабов, ни могучих владык, ни суда,
Ни нужды в мире этом не будет.
Гордый ум человека взойдет высоко
На ступени великого счастья.
Тьма, невежество, грязь отойдут далеко,
И затихнет навеки ненастье».

Прочтя эти строки, вы сразу сможете сказать, что автор или интеллигент или крестьянин, но никак не пролетарий, в его словах нет и намека на пролетарскую идеологию; скорее чувствуется Надсон и мотивы его времени.

Вот стихи рабочего:

«Верю: новая жизнь наступит,
Будет царствовать в ней справедливость;
Безвозвратно исчезнут корысть, злоба, лживость,
Зависть сгинет и счастьем уступит
То местечко в сердцах у людей,
Где таилась она, ядовита, как змей;

Будет вырвано жало у ней;
Братство, равенство, труд и любовь
Всех сольют,
Не дадут
Проливать в мире кровь»...

Настроения, свойственного исключительно пролетарию, не чувствуется и в этих стихах рабочего. Те же общие фразы о любви, мире, счастье, что и в первом. Пролетарий, как творец, — труд и коллективное творчество, как основа грядущей культуры — вне поля зрения авторов. Они еще живут настроениями либерально-народнической поэзии с ее туманными, сантиментальными представлениями о новой жизни. Всею этому, конечно, можно найти социально-исторические объяснения и оправдания, но в данном случае дело не в них; приходится констатировать, что провинциальный рабочий, сотрудник рабочих газет, выражает свои чувства еще по-старому, буржуазно-либеральному.

И только изредка мелькнет стих, в котором бьется действительно новое чувство, дерзкое, яркое, молодое, увлекающее вас.

«С бесстрашным гордым лицом
Рабочий явился...
И жизнь ураганом взвивалась
Жужжаньем станков,
Шипеньем машин
И искрами тысяч печей...
И песнь раздавалась
Разбитых оков,
Разогнутых спиц,
Расширенных сотен плечей.
И город взметнулся вскипевшей волной
Работы поспешной и бурной,
И брызнуло солнце победной струей
С высй лазурной...
И труд, окрыленный могучим стремленьем
К движенью вперед,
Упорным своим достиженьем,
Целями ясными,
Ярко-прекрасною,
Светлую жизнь создает».

Поэт берет город, как творческую силу, как коллектив с «ясной целью», который создает «ярко-прекрасную, светлую жизнь», и одно это уже выделяет его из ряда других.

Есть и еще стихи о труде, но они отдают стариной, отвлеченностью и даже фетишизируют труд:

«Гордость мира есть мозоли,
Счастье жизни — честный труд,
Не клините ж этой доли,
Чтоб совсем нам не заснуть»

читаем мы в одной провинциальной газете. В этих народнических строках, конечно, мало рабочего понимания труда и его роли в жизни.

Больше сознательности обнаруживают авторы в стихотворениях, посвященных революции и октябрьской годовщине. Таких стихов много, и в них больше силы и чувства. Все авторы, так или иначе, говорят о борьбе двух классов, двух лагерей, двух враждебных миров; больше они подчеркивают коммунистический характер переворота.

«Смерть врагам,
Смерть проклятому барству,
Пролетарский воздвигнем мы храм,
Трудовое объявим мы царство».

Эта основная мысль есть у многих авторов. Одни не задумываются над трудностями победы революции, другие видят опасности, но те и другие верят, что:

«Исход борьбы начертан роком,	И верим мы, что час настанет,
Искупили мукой вековой;	И близок, близок уже он,
В порыве светлом и высоком	Когда удар последний грянет,
Гигант наш крепнет молодой.	И будет старый мир сражен».

Интересно отметить и то, как глубоко вошла в сознание масс мысль о том, что наша победа зависит от всемирной пролетарской революции.

Авторы приветствуют германскую революцию, скорбят о поражении спартаковцев, радуются пробуждению пролетариата в Англии, в Болгарии и др. странах, шлют проклятия убийцам К. Либкнехта и Розы Люксембург, верят, что:

«Момент борьбы международной,
В борьбе рабочих масс настал,
За мир коммуны всенародный
Рабочий класс на бой восстал»....

В отдельных стихах видно нетерпение авторов и доля скептицизма, и революционность западных рабочих; порой слышатся упреки, что наша революция может быть побеждена из-за отсутствия их поддержки. Содержание этой серии стихотворений, несомненно, обуславливается той агитацией, которая ведется в стране.

II.

Много стихотворений относится к войне, пленным, красноармейцам, дезертирам, белогвардейцам, их расстрелам и разгромам, союзникам, дипломатам и т. п. Двухлетняя гражданская война, охватившая всю Россию, естественно и оставила в сознании людей много ярких моментов и неизгладимых переживаний, мучительных и радостных. Но все это разработано односторонне-примитивно, без всякой попытки проникнуть в психологию борющихся на-смерть сторон, исключительно с политической стороны и в общих фразах. Война—затея капиталистов, поны давали присягу, чтоб народ за родину стоял; а народ наш по своей духовной темноте истреблял своего брата: рабочего и крестьянина, и только очнувшись, опьяненный кровью, с наступлением революции. Блдный, слабый и худой пленный, «это—жертва капитала, это—мученик царей». Впрочем, есть одно стихотворение, посвященное инвалиду, которое автор заканчивает словами утешения, что империалистическая война принесла нам пролетарскую революцию.

«И живется, и дышится тяжко,	Ты подшиб деревяжкой царя,
Как по гробу стучит деревяжка,	Мы ж прикончим с всемирным разбоем
Нет, товарищ, ты страдаешь не зря,	И по-своему Русь перестроим».

Среди груды довольно однообразных и монотонных стихотворений для полноты картины необходимо отметить и своеобразно-редкостные.

Красноармеец обычно изображается как идейный и сознательный защитник революции, что, к сожалению, не всегда так; как герой, который говорит про себя:

«В моем прошедшем только горе,	Труд вспомнит меня со славой
Цепей мне нечего жалеть.	Мой долг—душителей губить...
Возжжет я огненное море	Быть-может, завтра в это время
И мне не страшно умереть.	Меня не станет навсегда.
Пусть я паду в войне кровавой:	Громя преступной знати племя,
Мой сын свободно будет жить	Умру под знаменем труда».

Этот красноармеец имеет своего пролетарского командира, который,

«Как и он—сын народа,
Сельской нивы и завода,
В серой скатанной шинели,
Красным стягом осенен».

Полные веры в победу, отправляясь в поход, они утешают своих родных,—мать, жену, детей:

«Не тумань же, жена, свои очи
Набежавшей невольной слезой,
Будь тверда и в бессонные ночи,
Жди победу, верь в лозунг святой»...
«Прощай, не плачь, не убивайся,
Малютку-сына береги».

И вдруг Этот идеальный красноармеец, полный энтузиазма и самоотверженности, превращается в «забубенную головушку», в «российский тип». Автор рисует его, как... но мы лучше используем самого автора; это будет нагляднее:

«Эвон,—красная рубаха,
Слышь, гармошки резкий скрип,
Это он, родная птаха,
Это наш российский тип!
Это наш родной Ермошка,
Эх, и весело живет;
С ним всегда его гармошка,
Как меха-то разведет,
Парни с девками обступят,
Удалого паренька,—
Заиграет,—ну, и лупят,
И кадрили и трепака.

Ноги сами так и ходят,
Не сдержат спокойно плеч,
А гармоника выводит:
«Ходи изса, ходи печь»,
Бесшабашен и беспечен,
Первый парень на селе,
Наш Ермошка весь из песен,
Без вина навеселе...
Наш Ермошка сам не тужит,
Нешто парень пропадет;
Он под красным флагом служит—
И играет и поет».

Мы не будем раздумывать, каково общественное положение автора, и почему он так живописно изобразил красноармейца. Одно хочется сказать, если в Красной армии и есть Ермошки, то они одиноки, как и сам автор.

Не безынтересны также разговоры и наставления пролетарских командиров:

«Нет нигде спокойной жизни,
Как на службе на военной,
Здесь никто из нас, как дома,
Озабочен не бывает...

А как кончится ученье,
Чем угодно занимайся:
Пой, пляши в своей казарме,
Или в город отправляйся!»

Так просвещает один автор; другой дает более деловые наставления: они толкуют красноармейцу, чтобы тот, идя на сражение, все проверил, осмотрел, захватил мыло, нитки, иголку, кружку, ложку, неразлучный котелок,—был храбр и не труслив. А буржуа, если он спросит: «не жилось ли лучше с царем?»—

«Не давай ему пощады,
Бей по морде кулаком».

Так просвещенный красноармеец, «передувшив» врагов, мечтает к Рождеству пощасть в Москву, а покуда он пишет жене ласковое письмо:

«Я любимой много хлеба привезу,
Накормлю и напою свою красу!
Зацелую ее алое лицо,
И с зарею только выйду на крыльцо!...»
«Грудь у ней вздымается, как пенная волна,
И уста хмельнее хмельного вина»...
«Разметалася, как реченька, коса,
Словно звезды, загораются глаза»...

Наши красноармейцы, как видит читатель, живут довольно разнообразными настроениями, но умирают они, если верить собранному материалу, всегда героями, как «свободы оплот». Насчет Ермошки мы несколько сомневаемся, а, впрочем, на свете всякие чудеса бывают.

Особенной примитивностью отличаются стихи о белогвардейцах,—стихи, посвященные Деникину, Краснову, Колчаку, Миллюкову и другим. Авторы не находят слов, чтобы заклеймить их контр-революционные замыслы. Это—«убийцы подлые, презренные лакеи, холопы тьмы и зла», «гнусные, кровавые злодеи», «с жестоким скрежетом без совести и чести, со злобою в сердцах». Все это, конечно, правильно; но от поэзии, хотя бы и чисто гражданской, требуется все-таки больше, чем подбор крепких слов.

Союзники и дипломаты почтены особой формой—басней: «Дипломат и соха», «Домашние друзья» (собака и свинья), «Лиса» (Вильсон), «Три брата» и т. п. Все эти басни проникнуты добродушной иронией, даже не переходящей в сарказм. Мораль их одна:

«Не выдаст Бог, не съест свинья,
Поэтому союз буржуйных стран,
Создав коварно-злостный план,—

Сместит Советскую Россию,
Дождаться может злой судьбицы,
Свиньи, Бульдога и Ослицы».

Откликнулась провинция и на приглашение союзников на Принцесы острова. Но она задумалась над вопросом: «Не хотят ли нас всех спихнуть лбами те, кто хочет нас сделать своими рабами». «Опять же и Свердлов не дал позволения на предмет самоопределения», и все единогласно решили на Принцесы острова не ехать. «Троцкий поедет. Ну и отлично».

III.

Целая серия стихотворений относится к различным группам и слоям общества: рабочим, крестьянам, интеллигентам, духовенству и т. д.

Все авторы проникнуты глубокой любовью к пролетариату, иначе и не могло быть; но ни один из них не смог дать живой фигуры рабочего ни прежнего времени, ни периода нашей революции. Это или идеалисты,—борцы за «великую святую правду»,—или титаны, гении, которые «из кристаллов льда создают огонь». Это или прокливающие свою судьбу, свой «подневольный труд», или «мощь—стихия, ураган». Рабочий, с его революционным и обычным бытом, не привлек внимания поэтов; последние не выяснили даже его социальной роли, если не считать общих фраз о борьбе с капиталом и попыток выяснить отношения к деревне. На укоры крестьянина, что пролетарий живет легкой фабричной жизнью, рабочий отвечает:

«Мы с тобой родные братья:
Я—рабочий, ты—мужик,
Наши крепкие объятья—
Смерть и гибель для владык.
Я кую, ты пахешь поле,
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой воле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра,
Добываю сталь и медь,
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снесь.
Помни, братья из завода,
В синей блузе кузнецы
Для тебя даны природой...
Оба мы с тобой творцы».

Есть стихи, посвященные коммунистам. Последние все необыкновенные люди,—герои, энтузиасты. И только один нашелся, который «лентой красною и желтой керенки тянул» и «как дойную коровушку свою страну доил», за что в конце-концов и угодил в чрезвычайку.

Проснулся и труженик-мужик; он стянул с себя ярмо невзгоды, стал грозен и велик:

«Мужик, лапотник лохматый,
Орел стал могучий, крылатый,
Открыл он глаза, огляделся,
Огнем его ум загорелся».

Да и вообще:

«Деревня, и ты покраснела
И новые песни запела,
Забывла иконы, поклоны,
Замолкли бесплодные стоны».

Дети, и те заражены духом времени. В зимний долгий вечер, забравшись на полати, они:

«Чутко слушают про радость да опаски,
Что буржуя нужно взять в штыки...
И блестят у них, как искры, глазки,
И сжимаются плотнее кулачки».

Встречаются стихи, в которых социальная роль крестьянина сильно преувеличивается:

«И рассеять во все стороны заразу
Социальной революции великой,
Только ты один на это лишь способен,
Молчаливый, добродушный, простоличный:
Сделал, крикнул, вытер пот с лица голицей,
И стоишь, и смотришь—весел и беззлобен.
О, веками неразгаданная Глыба...
Не Россия для такого—вся земля».

Поэт увлекся, «неразгаданная Глыба» давно разгадана; ее социальная роль точно выяснена и взвешена, а что касается социальной революции, то ей он предпочитает свое собственное хозяйство, в условиях равенства политических прав. Революция еще не поборола мелко-буржуазных ожиданий в крестьянстве и разносит заразу в социальной революции оно органически не может по очень многим причинам, давно уже марксизмом выясненным.

Интеллигент рисуется как саботажник или человек, растерявшийся в новых условиях, сбившийся с пути, и рабочий спрашивает его с укором:

«Почему ты молчишь? Или, может, не видишь,
Что стеной встал измученный люд!.../
Ты ли тот, кто во имя свободы,
Там, в Сибири, в оковах страдал?
Стыд, позор! ты, разумный и чуткий,
[Своим братьям не хочешь помочь».

Сильно достается «отцам духовным». Для них авторы не жалеют красок. «Это—тот же бывший пристав, только волосы хвостом», он доносит в охранку, присутствует при казнях, дерет с живого и мертвого, обманывая и обдирая темный народ.

«Поп всегда бывает рад:
Если умер, кто богат—
Едет к мертвецу такому
Выносить его из дому;

На него он там кадит,
Сам на наших баб глядит...
Жрать по многу он привык,
И разбелся, словно бык».

Попутно достается и матушке:

«Попадья от жиру-сала,
Тоже как корова стала,—

И уж трудно стало вблизи
Попадье с попом сойтись»...

Положение их ухудшилось, когда Исполкомы стали вскрывать мощи. Пристыженные стоят отцы духовные, потупив очи долу, а провинциал торжествует:

«Ай да мощи, вот так мощи!
Снят покров со всех сторон...
Нет—кажись, секрета проще:
Вата, кости и картон...

Распеленут «преподобный»,
И открылся для очей
Матерьял весьма удобный
Для... топления печей»...

От всей этой истории поднимается смятение и на небе. Апостол Петр, читая «Бедноту», обсуждает дела с сатаной и ругает духовенство на чем свет стоит: «Мерзавцы, подлецы, проклятые попы длинноволосые».

В таких трудных обстоятельствах горько плачет поп Вавила, слег в постель отец Иван, у отца Семена в горле встал колом широг с треской, а отец Терентий с горы съездил в рыло попадье.

«Только мрачный дьякон Сила,
Положа руку на грудь,
Зычным голосом Вавиле
Разъясняет дела суть:
Без огня нет, отче, дыму,
Намотай себе на ус;
Мы Иисову идею
Затоптали сами в грязь
И, как сера, к богатею,
Льнем бесстыдно каждый час...
Мы настроили не в меру

Наших лавр, монастырей,
Учредили кадр монахов,
Стопудовых жирных туш.
Звали там друг друга «братом»,
Там лилась вина река,
И была сплошным развратом
Вера русская крепка...
Мы в событиях ярославских
Честь и славу обрели,
Пулеметчиков заправских
Глазомером превзошли»...

За все эти дела молодое поколение поповской «фирме» ставит крест.

Понятно всем, что нескучится провинция на «ласковые» слова и по адресу буржуазии, кулаков и спекулянтов. Больше всего привлекает внимание сельский кулак. У него нет живого места, за которое не попробовал бы его автор.

Из груды стихотворений мы создадим его портрет:

Внешний вид:

«Под горшок подстрижен волос,
Словно яблоки глаза,
Баритонный зычный голос;
Ну, подумаешь,—гроза.

Пальцы с черными когтями,
Лестбиный красный нос;
Сапожищи с бураками—
Настоящий кровосос».

В его доме, конечно, всего вволю:

«В доме богатея
Водки, меда, хлеба
Жрите не жалея...

И всего другого
Столько припасено,
Что не съешь в полгода».

Как и полагается, у кулака

«На селе большая лавка,
Двухэтажный дом.
И сосет он, как пиявка,
Весь народ крутом:

Беднота пусть горько плачет,
Никнет головой,—
Он подальше хлеб запрячет,
Иль продаст с лихвой».

Многие авторы детально описывают, как кулак свой хлеб зарывает в землю, продает с песком по непомерно высокой цене, как беднота таких тащит в Советы, реквизируя их имущество. Кулак же, жалуясь на свою «горькую судьбу» и на людскую несправедливость, живет надеждою на будущее, что придет немец и спасет от злой напасти. Кулак всегда богомолен:

«И, пыхтя от объяденья,
Прется в Божий храм медведь,
Крякнув громко, без стеснения;
Рожа красная, что медь».

Портрет спекулянта дается в более «мятких» тонах. Рожа, когти, пузо,—этих слов вы уже не встретите.

«Вид его подвижный, хитрый,
Взгляд таинственный, сухой,
Весь он прыткий, зоркий, лживый,
На все руки разбитной».

Иногда автор впадает в лиризм, что бывает очень редко, и тогда в широкую народную массу идут песни в роде следующей:

«То не лист осины
В роще шелестит,—
На угле буржуйка,
Как змея, шипит:
«Но лишь власть мы сбросим,
Снова заживем,
Уж тогда с народа
Десять шкур сдерем»...

«И не гром на небе
Рокотал весной,
А бедняк буржуйке
Речь такую вел:
«Не сердись, касатка,
Уж добре ты зла.
Брось, не ерепенсь,
Помни сказ ты мой»...

В таких «тяжелых» условиях кулак горько причитает:

«У дочурки-то, у Груни,
Отобрали стервецы
Кольца, брошки и браслеты...
Жмут и лупят в хвост и гриву,
Не дают передохнуть».

IV.

Много стихотворений посвящено женщине,—женщине вообще, женщине-крестьянке, женщине-пролетарке; последняя особенно привлекает внимание.

Женщина в бессонные ночи качала нас в колыбели, в школе обучала, раны на войне лечила, у станка стояла и поля пахала, а теперь идет под ярко-красным флагом. И, смотря на судьбу русской женщины, автор пишет:

«Но еще остался в жизни уголок,
Где крепки и не разорваны оковы,
Посмотрите, как теперь в семье любой
Еще женщина безвольная страдает».

Прозаически доказывая, что из семьи развился «старый царский строй», автор протестует против брака и кончает свои стихи словами:

«Дайте света ей! Долой оковы брака!»

Встречаются подробные описания жизни работницы с ее рождения до могилы. Бедное, жалкое детство, без света, без мысли и радостных дней, душная фабрика, пьяный муж, вражда, брань и побои, голодные дети, истощенная грудь, проституция, что «душу растлила в развратном гною», притоны, где гибла юности любовь, что сломанная роза, и, наконец, чахотка и смерть.

Все это глубоко волнует и возмущает нового поэта, и он, обращаясь к «товарищу-пролетарке», поэтически восклицает:

«Теперь ты, как птица, свободною стала!
Теперь уж разрушен наш враг, капитал!
Строй новый тебя на путь новый призвал,
Тебе он вернул все права человека...
Ведь мать, ведь жена, ведь родная ты нам,
Иди же, борись со своими врагами»...

Несмотря на самые теплые отношения к женщине, она изображается большею частью малоспособной на активно-революционную борьбу, почему иногда и встречаются моменты угрозы: если женщина не станет бороться за светлое царство, то дети проклянут ее и ее прах.

Есть несколько отдельных стихов, посвященных швее, из-под руки которой «строчка радостно бежит, сгибая полотно», водоноске, которая «неустанно мотается

целый день», машинистке, у которой дни текут за днями, без души, без думы, и, наконец, матери, у которой под старой ивой, в тени ветвей—

«Есть могила,—сравнена с землей.
В ней, сраженный пулей, ее сын лежит,
Сворою жандармов в тьме ночной убит».

Попутно отметим стихотворения о любви, их менее десятка. Один гонит от себя женщину с завитками черных волос, не хочет он ни сладких песен любви, ни запаха роз,—он ищет, чтоб женщина была знакома с грозой, чтоб и сама она дышала ею. Он мечтает:

«Я не ненужную самку,—подругу найду,
Для которой нет в жизни преград;
Чтобы счастье отбить, вместе с нею пойду
В бурно-красный огонь баррикад».

Другой, из «Голоса Пролетария», грустит о саде, соловье, летней ночи и встречах. Ему хочется снова, как прежде, любить, но увы... «теперь уже придется о старом забыть»...

Другие иначе на дело смотрят, у них все естественно и просто, без всяких высоких соображений.

Укажу стихотворение «Любовь». Оно характерно для данного времени:

«Карп шептал: «люблю»—
Ночью Вареньке.
— Полюби,—куплю
Шаль да валенки,
На пальто овчин
Я представлю в срок,
Только дай почи,—
Поцелуй разок.
Для тебя, не вру,
Мне на вье плевать,
Даже сахару
Я могу достать.

У отца стигну
Целый пуд муки,
Поцелуй же—ну,
Вот, ей-Богу-тки.
Ночь заметила
Да заваленка,
Что ответила
Карпу Варенька.
По утрам наш Карп
Собирался в путь,
Он решил от баб
Навсегда махнуть»...

Читатель наверное узнает портретиста Ермошку. Ермошка и Карп—они не привлекательны для нас, но они живут среди нас и, как встарь, отравляют нарождающуюся новую жизнь.

V.

Обратил свое внимание провинциал и на отдельные стороны жизни. Он много пишет на тему о просвещении. Для него «знание—дорога к воле и хлебу, знание—кормчий в ночной темноте». Он призывает рабочие массы учиться.

«Дружной ратью на подвиг последний:
Сбросим невежества гнет,—
Много уж пало царизма наследий,
Так же и этот падет».

В своем глубоком стремлении к науке, народ наталкивается на саботаж и недоброжелательство интеллигенции и живет надеждами на красную столицу, которая должна дать провинции своих культурных работников.

Постепенно народ начинает приобщаться и к искусству, к театру и музеям, находя в них утешение и радость в наше трудное время.

Рабочий посвящает свой стих и Пролеткульту. Он для него «как солнца яркий луч среди бурь и непогоды блеснул из темных туч».

Не ускользнули от зоркого глаза поэта и мрачные стороны в нашем строительстве. Один из них высмеивает уездный «Совнарком», где товарищи, налаживая хозяйственную жизнь, думают:

«Сто тридцать два отдельчика
Нам нужно поскорей...
Шестнадцать ремингтончиков,
Семнадцать сторожей,
Сто восемь регистраторов,
Сто пять секретарей»...

Аппарат «налажен».

«Но не весел пролетарий...
Омрачают торжество
Пережитки павшей стари:
Волокита канцелярий,
Кумовство и сватовство».

Создались, наконец, разные главки и центры. Но дело не движается, и обыватель брюзжит:

«Главкоцентры, центроглавки,
И хвосты у каждой лавки,
Главкорутань, центрошум,
Без бумажечки Главбум,
Главкоспичкой не закуришь,
Главтабак без табаку,
Главтелега на боку».

Но вот человек после недельных мытарств и испытаний достал табачку и спичек, закурил, затаившись и все-таки, меланхолично покачивая головой, продолжает брюзжать:

«Эх, махорка, ты махорка,
Ты, махорочка моя,
Погляжу я, как же только
Размахорили тебя;
Намочили, насоллили
Стоеросовой золой,

Всякой дрянью засорили
И крапивой, и трухой,
Тянешь, тянешь,—не закуришь
И не можешь покоптить,
Обругаешься и плюнешь,
Да опять начнешь вертеть»...

Знаменитые «хвосты», доставшиеся нам еще от царского режима, также занесены на страницы провинциальной жизни. Хотя в хвостах и слышатся остроты и даже зарождается пламенная любовь, однако поэт рисует их мрачными красками:

«Хвост обывателей,
Все возрастающий,
Ждет пропитания,
Как подаяния.
Лица озябшие,
Вид утомленный,

Ноги застывшие,
Взгляд озлобленный.
Вот и гражданки
С грудными малютками
Прячут детей
В одеяла с лоскутками»...

Клеймит поэт «жадность и неистовство» нарождающихся среди социалистов буржуев, воровство злоупотребления, связанные со служебным положением, пьянство, грубое и порой прямо бесчеловечное обращение врачей и сиделок в госпиталях и больницах и т. д.

VI.

К последней группе стихов мы относим лирику. Она также не оригинальна, в ней нет ни новых образов, ни музыкальности; ее мотивы, как и мотивы политические,

не многочисленны; и все-таки, в художественном отношении лирика стоит в общем выше поэзии гражданской.

Поэт воспевае зиму. Он любитс, как

«Падают снежинки
Пухом белоталым,
Одевая пахоту
Белым одеялом».

Родит в нем настроение и снежная равнина:

Снежная равнина, Ярко-серебристой скатертью лежит. Хорошо на воле, В неоглядном поле. Каждая снежинка искрится огнем, Будто кто алмазы, Жемчуг и топазы, Щедрую рукою разбросал кругом.	Вон, одетый в иней, В дымке мутно-синей, Спит замороженный зимней сказкой лес; И сквозь сон глубокий Грезит одинокий О весенних ласках голубых небес... В сердце нет печали, Властно манят дали»...
--	--

Зимняя ночь, метель, мороз, февральское утро, когда «сквозь алый заморозок глядится солнце на поля, стволы целуя у березок», останавливают внимание поэта.

Значительно меньше стихов, посвященных весне и осени, и совсем нет стихов лета. Весна, яркая и золотая, она манит вперед и несет счастье. Казалось, стихи этого настроения должны были бы преобладать, но фактически этого нет.

Любит рабочий-поэт и осень, когда—

«Серебряный звон листопада
В рдяном, родном ноябре,
Гуляет в саду и по саду,
Рано на алой заре»...

Но поэт любит осень как-то по-интеллигентски и даже по-мещански. В эти нарядные дни осени:

«Он сел еще ближе к камину,
Бросил березовых дров,
И, греясь, открыл Ламартина—
Томик журчащих стихов».

Кстати сказать, у русских рабочих нет каминов и трудно встретить у них Ламартина.

Глушь, проселочная дорога в город на заработки, одинокая, заброшенная в поле сосенка, кладбище, юность, растроченная по людям,—все это находит отклик в душе нового поэта. Ткач, наборщик, железнодорожник повествуют о своей жизни, о ее небогатых впечатлениях. Железнодорожник воспевае локомотив, станционные огни, рельсы, зеленый и красный флажки и т. д.

Часто обращается поэт-рабочий к солнцу. Он рисует его как животворящую силу:

«В чертоге у Сварога Протоптана дорога, По ней идет Сварог, сын Дажьбога, Лицом своим слепищим	Склонился к снежным чащам, И пыльные мерцанья в них разжег, И мир опять весенних ждет чудес... И страстная в крови вскипает ярь».
---	--

И только один поэт, из газеты «Земля и Труд», возненавидел солнце, но он, как крот, рожден для жизни в темноте.

«Взял я в руку солнце рыжее,
Смял пархатое в комок,

Кинул обычными лыжами
 В бок—
 Не люблю я дня глазастого,
 Тень ночная мне мила,
 Ночь осенняя, ненастная—
 Моя.

Странный человек. Но, как говорит русская пословица, в семье не без урода. Встречаются стихотворения аллегорического содержания. Корабль, несущийся гордо по бурным волнам,—пролетарская революция. Утренний рассвет с яркими лучами—грядущая жизнь трудовых масс. Грозная буря, ломающая столетние дубы,—пролетарская революция. Закат—догорающая жизнь. Несущийся на всех парах поезд—быстро текущая наша жизнь. Но все это старо.

VII.

Какой же вывод из всего сказанного?

Советская провинция из широких трудовых масс не успела выделить поэтов, и собранные вещи, за исключением некоторых, ничуть не говорят о поэтических дарованиях авторов. Но это нас не смущает и не повергает в пессимизм. Трудовые массы еще слишком мало дышали свободной жизнью, еще мало приобщались к культурным завоеваниям прошлого. Пройдет известный период времени, более или менее талантливые, с поэтической искрой, останутся работать в этой области и скажут свое слово, а все случайные и неспособные отстанут сами по себе. Сейчас важно уже и то, что трудовые массы создали сотни газет и журналов, выдвигают своих публицистов, критиков, беллетристов и поэтов, выразителей своих дум и настроений и устремляют свой испытующий взгляд в глубину жизни, охватывая ее со многих сторон.

Новые Пушкины и Белинские родятся еще не скоро: но они родятся. А сейчас провинциальную прессу обслуживают: Софронов внук из Великих Лук, дядя Вася, дядя Сапа, солдат Яшка Медная пряжка, Красный Язычок, Красное Жало, Кистень и другие. Самые темы: «В рот те ситного с горохом», «Не верь слухам, живи головой, а не ухом», «Как отличать буржуа от пролетария?» и целый ряд других, которые уже сами по себе определяют художественную ценность произведения.

Вот там целый ряд образов:

1) «А отец Терентий с горя
Съездил в рыло попадье»...	5) «И, ахнув раз свинью по рылу,
Отправил жирную в могилу».
2) «Без псаломщика обедня,
Что кобыла без хвоста»...	6) «Явился апостол великий труда—
Здоровый микроб коллектива».
3) «Но зато поны свои
Нажирали пуза,
Попадья была гладка
И круглей арбуза»...	7) «Идея, что воробей,
В зародыше ее убей,
А яичная скорлупа с нее спала,—
Пиши пропало»..
4) «Жмут и дулят в хвост и гриву,
Не дают передохнуть»!...	

Все эти образы, хотя довольно реальные и правдивые, еще не завоевали в поэзии прав гражданства и, надо полагать, таких прав не приобретут. Все технические средства поэтического творчества, музыкальность, ритмичность, образность, даже в самых лучших образцах, являются взятыми с большим или меньшим умением из старой поэзии.

Вот перепев Никитина:

«Дремлет близ речушки
 Мирное село.
 Черные лачужки
 Снегом занесло.

Сторож у правленья
 В стучолку стучит,
 Дремлет все селенье,
 Дремлет и молчит».

Другие подражают Плещееву. Каждый из читателей почувствует это сразу, читая строки:

«Вперед, забудь свои страдания,
Не отступай перед грозой;
Борись за дальнее сиянье
Зари, блеснувшей в тьме ночной».

Можно было бы привести отрывки, навеянные Кольцовым, Суриковым, Некрасовым и другими.

Целый ряд стихотворений является грубой переделкой произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, народных песен и т. д. Переделаны: «Украинская ночь», «Песнь о вешем Олеге», «Спор», «Коробейник», «Последний нынешний денечек», «Разлука», «Мой костер» и некоторые другие.

Вот образцы и этого жанра творчества:

- 1) «Уж полным полно Германия—
Есть барон, банкир и пан...
Жар народного восстания
Рьяно душит Шейдеман.
Деньги розданы немалые,
Чтоб мятеж не очень рос...
Подставляй же губки алые
И Вильсона чмокай в пос».
- 2) «Как-то раз перед джентльменом,
Не спуская взор,

Бетман-Гольвег с сэрм Греем
Вел горячий спор».

- 3) «Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Печален гетман. Вести плохи,
Как отдаленные сполохи.
Они тревогу будят в нем.
Уж весь немецкий край охвачен
Восстанья буйственным огнем.
Везде советы. Кайзер схвачен».

Вильгельм грустно напевает:

«Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра, рано, чуть светочек,
Смахнут с престола, знать, меня».

Император Карл более легкомыслен. Он беззаботно распевает:

«Три деревни, два села,
Семь народов, один я.
Чехи справа нажимают,
Венгры слева подъезжают,
Швабы тоже прут в галоп,
Чтоб меня с престола—хлоп».

Один из авторов характеризует себя словами:

«Я всех сильнее—я великан,
Я всех страшней—я ураган,
Я глубже всех—я океан,
Я всех грознее—я вулкан...
Меня могучей в мире нет,
Я факел жизни, я—поэт».

Конечно, эти слова звучат гордо; но в данный момент к провинциальным поэтам они не приложимы. А в будущем роль поэта, особенно каждого в отдельности, будет значительно скромнее.

Теперь же надо работать и работать.

И Пролеткульт, чтобы выполнить свою историческую роль, учитывая все достижения и неудачи, должен развернуть в своих литературных студиях колоссальную работу, чтобы дать возможность всему новому и талантливому расцвести ярким цветком и тем самым заложить прочный фундамент пролетарской литературы.

Валерьян Полянский.

Жрецам искусства.

Нужда и горе—наши ясли,
Подвальный сумрак—колыбель,
Где зори отрочества гасли
И пела въюжная свирель.

Сирены зычные заводов
Нам рано указали путь
Под сень гремящих жутко сводов,
Где напряженно дышит грудь.

И в неразрывном, слитном хоре,
В размерном беге шестерен
Мы разгадали чудо-зори,
Снянье солнечных времен.

И день кровавого восстанья,
Грозу великих мятежей,
Как деву в брачном одеянии
Мы ждали в сумраке ночей.

И час настал, и вихрь громовый
Оковы рабские расторг,
И солнце блеск явило новый,
И души обуял восторг.

Раскрылись радужные дали,
Зарделся ало небосклон,
И наши песни прозвучали
В багряном шелесте знамен...

В покровах синетканной блузы,
В сиянии зоревых гвоздик
Суровый облик нашей музыки
Вам непонятен был и дик.

За то, что огненные струны
Смутили лепет слезных лир,
Вы дали нам название: «гунны,
Пришедшие разрушить мир».

Да, нам противен звук ненужных,
Жемчужно-бисерных стихов,
Узоры вымыслов недужных
И призраки могильных снов.

И нам ли, в бурях закаленным,
Рожденным для великих битв,
Внимать напевам легкозвонным
Стихирам сладостных молитв?

Ночные филины, кукушки,
Не вы—избранники богов,
Он с нами, лучезарный Пушкин,
И Ломоносов и Кольцов.

Певцы труда, певцы машины,
И знаменосцы и бойцы
Семье трудящихся единой
Готовим звездные венцы.

Мы миру—весть преображенья,
Мы—буйно-радостная новь
И, слава смерти и разрушенью,
Поем Вселенскую Любовь.

Рожденные бессмертной силой,
Мы не погибнем, не умрем,
И сквозь гроба и мрак могилы
К Вратам Грядущего придем.

Владимир Кириллов.

А в и а т о р ы.

С тех пор как рабочий Ведрин стал пилотом, в настроении токарной мастерской у «Гнома» произошла революция. Многие токаря втайне смотрели на себя, как на **врожденных** авиаторов.

— Наш брат, токарь, привык обращаться с механизмами, с управлением станками, наши руки не обманывают, — говаривали так смельчаки, и, казалось, успехи Ведрина подтверждали эту практическую теорию.

С того дня, когда Ведрин прилетел для рекламы моноплана Ньюпорта к Гномовскому заводу, его старый сосед по станку, Жан, прозванный за свои зеленые глаза и широкий нос «Лягвой», потерял сон, аппетит, и его прежняя веселость и общительность, к великому удивлению заводских остроумов, исчезла.

— Что с Лягвой? — спрашивали они друг друга. Подумали даже, что его жена сделала «рогатым», и ходили «посочувствовать». — Послушай, Жан, ты не огорчайся, это бывает у всех в наши дни... — начинал один из плутоватых дипломатов, но даже на эту удочку Лягва не шел. Стоит, упершись на длинные ручки своего револьверного станка, и смотрит как вьется стружка, непрерывно смачиваемая тонкой струйкой желтого масла. Отодвинет резец, молча поточит его и, как будто не слыша ехидных вопросов и насмешек соседей, опять наляжет на легкий суппорт, сверлит да сверлит маленькие дырочки инжекторов.

Мысли Лягвы были далеки от этой, вдруг опостылевшей ему мастерской. Они уносили его в далекую синеву небес, куда так тянуло его и о чем он, Лягва, не осмеливался беседовать даже со своим приятелем, соседом Пьером.

Перед ним рисовались уже картины его славы, почести... Он уже видел себя героем Франции, портреты которого пестрят на страницах самых больших газет. Вот он вьется высоко, высоко, под ним мелькают горы, леса, зеленые равнины... Он слышит рукоплескания толпы, обеды, речи...

«Купил бы себе павильон и уже не вернулся бы к этим ненавистным станкам, в эти душные, полутемные сарай-мастерские», — мечтал Лягва.

Слабое «трр» сломанного сверла быстро спускает Лягву на холодную землю. «Вот видишь, даже подумать нельзя, — говорил он своим невидимым слушателям, — опять нужно идти ругаться в инструментальную... Скажут, почему не смотрю, уже третье домаю сегодня».

— Эй, Пьер, опять сломал, — крикнул Лягва, безнадежно улыбаясь.

— Что же ты не смотришь, — спокойно отозвался сосед, — возьми мое, у меня есть одно такое, а твое я сменяю за тебя, — добавил Пьер.

Подкупленный такой услугой, Лягва почувствовал необходимость поделиться с другом своими затаенными мечтами.

— Эх, и надоела же мне эта мельница, — заговорил он, указывая на свой станок. — Вот Жюлю (Ведрину) повезло, теперь и деньги у него, и больше не нужно бегать по заводскому звонку.

— Деньги нужны, мой друг, чтобы выбраться. Я уже думал, — сознался Пьер.

— Денег ничего не надо, — со вспыхнувшей радостью в глазах заявил Жан. — Нужно только одно желанье и энергия. Вот что я думаю, — ты пооди сюда да смотри, чтобы мастера не видели, — я тебе расскажу одну шутку.

Оба приятеля склонили свои головы над инструментальными ящиками, делая вид, что ищут резцы.

— Знаешь ли, Пьер, что в Париже существует «Лига авиаторов», которая занимается распространением авиаторских знаний и имеет президентом военного министра, депутата нашего округа? Ну, вот я уже побывал в этой Лиге. и там мне сказали, что если нас соберется много, они могут нам открыть отделение в нашем городе. Помогут нам сделать летательный аппарат «планер». Дадут инструкторов, и мы будем устраивать полеты, а потом сдадим экзамен в школе пилотов. Только вот нужно еще людей.

— Двадцать два,—отчетливо раздался обычный пароль парижских мастеровских, предупреждающий об опасности.

Из-за больших декоративных станков показалась тучная фигура токарного мастера «Кики», заик, прозванного так потому, что всякую фразу начинал с «кики». Друзья обменялись резцами и, приняв деловой вид, пустили станки.

У-у-у—выли большие чудовища обдирыные станки, держа в своих зубах-патронах круглые куски стали, которую терзали огромные американские сверла. Жалобно плакали чугунные поршни, охлаждаемые парой автоматических станков. Со двора доносились жужжание испытываемых моторов, кружащихся в облаках зеленоватого дыма.

Мысли Лягвы глубоко затронули Пьера. Он уже давно мечтал о том, каким путем можно «разбогатеть». Подумывал-было обзавестись лавчонкой или с кем-нибудь открыть кабак, но скопленных нескольких сотен оказывается далеко не достаточно, чтобы обзавестись своим делом. Работать же всегда на других,—эта мысль убивала его. Вот авиация, это—единственный возможный для него путь, к счастью. На память ему пришел целый ряд имен простых, как он, механиков, которые нажились на этом деле.

Когда «Кики» обошел ряды скрежещущих станков и, успокоившись, что все на своих местах, вошел в свою будку, Лягва и Пьер уже вновь опустили свои головы в инструментальный шкаф и продолжали прерванную беседу.

— Вот что, Жан, устроим подписной лист желающих быть членами этого общества и подадим в Лигу. Я тебе помогу, но только нужно разрешение «обезьяны» *) для того, чтобы пустить запись по мастерской.

Утром другого дня Лягва решил, прежде чем идти к директору за разрешением, пропустить в заводе запись в члены нового Общества, поговорить с заведующим Балом, который слыл за «хорошего малого» и со всеми старался быть за пашибрата. Во время утреннего обхода мастерской Лягва задержал Бало, прося его содействия в деле организации будущего Общества воздухоплавателей в Аржантейле. Заведующий очень ценил рабочих, которые занимались серьезными, по его мнению, делами, а не политикой или философией, и обещал свое содействие.

В обед Лягва приготовил подписной лист «добровольных воздухоплавателей». К вечеру, когда «обезьяна» прошел в контору, Лягва вытер тряпкой свои масляные руки и зашагал туда же, гремя своими деревянными калошами.

Едва Лягва открыл дверь конторы, как заведующий представил его директору, как инициатора доброго дела.

— Одобряю и поздравляю. Охотно подписываю вам 10⁰ франков,—торжественно сказал директор, возвращая подписной лист Лягве.

Весть об открытии Лягвой нового Общества облетела всю мастерскую. Шутники решили уже «использовать» и, когда узнали, что платить пока ничего не нужно, толпами ходили записываться. В несколько часов Лягва имел уже около 200 членов в кармане,—этого было больше, чем достаточно, чтобы открыть отделение воздухоплавателей в Аржантейле...

Мерия **) маленького городка Аржантейля была разукрашена трехцветными флагами, заборы и столбы были оклеены патристического цвета афишами, извещаю-

*) Обезьяной французики рабочие называют хозяев, директоров и пр. заводскую администрацию.

**) Здание городского управления.

щими жителей о предстоящем торжественном открытии «Общества добровольных воздухоплавателей».

В городе чувствовалось праздничное настроение. Местный любительский оркестр готовился встретить парижских гостей и уже с шести часов утра упражнялся в соседнем кабаке.

Обширный зал мери набивается праздничной публикой. Лягва и Пьер, суетившиеся в зале, были немного смущены отсутствием своих сотен активных членов нового общества. В толпе гостей были лишь почетные члены, а из двухсот активных виднелось едва с полдюжины. Но это недолго смущало их. «В толпе не разберут»,—решили они и готовились к торжеству.

Когда хор города занял председательское место, музыка заиграла «Марсельезу». На трибуне заняли места местный фабрикант моторов, депутат округа и делегации от гимнастических обществ.

— Госпожи и господа, мы присутствуем при великом завоевании человеческим гением великих воздушных пространств,—торжественно начал мер. Далее чередовались «Слава Франции», «Эльзас-Лотарингия», и мер закончил пожеланием успеха и процветания «Обществу добровольных воздухоплавателей города Аржантейля», и да здравствует Республика!

Музыка заиграла марш Самбр и Мез, и под звуки его парижский делегат Лии авиаторов торжественно вручил Лягве синее знамя Общества.

Это было сигналом к уличной процессии. Музыканты поместились за знаменем, и толпа водной двинулась к выходу. После долгих и утомительных переходов по улицам и обильных sprays участников великого торжества, наконец, разошлись.

Утро трудового понедельника было тяжелым днем для Лягвы. Охотно провалялся бы он до обеда в постели, да опасался скомпрометировать «свое дело» в глазах заводской администрации.

С предательски опухшими от неумеренного питья и малого сна глазами явился на завод Пьер, также из боязни перед администрацией за успех дела и чтобы избежать нареканий жены.

— Эх, как тебе в глаза-то надудло,—с притворной серьезностью встретили его путники.—Очки нужно надевать,—советовали другие.

— А когда же полетим?—спрашивали соседи пришедшего Лягву. Но он молчал.

Первое собрание Общества было посвящено избранию должностных лиц. Почетными председателями были избраны депутат и фабрикант, Лягва—секретером, а Пьер—кассиром. Постановили приступить к постройке собственного планера.

Две недели ушло на конструкцию и на постройку собственными средствами планера в три метра ширины и четыре длины.

В ближайший праздничный день назначена была официальная проба,—полет на планере с одной из ближайших гор. Летать с горы не привлекало Лягву, и он предложил испытать полет при помощи автомобиля: привязать планер веревкой к автомобилю, пустить его на третью скорость, километров в шестьдесят и, когда планер поднимется, опустить веревку и лететь,—объяснял он. Идея понравилась всем, но испытания ее возложили на Лягву.

Наступил и торжественный день полета. С первыми лучами солнца Лягва уже был около планера, крепил связи, пробовал руль, садился и маневрировал. Пьер осматривал широкую набережную, отведенную для сегодняшнего испытания. Для разбега был простор около километра длиной, по одной стороне которого проходил бульвар, а другая граничила с тихой, блестящей на солнце Сенной.

Полуденное солнце радостно блестело в еще не проросших лужах и играло переливами на золотых крестах маленькой церкви. Башенные часы пробили два, и их звон долго катился по грымным ущельям, окружающим город.

Стоявший по середине площади планер был окружен тесным кольцом любопытных.

— Тебе везет, Жан, смотри, как тихо, даже листочки не колышутся,—с нескрываемой завистью сказал Пьер.

Прибыл ожидаемый автомобиль. К рессорам его привязали длинную веревку, конец которой Лягва зацепил за планер. Осмотрев еще раз все скрепы, он осторожно сел, поставил руль «в верх»; толпа расступилась.—Трогай,—скомандовал Пьер, и автомобиль, натянув веревку, быстро поворотом его по укатанной набережной, Отъехав сотни две метров, планер быстро поднялся, как бы подхваченный ветром, веревка упала и, сделав полуоборот влево, быстро скользнула в середину Сены. И в один миг скрылись среди снопов брызг авиатор и планер...

Приветствия публики замерли. По середине оyster Сены барахтался Лягва, призывая на помощь. Через несколько минут пилот был привезен на берег; немного позднее туда же причалил и планер.

— С первым крещением,—поздравили его друзья. На это Лягва гордо ответил:

— А все-таки я летал!

А. Шляпников.

Примерный устав клуба Пролеткульта.

I. Цели клуба.

Рабочий клуб объединяет весь творческий труд своих членов в деле выработки пролетарской культуры, содействует общественному, коммунистическому и умственному развитию своих членов, служа для них в то же время местом отдохновения.

II. Деятельность клуба.

Вся деятельность клуба строится на товарищеской работе его членов согласно принципам Всероссийской Конференции Пролеткульта.

Клуб организует: а) курсы и семинарии для изучения различных областей науки и отдельных научных вопросов; б) студии: литературную, хоровую, музыкальную, драматическую, изобразительных искусств, научную и другие; в) спектакли, концерты, со смешанной программой вечера, лекции, беседы с обзором событий за неделю, экскурсии и т. п.; г) библиотеку-читальню, с витриной особенно ценных книг, программ чтения по определенным вопросам, газетных вырезок по вопросам культурной, политической и экономической жизни пролетариата, названий вышедших книг и журналов и пр.; д) справочное бюро по вопросам партийным, культурно-просветительным, профессионально-производительным и кооперативным с расписанием всех работ клубных учреждений; е) гимнастический зал физической культуры; ж) буфет и столовую.

III. Состав клуба, права и обязанности членов его.

1) Членами клуба могут быть рабочие обоого пола, достигшие 16 лет, состоящие членами рабочих организаций и рекомендованные двумя членами клуба или соответствующими организациями, аккуратно платящие членский взнос.

Примечание. Членами клуба нерабочие могут быть лишь в том случае, если они являются активными работниками среди рабочего класса и тесно связаны с последним, по решению правления.

2) Все члены клуба в той или иной степени должны принимать активное участие в творческой работе клуба.

3) Размер членского взноса устанавливается общим собранием членов клуба.

4) Выход членов из состава клуба совершается: а) в случае их письменного о том заявления; б) в случае совершения ими каких-либо противообщественных поступков и действий, идущих в разрез с общим направлением клуба; в) в случае неуплаты в течение установленного срока очередного членского взноса.

5) Вопрос об исключении членов решает собрание клуба большинством голосов в $\frac{2}{3}$. Правлению предоставляется право прекращения доступа в клуб подобных членов, впредь до разрешения общего собрания, на которое указанные члены приглашаются для объяснений.

Примечание 1. Члены семейств рабочих-членов клуба, не достигшие 16-летнего возраста, допускаются в клуб только с ведома правления.

Примечание 2. Гости допускаются лишь на открытые вечера, концерты и т. п.

IV. Средства клуба.

Средства клуба состояются из: а) членских взносов и отчислений рабочих организаций, участвующих в клубе; б) платы, взимаемой с гостей; в) дохода от устраиваемых лекций, концертов, спектаклей, вечеров, а также г) из ссуд, получаемых от местного Пролеткульта.

Примечание. Средства клуба свыше необходимых для текущей работы сумм хранятся в кредитном учреждении и выдаются за подписью председателя и секретаря.

V. Управление делами.

1) Управление делами принадлежит: а) общему собранию и б) правлению.

2) Общему собранию членов клуба принадлежит право решения всех принципиальных и организационных вопросов, возникающих в деятельности клуба, выбор членов правления, ревизионной комиссии и кандидатов к ним, выработка инструкций для правления секций, исключение членов клуба. Общее собрание утверждает полугодовые отчеты правления клуба в идейном отношении и организационно-финансовом. Отчеты эти посылаются в местный Пролеткульт для учета всей культурно-просветительной работы.

3) Общие собрания клуба бывают очередные и чрезвычайные. Собрание считается законным при наличии $\frac{1}{2}$ числа членов клуба.

Если за неприбытием надлежащего числа членов общее собрание не состоится, то в ближайший срок (не менее трехдневного) вторично созывается общее собрание, которое считается законным при всяком числе собравшихся.

В порядок дня вторичного общего собрания вносятся только те вопросы, которые были указаны в повестке несостоявшегося общего собрания.

4) Очередные общие собрания созываются через каждые 3 месяца.

5) Чрезвычайные общие собрания созываются: а) по постановлению правления клуба, б) по требованию ревизионной комиссии, в) по письменному заявлению в правление не менее $\frac{1}{10}$ числа членов клуба и г) по предложению местного Пролеткульта.

6) Правление клуба сроком на 6 месяцев составляется: а) из представителей культурно-просветительных ячеек фабрично-заводских предприятий, расположенных в районе клуба и непосредственно заинтересованных в развитии его работы; б) лиц, избираемых общим собранием членов клуба, и в) представителей местного Пролеткульта, а там, где невозможно осуществить это представительство, правление избирается из членов собрания клуба.

Примечание. Число членов правления, избираемых общим собранием, определяется последним.

7) Правление избирает из своей среды президиум: председателя, секретаря и казначея.

8) Заседания правления происходят не менее одного раза в неделю в помещении клуба.

9) Правление организует работу согласно разделу II.

10) Для управления всем хозяйством клуба и его предприятий правление организует хозяйственную, финансовую и др. комиссии.

11) На обязанности правления лежит ведение книг клуба, созывы общих собраний и сношение по делам клуба со всеми лицами и учреждениями.

Примечание. Правление устанавливает обязательное дежурство членов правления в часы открытия клуба.

12) Все вопросы правление решает простым большинством голосов. Собрания правления действительны при наличии $\frac{1}{2}$ числа членов правления.

13) Для закрытия клуба необходима санкция местного Пролеткульта, которому принадлежит контроль над всей работой клуба во всех ее частях.

VI. Отчетность и контроль.

1) Правление обязано вести кассовую книгу, инвентарную, приходно-расходную, членскую книгу, книгу членских взносов, книгу заявления и записи гостей и др.

Остальные книги ведутся по постановлению правления.

2) Для контроля общим собранием избирается Ревизионная Комиссия на 6 месяцев, в числе трех членов и трех кандидатов к ним.

Секции.

1) Правление секции ведаёт организацией всего дела в своей области, организует студии, кружки, руководит и управляет их работой, заботится доставкой всего необходимого для правильного течения их работ.

2) Правление секции состоит: а) из представителей правления клуба, б) представителей студии, кружков (по одному от студии или кружка, если их немного) и в) представителей инструкторов-преподавателей.

Студии клуба.

I. Цель студии.

Студия имеет своей целью дать членам клуба и членам их семейств, не достигшим 16-летнего возраста, возможность работать в области строительства пролетарской культуры: а) изучить культуру, которая досталась пролетариату в наследие от предыдущих поколений; б) производить всякие опыты в области творчества новой культуры путем искания методов, соответствующих новому содержанию. Для выполнения указанной задачи студии, работающие каждая в отдельности в своей специальной области, соединяются вместе для изучения предметов общих для всех студий, без знания которых не могут продуктивно пойти работы в области строительства новой культуры (см. приложение № 1).

II. Правление студии.

Правление студии состоит из: а) представителей соответствующей секции, б) представителя учеников студии (старосты студии) и в) представителей инструкторов-преподавателей студии.

1) Правление студии следит за правильностью занятий студии, сносится с правлением секции и клуба, устанавливает совместно с членами студии внутренний распорядок, ведает приемом новых членов, ведет записи, заполняет опросные листы, еженедельные ведомости и т. п.

2) Членами студии могут быть члены клуба и члены их семейств, не достигшие 16-летнего возраста.

3) Прием членов производится на следующих основаниях: а) желающие поступить в студию заполняют особый анкетный лист (см. приложение № 3); б) правление студии заносит кандидатов в особые списки; в) эти списки направляются в испытательную комиссию, которая и объявляет день конкурса; г) выдержавшие

конкурс записываются в члены студии; д) до конкурса члены клуба, желающие заниматься в студии, могут посещать занятия в качестве вольнослушателей.

4) Конкурсный прием во все студии производится в определенное время, заранее объявляемое правлением клуба, ком и избирается испытательная комиссия по соглашению с соответствующими секциями.

5) Конкурс состоит в прочтении поступающими стихотворения, басни или в выполнении определенных сценических задач, исполнения музыкально-вокального отрывка, демонстрации собственного произведения (литература, живопись, скульптура и т. п.).

6) При составлении списков принимаемых следить за выполнением устава поручается правлению секции.

Списки составляются согласно опросному листу (см. приложение № 3).

7) Все студийцы делятся по степени своей подготовленности на старшую и младшую группы.

Наиболее талантливые студийцы старших групп выделяются в центральные студии местного Пролеткульта.

8) Число членов каждой студии устанавливается правлением секции.

9) Обучение в студиях бесплатное.

III. Обязанности работающих в студиях клуба Пролеткульта.

1) Все члены студии обязаны выполнять постановления клуба Пролеткульта, секции и правила внутреннего распорядка, установленные каждой студией самостоятельно применительно к местным условиям и утвержденные правлением секции.

2) Все члены студии обязаны: а) присутствовать на всех занятиях студии, репетициях, б) поддерживать дисциплину и порядок.

Примечание 1. В случае отсутствия необходимо каждый раз особое уведомление с изложением причин.

Примечание 2. Отсутствующие заносятся в протокол занятий с указанием причин их отсутствия.

Примечание 3. Троекратное отсутствие без предварительного извещения влечет за собой исключение из студии, и пропустивший занятия может быть принят обратно только по постановлению общего собрания студии.

Примечание 4. Многократные опаздывания влекут за собой исключение из числа членов студии по постановлению общего собрания студии.

3) Все члены студии, нарушающие устав и правила внутреннего распорядка, как мешающие плодотворной работе, исключаются из студии общим собранием студии.

Примечание. Исключенный имеет право апеллировать к правлению клуба или общему собранию членов клуба.

4) Для учета занятий и посещаемости студии ведется еженедельная ведомость представляемая в правление секции (см. приложение № 2).

К р у ж к и.

1) Кружки организуются: а) для лиц, которые по тем или иным причинам не могут серьезно работать в студии, и б) для лиц в целях серьезного занятия в области, специальность которой не может привлечь большего количества членов.

2) Посещение курса лекций, общего для всех студий, обязательно и для членов кружков.

Устав утвержден Вторым Съездом Всероссийского Совета Пролеткульта на заседании 4 мая 1919 года.

Приложение № 1.

Обязательный курс лекций для всех студий клуба.

1. Происхождение мира, возникновение жизни, развитие растений, животных и человека.
 2. Политическая экономия в связи с историей культуры.
 3. История социализма.
 4. Рабочее движение (политическое, профессиональное, кооперативное, пролеткультовское).
 5. Конституция советской республики в связи с мировой социалистической революцией.
 6. История и программа Российской Коммунистической Партии.
 7. История литературы (русская и западно-европейская; характеристики эпох и течений).
 8. История искусств (живопись, скульптура, театр и музыка; характеристика эпох и течений).
- Все лекции читаются с точки зрения пролетарской культуры в духе революционного марксизма.

Приложение № 3.

Опросный лист студийца.

Студия

1. Фамилия
2. Имя и отчество
3. Возраст
4. Происхождение (занятие родителей)
5. Какую школу окончил
6. Профессия
7. Род занятий до революции
8. Какую работу выполняет в данный момент
9. Адрес предприятия
10. В каком профессиональном союзе состоите (№ членской книжки)
11. Когда свободен от работы
12. Чем желает заниматься
13. Отношение к воинской повинности
14. Семейное положение (женат, холост, есть ли дети).
15. Состоит ли членом партии (какой, № членской книжки)
16. Время поступления в студию
17. Адрес

Инструктор студии
Староста

Приложение № 4.

Опросный лист инструктора-преподавателя студии.

1. Фамилия, имя и отчество
2. Возраст
3. Профессия
4. Какое имеет образование
5. Какую работу вел раньше
6. Какую работу ведет в данное время
7. Какой предмет хочет преподавать
8. Кто рекомендует
9. Состоит ли в професс. союзе (каком)
10. Занимается ли в рабочих организациях (каких, сколько времени)
11. Отношение к воинской повинности
12. Адрес

Подпись.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ВЕДОМОСТЬ

Приложение № 2.

№ 7-8

ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА.

67

Группа сессия клуба Пролеткульты. Студия
 Число членов с дня месяца 19... г.

Имя, отчество и фамилия заведующего (инструктора) студии общее число всех слушателей студии

Число.	Д и И.	Предмет занятий.	Фамилия преподавателя.	Время начала занятий.	Время окончания занятий.	Число присутствующих.	Число отсутствующих и причина непосещения.	Над чем работали во время урока.	ПРИМЕЧАНИЕ. Возникшие вопросы, причины неудач, успехи и т. п.
	Воскресенье								
	Понедельн.								
	Вторник.								
	Среда.								
	Четверг.								
	Пятница.								
	Суббота.								

Инструктор студии

Старосты

Примечание: Ведомость по истечении недели должна быть представлена в сессию и правление клуба (за подписью инструкторов и старост студии).

Хроника Пролеткульта.

В провинции.

Когда просматриваешь провинциальные газеты с отчетами о клубной жизни на местах, невольно бросается в глаза одно явление, которое нельзя не признать типичным. Вот в Орше товарищи в Рабочем Доме имени Маркса, накануне Рождества, еле-еле проникли во внутрь его, и перед их изумленными глазами прошли картины одна другой страннее: рабочий дом превратили не только в кабак, но и в нечто худшее. В Ярославле вместо клуба получилась харчевня. То же самое и в Петровском клубе; ему дали имя тов. Ленина, и он должен иметь такие светлые и высокие цели, как сближение рабочих, пробуждение в них интереса и любви к искусству, а там устраивается что-то в роде союзов свободной любви и лжи. Вместо разумной работы даются танцульки (в Тихвине предупредительно сообщают, что вследствие осадного положения начало оной будет в другом месте), а чтобы побольше попицать, пьесы сознательно сокращаются так, что их и не узнаешь. В Народном Советском театре воскресают старые публичные балы-маскарады, с премиями за костюмы и танцы (ордер на танцпол и деньги на них), при чем в советской прессе идет полемика, правильно ли произошло присуждение премий или нет. В Козлове профессиональные союзы устраивают балы с роскошным буфетом. Танцы, танцы, так и нестрайт отчеты, при чем в Чебоксарах, в клубе Володарского, на этой почве происходит своеобразное соревнование между местными танцорами и приезжими штерцами из заготовительных продотрядов, так как только последние умеют танцовать здесь изобретенный танец «Каранет, мой Каранет».

Эти картины можно бы продлить до бесконечности.—они типичны, и в причинах их надо разобраться. Вот в освобожденном от белых Ижевске сейчас же создается клуб, и задачи его определяются так: «Лозунг настоящего момента: труд, дисциплина, порядок и строгая планомерная организованность. Для того же, чтобы среди нас не было разногласий и трений, а была единая воля, единое стремление, нам нужно возможно чаще, ежедневно обмениваться мнениями по всем вопросам, выдвигаемым жизнью на повестку дня... Наши клубы (а именно они—место встреч) должны быть двигателями революционной мысли». И подобные взгляды постоянно повторяются при начале клубного строительства. Клуб в Богородицке считают партийной школой, а клуб студентов рабочего университета в Кузнецке должен быть лабораторией самостоятельных работ кружков студентов. В Сердобске красноармеец жаждет, что при открытии клуба обещали дать многое, а оказалось, «что клуб—подлинное зеркало жизни, да только с обратной стороны; красноармейцы же жаждут просвещения и, в безнадежности получить его, бродят по улицам города, как ошалелые». В Балашове рабочие стремятся в клуб, но группы товарищей рабо-

чих толпятся у дверей пустого зала, не решаясь войти туда, ибо там интеллигенты и начальство. И выходит, что часто в рабочем клубе рабочих-то и не бывает. Они больше у окошечка или у дверей постоят, постоят да и уйдут. «В Витебске рабочие и красноармейцы жалуются, что барышни не хотят с ними танцевать,—выходит своего рода классовая борьба». Да так оно и есть. Ибо беда в том, как пишут из Витебска, что в клуб проникла мелкая буржуазия и принесла на своих сапогах и туфлях свою обывательскую грязь... И тем более грустно, что на клубах обычно красуются многообещающие вывески. Вот в этом захламлении рабочего культурного строительства обывательщины и кроется причина всех неудач и того бытового явления, с описанием которого мы начали нашу хроникку. Отсюда еще больше подчеркивается необходимость самостоятельности и классовой чистоты состава рабочих клубов. Только тогда возможно будет и организованное воздействие пролетариата на уродливое явление, что случилось в Балашове, где после этих разоблачений была изменена структура клуба. Иначе под флагом рабочего клуба будет всюду собираться интеллигенция, о чем мы постоянно встречаем жалобы. Вот в этом классовом составе клубистов, по нашему мнению, и причина клубных неудач.

Вернемся, однако, к клубной жизни. В ней мы замечаем борьбу двух стремлений. В которых борются старый и новый мир. В том же Витебске, вопреки танцорам, удастся, и весьма успешно, устраивать газетные дни с обзором событий за неделю. Интересное исследование было произведено во Ржеве относительно неудач с лекциями. Там, на фабрике Лютова, после ряда лекций рабочие потребовали от фабрично-заводского комитета прекращения их; комитет настоял на их продолжении, тогда рабочие бросили посещать их. Это объясняется тем, что на данной фабрике было 25% неграмотных. На неудачный состав лекторов, на их неумение излагать популярно предметы жалуются и в Велиже. В тамошнем университете еще одна беда: на лекции хлынула улица, и во время чтения лекций устраивается даже летучая почта. Наполеон, часто название не соответствует тому, что дается. Надо подготовить слушателя к слушанию лекций, надо показать как и что надо делать, а уже потом ставить широкие планы. Поэтому в Саратов и Вятке правильно начинают с постановки ряда бесед, всесторонне освещающих задачи пролетарской культуры, при чем вопрос должен браться в конкретную обстановку, а не отвлеченно. Московский Пролетарский университет начал-было свои занятия, но теперь его студенты, под руководством членов Центр. Ком. Рос. Комм. Партии, проводят мобилизацию на местах, так как необходимо было провести правило активного участия студенчества в строительстве новой жизни.

Переходим к студийной работе. Студию определяют обычно так: «Студия должна быть творческим коллективом, где руководитель

должен быть равноправным товарищем, но с большими техническими познаниями, которые он и отдает студии. Больше всего студий театральных; в них намечаются две линии. Одна заключается в кропотливой учебе, копирующей рабски формы старых театральных школ, а другая стремится возможно скорее всю работу студии сделать общественным достоянием,—отсюда стремление давать спектакли. Иваново-Вознесенцы считают очередной задачей полную реорганизацию театра с целью уничтожения пассивности зрителя и широкого применения любительства. В Твери элементы нового театра видят в следующем: радость, бодрость, знание и творческое начало. Там же мечтают о том, что пора положить конец соглашательству в театральном деле. В Твери нужен свой театральный октябрь. Театр—барометр искусства, поэтому понятия поиски в создании нового репертуара. В Сызрани пошатались поставить пьесу «Мученики коммуны», но, судя по газетным отзывам, она потерпела крах: подбор митинговых фраз, ложный энтузиазм, неудачная сцена расстрела коммунаров,—действительного облика великих гордых борцов, умиривших со светлой надеждой в окончателное торжество коммунизма, не получилось. Отсюда понятны попытки прибегать к конкурсу (пьеса должна быть близка и понятна массам, должна проповедывать социализм и братство народов). Мы считаем очень ценными поездки по фронту со своими пьесами,—поездки, которые предприняли петроградский и саратовский Пролеткульты и предполагает предпринять московский. Тульский пока ограничился поездкой по линии Курской дороги. Наибольшее публицистичности во всей работе сказали бы мы.

Меньше указаний мы встречаем на музыкальную работу. Отметим музыкальные издания тамбовского Пролеткульту, выпустившего сборник пролетарских песен. Последние имеют налет церковного характера. В настоящее время готовится новый сборник уже чисто революционно-пролетарский. В Балахове отмечается «симпатичное» явление: на концертах аплодисменты отменены и настроены товарищеское, при чем полная тишина. Этому примеру не мешало последовать и столицам.

В силу ряда причин (отсутствия помещения, топлива и др.), распалась смоленская студия изобразительных искусств. Тверской Пролеткульт объявил конкурс на эмблему (она должна выражать: инициативу, творчество, силу, понимание идей, стоящих перед пролетариатом, как господствующим классом). Как это ни странно, но до сих пор ни один Пролеткульт своим коллективным творчеством не вырабатал еще ни знамени, ни эмблемы, ни марша. Вообще изобразительному искусству как-то не удается вылить душу нашей революции,—всегда выходит футуристическая гримаса.

Интересные данные мы узнаем про саратовскую Литературную студию, во главу угла которой положена самокритика и редакционная работа.

Ст. Кривцов.

Пролеткульты.

Петроградский губернский. В губернии: Колпинский.

Московский губернский. Московский городской. В губернии: Клинский, Дмитровский, Раменский, Лосиноостровский, Михневский, Малаховский, Щелковский, Сергиевский, Старогоринский.

Тамбовский губернский. В губернии: Мукашский, Кирсановский, Борисоглебский.

Тульский губернский. В губернии: Белевский, Одолевский, Крапивинский, Епифанский, Новосильский, Ефремовский, Кашировский, Алексинский, Веневский, Богородицкий.

Тверской губернский. В губернии: Осташковский, Ново-Торжский, Вышне-Волоцкий, Ржевский.

Иваново-Вознесенский городской. В губернии: Ново-Галичский.

Саратовский губернский. В губернии: Хвалынский, Кузнецкий, Вольский, Балаховский, Турковский, Сердобский, Александровский, Камышинский, Петровский.

Самарский городской.

Пензенский губернский. В губернии: Саранский.

Смоленский городской. В губернии: Вяземский, Юхновский, Сычевский.

Екатеринославский городской.

Николаевский городской (Херсонской губернии).

Одесский городской.

Ярославский городской. В губернии: Рыбинский, Мологский, Мышкинский, Даниловский.

Казанский городской.

В Костромской губернии: Кологривский,

Парфеньевский, Кинешемский.

Рязанский городской.

Курский городской.

Нижегородский городской.

Астраханский городской. В губернии: Николаевский, Паревский.

Могилевский городской.

Симбирский городской. В губернии: Сентилевский, Сызранский.

Вятский городской. В губернии: Полоцкий.

Черниговский городской. В губернии: Мглинский.

Орловский городской. В губернии: Елецкий, Ливенский, Севский, Бжужский.

Полтавский городской. В губернии: Кременчугский.

Киевский городской.

Вокруг Пролеткультов к маю месяцу объединилось около 800 профессиональных союзов.

Журналы Пролеткультов.

«Пролетарская Культура». Орган Всероссийского Совета Пролеткульту.

«Грядущее». Орган Петроградского Пролеткульту.

«Горь». Орган Московского Пролеткульту.

«Гудок». Издание Литературной Студии Московского Пролеткульту.

«Грядущая Культура». Орган Тамбовского Пролеткульту.

«Зарево Заводов». Орган Самарского Пролеткульту.

«Мир и Человек». Орган Колпинского Пролеткульта.

«Бестии Пролетарской Культуры». Орган Тверского Пролеткульта.

«Жизнь Искусства». Издание Кологривского Дворца Пролетарской Культуры.

«Наш Дорн». Орган Бежицкого Пролеткульта, Орловской губернии.

«Красное Утро». Орган Орловского Пролеткульта.

«Пролетарская Культура». Орган Одесского Пролеткульта.

«Творчество Труда». Орган Николаевского Пролеткульта.

«Пролетарское Творчество». Орган Екатеринбургского Пролеткульта.

«Труд и Творчество». Орган Смоленского Пролеткульта.

Инструкторские курсы Московского Пролеткульта.

Строительство пролетарской культуры начинается приобретать все больший и больший размах. Идея становится все более популярной в широких массах пролетариата и даже в слоях населения, только близко примыкающих к пролетариату. Особенно привлекает товарищей реальная возможность творчески работать без притеснения всевозможных лиц, занимающихся «строительством» чуждой им пролетарской жизни. Но это стихийное движение имеет и свои недостатки и опасности.

Большевизм, начиная с тов. Н. Ленина, всегда указывал, что на одной стихии далеко не уедешь, в лучшем случае доберешься до плоского экономизма английских тред-юнионов, и что необходимо внести сознательность во всякое стихийное движение. Эту сознательность дает критическая переработка старой буржуазной науки, и примером такого пролетарского перерождения науки прошлого может служить «Капитал» К. Маркса и дальнейшие работы его учеников. Начатки нового закладывались давно, и наше движение стремится подытожить эти достижения прошлого и на основании их наметить пути грядущей работы.

Вот в этом-то отношении необычайная ширина нового движения, культурно-просветительного, не может, конечно, не отразиться на его глубине и ясности сознательности. Не секрет, что много товарищей, ныне рьяно выступающих под знаменем Пролеткульта, несут теоретическую неясность, чем только мешают развитию движения, а не помогают ему. Прежде чем начать культурно-творческую работу, каждый работник должен продумать основы этого движения, даже больше того,—глубоко прочувствовать, быть может, даже проработать его. Выступая под нашим красным знаменем, каждый работник обязан ясно разбираться в наших вопросах. Только при достаточной ясности и отчетливости в понимании задач у руководителей движения не будет тяжелых ошибок.

Но как помочь этому делу, чтобы одновременно не страдало и оно само? И здесь старый опыт большевизма будет нашим путеводным маяком. Подобно тому, как в свое время

т. Ленин в своей работе «Что делать?» блестяще разрешил задачу организации революционной социал-демократии путем создания централизованной партии из профессионалов-революционеров, так и мы на первое время нашего формирования, нашего роста идейного и организационного, должны пойти по аналогичному пути. Не расширение нашего движения, а его углубление и теоретическое оформление—вот задача наших дней.

Поэтому мы должны дать работникам Пролеткульта возможность разобраться самостоятельно во всех вопросах нашей работы и тем создать широкую возможность углубленной постановки нашей работы. А то ведь на словах все являются сторонниками пролетарской культуры, а на деле—плетутся в хвосте, филантропического культуртрегерства старого времени, повторяя все его «преlestи». Нам надо создать кадр идейных руководителей пролеткультовской работы. Здесь опыт старой партийной организации нам придет на помощь. Наши подпольные кружки в свое время создали целые кадры руководителей трех наших революций 1905 и 1917 гг., так и мы должны по нашим пролетарским методам создать инструкторов-руководителей новой формы рабочего движения. При этом надо иметь в виду, что наше движение может рассчитывать на успех только в том случае, если оно всецело будет находиться в руках самих рабочих. Специалисты могут принести строго определенную долю пользы, и вот почему. Пролеткультовское движение заключается в наиболее интимных сторон чувств и дум рабочих, а специалист смотрит обычно только со своей полочки. И еще один крупный недостаток у теперешних специалистов—интеллигентов. Большинство из них совершенно не имело нелегальной практики работы среди рабочих, что дало бы им до известной степени возможность понимать эти чувства и мысли, а пришли они к нам от других берегов и часто только портят чувства новых творцов, внося в них разложение и рефлексию. Вот почему кадры инструкторов должны вербоваться исключительно из самих рабочих.

Как же должны строиться наши курсы? В их организации и в их программе нам надо избежать наследия культуртрегерства и свободно наметить свои задачи. Мы говорим, что творящиеся на наших глазах культура восстановит связь науки и искусства с жизнью,—так и программа занятий для выяснения наших задач должна быть проникнута этой сущностью. Дело не в том, чтобы были практические занятия, а в том, в какой связи они находятся со всей работой. Говоря вообще, самой первой задачей является разбор сущности культуры и, в частности, классовой, пролетарской. И первый же подход к этому вопросу должен вырешить вопрос: стоим ли мы на старой почве или же действительно отрядили ветхого Адама. Мы подойдем к выяснению этого и притом выяснению не единоличному, а коллективному, путем постановки вопроса жизненно-организационного. Мы будем исходить из привычной практики и, постепенно обобщая эту обыденность, подойдем к разрешению этого вопроса. Вот почему одни из главнейших предметов кур-

сов будет курс, посвященный элементам пролетарской культуры в связи с историей пролетарского движения и принципам строительства социалистической культуры. Курс предполагает читать т. А. Богданов. Параллельно с ним будущие руководители будут знакомиться, в исторической последовательности, с формами строительства культуры прошлого (лекторы гг. Арватов, А. Удальцов и Е. Херсонская). Все эти занятия должны носить все время активный, творческий характер, сопровождались беседами, личными наблюдениями и, в дальнейшем, писанием самостоятельных небольших докладов. Успешные способы (методы) культурного творчества, слушатели легко усвоят и организационные формы Пролеткульта, его идейную роль и значение среди других чисто пролетарских и советских учреждений, ведущих культурно-просветительную работу, а равно характер и методы работы пролеткультовских отделов, студий и учреждений (лектор т. П. Лебедев-Полянский). Но нашу работу мы мыслим не в узком, местном масштабе, а в международном, почему необходимо установить взгляд на мировую революцию, советскую власть и основы советской конституции (т. С. Кривцов). Эти лекции будут являться обобщением занятий вопросами практического строительства.

Вопросы строительства будут носить творчески-практический характер, и когда мы будем разбирать вопросы строительства, например, клубов, мы должны будем сейчас же провести его в реальную жизнь, быть может, только в небольших рамках, но вполне реальных. А то опыт показывает, что чисто забораторные занятия не приносят нужной пользы. Практические вопросы, естественно, делаются по схеме организации отделов Пролеткульта (т. А. Додонов), и так как мы выдвигаем студийный метод работы, то применительно к такой постановке мы и ведем занятия (театральная студия—гг. В. Керженцев, Смышляев, Петров, студия изобразительных искусств—т. Иванов, студия музыкально-вокальная—гг. В. Красин и Рославцев, литературная—гг. В. Плетнев и Шварц). Клубы мы мыслим, как объединение этих творческих начинаний, как дворцы пролетарской культуры, почему их строительство будет выделено особо, как важнейшая организационная форма нашего движения (гг. А. Додонов и С. Кривцов). Остро стоит теперь вопрос о типе наших газет, журналов и изданий, почему этому вопросу будет отведено значительное место с выделением означенной с технической издательства (гг. В. Плетнев, С. Кривцов и Шварц). Об организации пролетарской библиотеки будет читать тов. С. Кривцов. С методикой чтения лекций, курсов и циклов познакомит т. Арватов, к этому вопросу, естественно, применит и организация кружковой работы (т. Кривцов). Репертуар копиров, вечером даст т. Херсонская, она же познакомит с техникой устройства и ведения общих и комиссионных собраний, конференций, митингов и т. п. Постановку физической культуры даст врач Демидов, а технику экскурсий—т. Арватов.

Мы полагаем, что наши слушатели, в продолжение 3 месяцев проработав на реальной

практике весь этот материал, вернутся на места обогащенные новым мироотношением и смогут ставить работу на подлинно пролетарские рельсы, ведущие к светлому царству коммунизма. Только при таком рабочем управлении делом культурного строительства не будут возможны те конфузы, которые выхоят теперь для советской России от засилья господ футуристов, типических представителей умирающей, обескровленной буржуазии.

Московский Пролеткульт, ставя эти курсы при содействии Центрального Пролеткульта, хорошо понимает всю серьезность принятой им на себя задачи, от исхода которой будет многое зависеть в ближайшей практике нашего строительства. Мы, да и другие Пролеткульты, остро испытываем недостаток в умелых руководителях-инструкторах из среды самого рабочего класса. Поэтому правом делегирования на курсы пользуются рабочие представители рабочих классовых организаций Москвы и Московской губ. и Пролеткульты ближайших губерний. Курсы бесплатные, но содержание курсантов должны взять на себя делегирующие их организации. Возможно, что провинциалам будет предоставлено помещение для жилья. Занятия будут идти и утром и вечером, примерно по 6 часов ежедневно, из которых половина будет приходиться на лекции-беседы и половина—на практические работы. Занятия предложено начать с 1-го мая. Все справки можно получать в Московском Пролеткульте, в его клубном отделе (Воздвиженка, 16, комната 2, тел. 57-40).

Мы надеемся, что в случае удачи курсов, наша работа по строительству Пролеткультов станет на более твердые ноги. Курсы рассчитаны на 100 курсантов-делегатов и на 50 представителей Красной армии.

В свое время мы поделимся с нашими читателями результатами работ на этих курсах.

Ст. Кривцов.

Конференция.

1. В течение пяти дней с 20-го по 25-е марта происходила Вторая Конференция Московского Городского Пролеткульта. На ней присутствовало 447 человек: 212—с решающим голосом, 85—с совещательным и 150—в качестве гостей. В выборах делегатов участвовало 193 фабрично-заводских предприятия города, и сама конференция состояла целиком из рабочих. По партийной принадлежности делегатов конференция была также весьма показательна: 55% было коммунистов, 30% сочувствующих им и 15% беспартийных.

В порядке дня стояли вопросы: 1) отчет о деятельности Московского Пролеткульта (докл. В. Файдыш),—2) объем и характер работ Пролеткульта (докл. П. П. Лебедев-Полянский),—организация пролетарской науки (докл. А. Богданов),—о профессионализме (докл. В. Плетнев),—Пролетарский театр (докл. В. Керженцев) и др. Работали секции: клубная, литературно-издательская, театральная, музыкальная, изобразительных искусств и юношеская.

Прения разгорелись, главным образом, вокруг двух докладов: о деятельности Московского Пролеткульта и об объеме и характере работ Пролеткульта. Представители Московского Отдела Народного Образования отделили внимание конференции от основных положений этих докладов и свели дискуссию к бесконечным препирательствам о том, должен ли существовать Пролеткульт как самостоятельная организация, или же он должен слиться с Отделом Народного Образования. Последний вопрос был внесен в порядок дня конференции, как часть доклада об объеме и характере работ Пролеткульта, благодаря чему докладчику не удалось полностью развернуть положения своего доклада, а прения свелись исключительно к вопросу о самостоятельности Пролеткульта. В результате прений были предложены две резолюции: одна—за слияние Пролеткульта с Отделом Народного Образования, предложенная представителями последнего; другая—за самостоятельное существование Пролеткульта, предложенная докладчиком тов. П. Лебедевым-Полянским. Большинство 72 против 37 была принята резолюция докладчика, имеющая большое принципиальное значение. Мы приведем эту резолюцию целиком:

«Вторая Конференция Московского Пролеткульта, заслушав доклад об объеме и характере работ Пролеткульта, находит:

1) В дальнейшей деятельности должно быть сосредоточено внимание не столько на расширении работы, сколько на ее **идейном углублении**.

2) В целях планомерного и строго организованного вовлечения широких пролетарских масс в культурно-творческую работу, Пролеткульт входит в тесный контакт с профессиональными организациями, второй след которых, приветствуя работу по строительству пролетарской культуры, призывает пролетариат к организационной работе в новой форме рабочего движения, в лице Пролеткультов, с рабочими кооперативами и другими пролетарскими организациями, разделяющими принципы пролетарской культуры.

3) Строго различая **классовую** работу культурно-творческую от чисто просветительной в общегосударственном масштабе, Пролеткульт стремится оказывать свое идейное влияние и на эту работу, но в целях избежания параллелизма входит в определенный контакт с ее организацией в духе решения Всероссийского Совета Пролеткульта».

Этой резолюцией московский пролетариат ясно выразил свою волю по вопросу о Пролеткульте, и представители Московского Отдела Народного Образования настолько огорчились ею, что дальнейшие заседания конференции они уже не посещали; и было странно констатировать их отсутствие, как будто бы вопрос о культурно-просветительной работе интересен только в одной своей части: быть или не быть Московскому Пролеткульту.

Другие вопросы прошли без всяких трений. В резолюции по вопросу об организации пролетарской науки конференция подчеркнула необходимость самой тесной связи между местными культурно-просветительными организациями и Пролетарским университетом, **с широким взаимным их ознакомлением**

и взаимным участием в работах. Образовательные кружки и студии Пролеткульта должны быть подготовительной ступенью к Пролетарскому университету.

Доклад о Пролетарском театре носил практический характер и вызвал живой отклик среди членов конференции. В детально разработанной резолюции конференции указывалось, что Пролетарский театр охватывает все виды театральных представлений, в том числе игры, народные празднества, уличные шествия и т. п., поэтому Пролеткульт должен готовить своих учеников «к **всеобъемлющему театру массового действия**». В Пролетарском театре необходимо объединить все виды искусства: литературное, музыкальное и живописное. Творчество должно быть проникнуто духом коллективизма. Подчеркнув отсутствие нового пролетарского-революционного репертуара, конференция предлагает временно пользоваться старыми пьесами, более соответствующими нашему времени, по возможности перерабатывая их под своим углом зрения. Одновременно резолюция обратила внимание Наркомпроса на необходимость широкого обучения в школе театральному элементу: драматизации, пластике, декламации, гимнастике и т. д., а также и организации школьных празднеств.

По вопросу о профессионализме какой-либо принципиальной окончательной резолюции не было вынесено. Вопрос был признан дискуссионным, при чем конференция выразила желание, чтоб Центральный Комитет Пролеткульта эту дискуссию открыл на страницах «Пролетарской Культуры», что мы и выполняем в этом номере, привлекая к участию в дискуссии товарищей из провинции.

Из секционных резолюций следует отметить резолюцию по клубному вопросу. В ней указывается, как основной принцип, то, что рабочий клуб должен быть школой общечеловечности и сосредоточением культурного творчества рабочего класса. «Клубное строительство» должно основываться на территориальном, а не профессиональном принципе (фабр.-зав. клуб, районный клуб и т. д.).

После конференции состоялся показательный вечер Московского Пролеткульта. Прошел он с большим успехом. На вечере присутствовали делегаты 3-го Коммунистического Интернационала, гг. Ф. Платтен, Г. Гильбо, Альберт и др.

Конференция не успокоила представителей Московского Отдела Народного Образования, и вопрос о существовании Московского Пролеткульта был внесен ими в Городской Совет. В Совете высказались за слияние Пролеткульта с Отделом. Вопрос перешел в Московский Комитет Российской Коммунистической Партии, который, в лице своей Исполнительной Комиссии, единогласно и в полном согласии с Конференцией Пролеткульта, принял 15-го апреля следующую резолюцию:

«Полагая, что существование Пролеткульта, как культурной творческой пролетарской организации, полезно и необходимо, Исполнительная Комиссия Московского Комитета считает в данный момент **нецелесообразным** сливать Пролеткульт с Внешкольным Отделом Народного Образования.

В то же время Исполнительная Комиссия полагает: 1) что должно быть проведено **точное разграничение** сфер деятельности Пролеткульта и Внешкольного Отдела; 2) что между обеими организациями должна быть установлена **связь**; 3) что Московский Комитет в свою очередь должен возможно **теснее** связаться с Пролеткультом.

II. В то время, как представители **Городского Отдела Народного Образования** строили планы об уничтожении Городского Пролеткульта, при самом близком непосредственном участии Отдела Народного Образования при Московском Губернском Совете была созвана **Губернская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций**, которая и создала Московский Губернский Пролеткульт.

Конференция открылась 13-го апреля. На ней присутствовали представители 43 фабрично-заводских предприятий и культурно-просветительных организаций, находящихся в Московской губернии.

В порядке дня были поставлены вопросы: 1) Пролетарская культура (докл. В. Плетнева), 2) Пролеткульт и его значение в культурно-просветительной работе (докл. П. И. Лебедева-Полынского), 3) Пролетарская наука (докл. А. Богданова), 4) Творческий театр (докл. В. Керженцева), 5) Музыка (докл. Н. Брюсов), 6) Народное образование и социальное строительство (докл. Литненца), 7) Вопрос технического образования (докл. Ленинкина), 8) Красота пролетарского творчества (докл. Рахманова); 9) Подготовка работников на местах (докл. Л. И. Никольского), 10) Рабочий клуб (докл. Милевской).

Работы конференции прошли с полным сознанием той большой работы, которую революция возложила на Пролеткульт. Основные положения будущей своей работы губернская конференция выразила в следующих положениях.

1. Социалистическая революция, поставившая перед пролетариатом задачу строительства новой жизни на новых политических и экономических отношениях, одновременно выдвинула перед ним задачу овладения и преодоления буржуазной культуры и создания своей классовой пролетарской культуры.

2. Диктатура пролетариата, давая возможность пролетариату широко использовать культурные ценности прошлых поколений, на ряду с политическим и экономическим движением выдвинула в настоящее время новую форму рабочего движения, революционно-культурно-творческую в лице Пролеткульта.

3. Пролеткульт должен сосредоточить свое внимание на создании разнообразнейших новых организаций во всех областях духовной и физической культуры, в которой могли бы выявляться таланты среди пролетариев в области науки, литературы и искусства, чтобы свободно и вольно развивались семена, талящиеся в пролетариате.

4. Рабоче-Крестьянское Правительство с величайшим доверием и величайшей заботой должно поддерживать эти молодые организации, так как они призваны создать в области культуры тот новый мир, который мы осно-

вали уже в области политики и который осуществляется в области экономики.

5. Строго различая классовую работу культурно-творческую от работы чисто-просветительной, в общегосударственном масштабе, Пролеткульт оказывает свое идейное влияние и на эту работу.

6. Все пролетарские культурно-просветительные организации Московской губернии, в целях организации и планомерности работы в борьбе за пролетарскую культуру, объединяются в Московский Губернский Пролеткульт.

В конце конференции был принят «План организации Пролеткульта», разработанный Первым Съездом Всероссийского Совета Пролеткульта, и дополнительная резолюция о составе Пролеткульта. В последней говорится: «Членами Пролеткульта должны являться только пролетарии (производственные). Служащие и интеллигенция могут быть привлечены в качестве технических сил и правом решающего голоса не пользуются. Исключение составляют члены Р. К. П. и служащие, имеющие рекомендацию членов рабочего Пролеткульта».

В интересах единства принципов строительства Пролетарской культуры и более полного использования культурно-творческих сил, конференция принципиально высказалась за единение Городского и Губернского Пролеткульта.

В это же время состоялась **Третья Конференция Петроградского Пролеткульта**. Она привлекла массу делегатов не только из петроградских фабрично-заводских предприятий, но и из пригородов, прошла с большим подъемом и воодушевлением, поддерживая этим энергию в работе в наше столь тяжелое время.

В. Н. Н.

Отчет Тамбовского Губернского Пролеткульта.

Литературно-Издательский Отдел.

Литературно-Издательский Отдел начал свою деятельность с 1 октября 1918 года при полном отсутствии денежных средств и сотрудников. Несмотря на то, что много времени и сил уходило на устранение указанных технических недочетов, Отделу удалось выпустить и распространить пять номеров ежемесячного журнала, 22.000 экземпляров; 6-й номер заканчивается набором и выйдет в ближайшие дни. Кроме журнала, изданы 2 брошюры—отчеты Тамбовской и Всероссийской конференций пролетарских культурно-просветительных организаций, 10.000 экземпляров; листовка «Пролеткульт—Красному Октябрю»,—300 экз.,—распространена по городу и губернии; проект устава рабочего клуба, 5000 экз., и несколько воззваний.

Изданы драматические пьесы: А. Подморского «Солнечные лучи» и «Жизнь рабочих»; предполагается выпустить брошюру «Отношение Маркса к искусству», альманах творчества пролетарских писателей и сборник пьес и произведений пролетарских писателей для

репертуара пролетарских театров и койцер-тов.

Цель издательства: необходимость снабжать революционно-пролетарской литературой города и села губернии в виду полной невозможности снабжать их литературой из центра.

Литературная студия.

Литературная студия Пролеткульта открылась в середине января 1919 г. В первое же время записалось свыше 30 человек, но средняя посещаемость в настоящее время не превышает 10—15 человек. Объясняется это тем, что в студии требуются систематические работы и аккуратное посещение лекций. Благодаря этому постоянными посетителями студии естественно останутся только те товарищи, которые обладают подлинной жаждой творчества и не останавливаются ни перед какими трудностями для овладения сложной технической и теоретической стороной литературного искусства.

В студии читаются лекции и ведутся практические занятия по теории поэзии, прозы драматической литературы, читается цикл лекций по истории русской литературы, по философии творчества. Значительное внимание уделяется журналистике, так как в пролетарских журналистах, которые освещали бы правдиво и искренно быт и нужды пролетарских масс и выражали подлинно пролетарские взгляды по вопросам коммунистического строительства, советская коммуна ощущает особенно острую нужду.

Занятия ведутся исключительно вечером с 6 до 10 час. Слушатели студии в подавляющем большинстве—рабочие и красноармейцы. Для наибольшего развития самостоятельности слушателей устраиваются собеседования. Кроме того, по мере успеха слушатели привлекаются к сотрудничеству в местных «Известиях» в журналах «Грядущая Культура» и «Красноармеец и Рабочий».

Студия изобразительных искусств.

С момента открытия студии, т. е. с января месяца 1919 года, функционируют два отдела: живописный и архитектурный. Отделы скульптурный и декоративный (прикладного искусства) не могли наладиться за отсутствием подходящего помещения. Работа производится в двух комнатах, что не мало отразилось на ходе работ.

Живописный отдел охватывает работы: масляными красками, акварелью и углем: 1) с простейших форм (геометрических), 2) мертвой природы, 3) живой природы—портрет, наброски. В ближайшее время группа работников приступит к обнаженной натуре и главным образом к творческой работе. В архитектурном отделе внимание главным образом обращалось на проектирование и композицию.

Для обоих отделов читались лекции по истории искусства, философии искусства и теории перспективы. Приступлено к организации лекций по анатомии и узко специальным темам по технике живописи. Всех

слушателей (учеников - членов) записалось более 125 человек. К сожалению, многие не могут приступить к работам за отсутствием помещения.

С 9 апреля открылся скульптурный отдел. Записалось около 50 человек. Скульптурный отдел внес много оживления и заинтересованности.

Студия художественной арены.

Студия открыта 20 октября 1918 года. Предметы занятий следующие: 1) по студии декламации—дикция, декламация, коллективное чтение, мимика и стихосложение, разбор материалов для чтений, постановка голоса, ритмические танцы и гимнастика, история искусства, ритмо-декламация и мело-декламация, 2) по студии театальной—принципы театрального искусства, значение техники прежде и теперь, сценическое воплощение словом и жестом, практические занятия, режиссура, подход к исполнению, ансамбль и грим.

Студия художественной арены принимает самое активное участие во всех празднествах и концертах—митингах, устраиваемых партией и Губпролеткультом. Репертуаром студии являются произведения пролетарских писателей и поэтов, исполняемых в коллективном чтении и инсценировках. Кроме того студией были поставлены в различное время следующие пьесы: «Королевский брадобрей» А. В. Луначарского и «Зори» Верхарна.

Музыкально-вокальная студия.

Вся подготовительная работа по открытию музыкальной школы при студии была закончена к 1 декабря 1918 года, и с первых чисел декабря явилась возможность начать теоретическую и технически-инструментальную работу школы. Выделенная из общего количества записавшихся значительная часть студийцев распределена по своим специальным группам, из которых составлены: хоровая группа (около 120 человек); оркестровая группа (около 70 человек). Кроме своих технических работ студийцы углубляют свои знания при помощи анализа музыкальных произведений и критического отношения к исполнению. Всех слушателей в студии и учащихся в музыкальной школе к отчетному времени—свыше 700 человек.

Учащиеся по возрасту разделены на две группы: младшую (детская до 15 лет) и старшую (от 15 и выше).

Старшая группа, кроме ниже помещенной программы музыкальных занятий, два раза в неделю посещает лекции по истории социализма, истории культуры и политической экономии в высшей народной школе.

Программа занятий в музыкальной школе: 1) теория музыки в связи с изучением пролетарского песенного творчества; 2) основы гармоничных музыкальных форм (общие понятия); 3) школьно-хоровое пение; 4) техническая школа на всех музыкальных инструментах.

Программа занятий в студии: 1) история музыки всех времен и народов в связи с экономическим положением, общим ростом

культуры и цивилизации, 2) курс слушания музыки (эстетика), 3) музыкально-коллективное творчество, 4) постановка хоровых и сольных голосов, 5) хоровое и сольное пение. Музыкальную школу и студию обслуживают свыше 30 преподавателей по всем отраслям музыкального образования. При студии сформированы из наиболее успешных участников: концертный хор числом свыше 100 человек, великорусский оркестр в 30 человек, духовой оркестр в 30 человек и оркестр балалаечников в 35 человек.

Ранее других студий сформировался хор, имеющий уже довольно значительные достижения в смысле технической и художественной подготовки. Но его репертуар за отсутствием подходящего музыкального материала в духе пролетариата оставляет желать лучшего. И в этом направлении предстоит огромная задача пролетарским музыкально-вокальным студиям самим же создать такие произведения, которые были бы плотью от плоти самого пролетариата и вызвали бы нужные нам настроения и впечатления.

Общественное значение хора и теперь уже является весьма значительным. Он является лучшим украшением концертов-митингов, привлекает слушателей и давал им хороший эстетический отдых от дневных трудов.

Требования на него так возросли, что, не желая мешать прямой задаче молодого хора учиться и углублять свою работу, приходится отказывать в требованиях хора многим организациям города.

Великорусский оркестр, достигнувший различных успехов в исполнении, главным образом народных песен, также принимает участие в концертах-митингах. Духовой оркестр и оркестр балалаечников—в периоде формирования.

Музыкально-теоретический кружок.

При студии организован музыкально-творческий кружок. Записавшиеся в этот кружок местные музыкальные силы сделали в области музыкального творчества пока очень мало: написали несколько музыкальных произведений, которые одобрены музыкально-редакционной комиссией к исполнению их на концертах-митингах. Причина слабой работоспособности кроется главным образом в тяжелых жизненных условиях. Все заняты служебной работой, и нет почти возможности уделить время на творческую работу, которая требует свежей духовной энергии и сосредоточенного внимания.

Все поступающие в музыкально-хоровую студию музыкальные произведения, а также и все то, что из старого нотного материала должно публично исполняться студийцами на их выступлениях, должно пройти через одобрение редакционной комиссии, в задачу которой входит рассмотрение плес литературно-музыкального содержания. Принятые произведения предназначаются к печати. Намечен к нападению ряд сборников произведений хоровых и сольных произведений, но различные технические затруднения не дают возможности немедленно осуществить эту задачу.

В дни октябрьских торжеств редакционная комиссия совместно с литературным отделом выпустила сборник революционных песен в количестве 5000 экземпляров.

Тамбовский Губернский Пролеткульт. 20 апреля 1919 г.

Библиография.

А. А. Сидоров. *Революция и искусство.* Москва, 1918 г. 31 стр. Цена 1 р. 50 к.

Часто спорят о том, способствует ли процветанию искусства революция или нет. Большие раздаются отрицательные ответы, и сейчас же приводятся примеры процветания искусства во времена деспотий и его замирания в моменты революционного подъема. Чтобы ответить правильно на этот вопрос, надо познакомиться исторически, как влияло то или иное общественное состояние на искусство. Брошюра А. Сидорова дает нам интересный материал по этому поводу. Автор утверждает, что прежде творцу досаждала цензура приличного и неприличного, а еще больше официальный стиль или канон, какой для своего прославления создавала та или другая эксплуататорская власть. Приводится пример создания, по требованию Наполеона, особого типа его лица, совершенно непохожего на живую оригинал. Из русской жизни мы можем привести обязательное требование от художников не изображать Александра III лысым (у него был совершенно голый череп), а обязательно с волосами. И еще больше власть накладывает свой отпечаток на монументальное ис-

кусство. Мы бы сказали не власть, а общественный строй.

Развитие демократии в прошлом, а теперь диктатура пролетариата и высвободит таинские силы из-под гнета условности и обязательного стиля, закона красоты (канона). Прошлое искусства дает ответ на это,—возмем расцвет искусства в демократии Афин V века до Р. Х., Италии эпохи Возрождения, Франции времени Великой революции. В последней в то время особенно процветали выставки; в этот период Давид создает наиболее интересные свои произведения,—картина смерти Марата или «Клятва в зале игры в мяч»,—прямо навеянные революцией. Республиканский подвиг воспевают в Афинах публично на площади статуи Гармония и Аристогитона, этих тиралоубийц; во Флоренции Донателло своею Юдифью, отрубавшей голову Олоферну, дает, по его же словам, «пример спасения», и там же Микель-Анжело создает Давида, борца против тирана Голлафа. Таким образом мы видим, что для творческих замыслов эпохи революционной борьбы особенно благоприятны,—правда, для своего выполнения эти замыслы нуждаются в сравнительном покое, но

тот покой для творцов и дает революция. Наше время привлекло интерес художников-творцов к пролетарской борьбе, они и пытаются выразить дух новой эпохи. Здесь мы расходимся с автором, ибо ни Верхариа (и конечно, не В. Брюсова), ни Манье, ни Стейнлейна, впавшего ныне в империализм, мы не назовем художниками нового времени: в лучшем случае они пытались со стороны изобразить нынешнюю титаническую борьбу за коммунизм.

Недостатки в названной книге. Несмотря на дороговизну, она надна очень неаккуратно, воспроизведения картин сильно смазаны; досадны также опечатки, извращающие подчас смысл. Искусство Афин отнесено к XV веку вместо V века (стр. 10); вместо 1793 года—года диктатуры якобинцев и террора—указан 1783 год (на стр. 23); и наконец Делакруа дал картину не февральской революции 1848 г., как утверждает автор, а июльской революции 1830 года (стр. 24). В последующем издании, надеемся, эти промахи будут устранены.

Книжка А. Сидорова заслуживает внимания уже одной правильной постановкой вопроса о революции и искусстве.

С. Д.

К. Залевский. Искусство и пролетариат. Изд. В. Ц. И. К. Москва, 1918 г. 48 стр., с рисунками. Цена 2 р. 50 к.

От каждого говорящего о пролетарской культуре и о путях, ведущих к ее созданию, мы естественно, требуем продуманности своих построений и ясности своих положений. Именно сейчас, когда этот вопрос находится еще в стадии теоретической разработки, более чем когда-либо необходимо теоретически заострить спорные вопросы. Такии является вопрос, что и как создаст новую культуру (пролетарскую).

В этом отношении брошюра покойного т. К. К. Залевского может принести отдельными своими положениями и своей последней частью большой вред внесенным путаницы в ясный вопрос. Прекрасно выясняя боевой характер пролетарской классовой культуры, зарождающейся в буре борьбы, автор опускает основной момент—коллективный труд. Автор дает скатый, но яркий очерк истории искусства прошлых дней, но когда он начинает выяснять, как пролетариат создает свою культуру, то тут-то и начинается та путаница, от которой мы хотели бы предостеречь читателей.

На стр. 29-ой автор справедливо утверждает, что «интеллигенция, благодаря своему умственному развитию, может воспринять идеи пролетариата, но она не в состоянии глубоко проникнуться его чувствами и стремлениями», несколькими же строками ниже утверждается совершенно противное, а именно: «Пролетарское художество, в силу тяжелых социальных условий, находится лишь в зародке. Его пионерами, творцами являются главным образом профессионалы-художники, выходящие из буржуазной среды, охваченные мощью пролетарского движения, проникшиеся его духом, тенденциями, стремлениями, идеалами», «что возможно в странах, где пролетарское движение играет крупную роль в политической жизни, как например, в Бельгии». Совер-

шив этот логический скачок, автор утверждает, что родоначальником пролетарского искусства, первым организатором чувств пролетариата является К. Манье, и дальше повторяется, что именно он первый воспринял психику рабочего класса (стр. 30). Читатель в праве ожидать, что К. Манье даст и революционный пафос единственного ныне революционного класса—пролетариата. Но этого нет, и, по странному объяснению автора (стр. 33), это в значительной степени объясняется тем, что в творчестве К. Манье отразились прежде всего общие особенности пролетариата и его историческая роль, как творца новой культуры. Эпоху же революционных движений переживали и другие классы, так что революционность с ее пафосом свойственна и им, не являясь отличительной чертой пролетариата. Здесь мы совершенно недоуемем, ибо полагаем, что именно пролетариат *всегда* революционен, именно ему (стр. 27) присуще постоянное движение вперед, развитие (динамизм). Сделав эту ошибку, автор причисляет к пролетарским художникам даже Менцеля, пещца Круппа и великого Фрица.

К. Манье никак не приходится называть пролетарским художником хотя бы и по тому, что бельгийские клерикалы считают его своим, и недаром летом 1909 года в Лувене попы сделали посмертную выставку произведений Манье, на которой пишущему эти строки удалось побывать. Манье дает картину безмеходного труда, а не претворение его в новый светлый коммунистический труд. Это стремление ему было чуждо, и уже по одному этому его нельзя зачислять в пролетарские художники.

На эту теоретическую ошибку автора мы обращаем особенное внимание: она повторяется часто. Попутно отметим, что автор не отличает пролетарской поэзии данного времени от социальной и даже социалистической.

Издана книга т. К. Залевского превосходно: прекрасный шрифт и прекрасная бумага, на которой превосходно воспроизведены снимки картин. Как работа, затрагивающая основные вопросы нашего движения, пусть даже неправильно разрешающая их, она заслуживает внимания читателей.

В следующем издании надо исправить две погрешности: статуи Манье не кованы, как пишет автор, а отлиты из бронзы (стр. 7), а пророчицы Сибиллы были не у греков, как утверждается на стр. 21, а у римлян.

Ст. Нривцов.

Грошик. Рассказы. Издание Петроградского Пролеткульты. 32 стр. Цена 1 руб.

В данной книжке помещены три рассказа: «Потрава», «Порубка» и «Пронкино житье». Первые две темы взяты из деревенского быта, а последняя из жизни деревенского подростка у лавочника, молочника в городе.

Темы взяты из дореволюционного времени, и обработаны они в соответствии со скромным и несамостоятельным дарованием автора. И тем не менее широкая народная масса прочтет эту книжку с удовольствием.

Все рассказы написаны вполне литературным и художественным языком, к тому же они согреты особой любовью к обитателям судьбою людей.

В рассказе «Потрава» чувствуется сильное

влияние И. С. Тургенева с его «Бежиним Лугом», в рассказе «Пронильино житье» сильно влияние А. П. Чехова с его «Ванькой Жуковом».

Грошник не ищет новых тем, не обрабатывает их с новой пролетарской точки зрения, не дает новых форм, как и все другие писатели-рабочие (еще не пришло время); над автором сильна «власть земли», и она мешает ему сосредоточить свое художественное внимание на новом слагающемся быте.

Если Грошник свою болезнь «власть земли» преодолевает, в этом мы ему должны помочь, он сможет дать нам не один рассказ, который будет вкладом в пролетарскую литературу.

Грошник умеет организовывать свои идеи и образы, у него есть искреннее чувство и навык писать не хуже некоторых писателей-профессионалов.

П. Рудюкоп.

Василий Игнатов. «Свадебная вечеринка». Бытосная картина в 1 действии. Издание Петроградского Пролеткульта. 32 страницы. Цена 1 рубль.

Вещь, которую ни в каком случае не следовало печатать, а тем более издавать отдельной книжкой. Несовременна она во всех отношениях, — и как художественное произведение вообще, и как картина для сцены в частности.

В произведении нет позвоночного столба. Собравшись на вечеринку по случаю гражданского брака одного из своих товарищей, рабочие в продолжение целого вечера ведут разговор на самые различные общественно-политические темы, одни вполне сознательно, другие полусознательно, одни литературным языком, другие, подделяваясь под народный язык, коверканным языком. Идет обсуждение вопросов о рабочем контроле, о войне, о советской власти, о винных погребках, о новом искусстве, о новом браке, о женском вопросе и о многом другом; обо всем этом говорится на 30 страницах, а потому, естественно, в двух-трех словах, — бессвязно и невнятно. Фабулы никакой. Вся вещь представляет из себя ряд шаблонно выраженных мыслей, уже ставших достоянием масс рабочего класса. Автор даже не потрудился эти мысли, конечно, как полагается пролетарскому писателю, самые передовые, свести к какой-либо логической системе, и получился полнейший хаос, а не художественное произведение.

В произведении нет ни одного лица, на котором читатель мог бы сосредоточить свое внимание; все они плоски, бледны, похожи друг на друга, как ходячие монеты.

Говорить о «Свадебной вечеринке», как о вещи, пригодной для постановки, совершенно не приходится. От всех этих поучительных разговоров можно умереть от скуки. Есть вещи, в которых нет содержания, но есть действие, интересные моменты; в данной же вещи — ни действия, ни интересных моментов. Свадебная вечеринка, — кажется, тут можно бы дать действия сколько угодно, а вот тов. Игнатов ухитрился из этой вечеринки устроить нечто в роде скучнейшей проповеди, в лучшем случае — плохо составленной прокламации в стиле московских просвирен, как выражался покойный Плеханов.

Естественно, что ни о каких ролях, хотя бы скучных и нудных, не может быть и речи. Вещь без ролей и действия, а ведь тов. Игнатов претендует на роль знатока театра.

Слово Петроградскому Пролеткульту не следует издавать таких вещей.

П. Рудюкоп.

«Гудки». Еженедельник Московского Пролеткульта, № 1, 2. Цена 1 рубль.

«Гудки» издаются при непосредственном и самом активном участии товарищей из литературной студии.

Общее впечатление свежего молодого творчества. Хорошо стихотворение В. Александровского «В огне» (Девушке-красноармейцу), хотя на нем заметно чувствуется влияние А. Блока. Недурен психологический набросок Цветкова «Я и Он».

В то время, как футуристы и имажинисты (на днях родились) всюду кричат, что они предшественники пролетарского искусства, рабочие литературной студии Московского Пролеткульта в статье Оленина заявляют: «Поскольку ничтожна моральная и художественная ценность этих последних отпрысков буржуазной культуры (т.-е. футуристов), этой извращенности художественного бесплодия и разложения буржуазного искусства, постольку же велико их физическое воздействие». «Господа футуристы, пользуясь аппаратом советской власти, выдают свое гнилое буржуазное искусство за пролетарское».

Это единственно правильная точка зрения, и все Пролеткульты должны вести самую энергичную борьбу против декадентства, футуризма и мажоризма во всех областях искусства, — поэзии, живописи и музыке.

В «Гудках» есть отдел «Пролетсмех» — пролетарский смех. В нем бичуются имажинисты, высмеиваются «Иероним Ясинского мощи», которые чтут издатели Петроградского Совета, не позабыв и Гастев со своими железом, вагранками и винтами.

«Железо, железо, железо,
Железо, куда ни взгляни,
Опутана наша поэза —
Ах, тяжки железные дни!»

пишет Кис.

Всего же интереснее посвящения С. Есенину и А. Белому.

Иван Еропин, уловив жанр есенинской поэзии, ядовито пишет:

«Ах вы, сени мои, сени,
Сеницы были, сенцев нет.
Отелился вновь Есенин,
Новомоднейший поэт.
О, Матерь Божия,
О, Мой Иисус,
Тебя уможу я,
Тобой снеусь».

Ох ты, Русь, моя отрада.
Ух, просторы велики.
Вон мое пасется стадо —
Все коровы, да телки.

Ах вы, сени мои, сени...
Грязнуть что ли трепака,
Может быть Сергей Есенин
Даст хоть кружину молока.

Крестьянским поэтам, в духе Есенина и Орешкина, посвящена не менее ядовитая статья в № 2 «Гудков».

В. Казин, обучаясь у А. Белого формам стихосложения, рекомендует его пролетариям такими словами:

«Все жесты, жесты у него,
От жестов вдохновенно-пыльный.
Не осмотреть ли нам его,
А вдруг и сам-то он жестяной».

Вы не ошиблись, тов. Казин, это ясно даже без осмотра.

В сборниках имеется хроника, связанная с деятельностью Пролеткульта, и библиография. Последняя неудовлетворительна. Совершенно непонятно, как можно рекомендовать книгу Б. Тимофеева «Скорбная чаша». К рецензиям редакций должна быть особенно внимательна; не следует всегда полагаться на оценку рецензента, особенно неопытного в этом деле.

Относись с большим сочувствием к «Гудкам», мы должны отметить некоторую спешность, непродуманность работы, невыдержанность тона, особенно сатиры и критики, которой даже некорректной по отношению к своим товарищам.

Второй номер «Гудков» слабее первого. Надо следить не столько за аккуратностью выхода еженедельника, сколько за ценностью печатаемого. Это—старая истина, но иногда ее мешает и ее напоминать.

В. Г.—.

«Наш Горн». Ежемесечный пролетарский художественно-литературный журнал. Издание Белицкого Пролеткульта. № 1. Апрель 1919 г.

Идея пролетарской культуры и страстная, полная энтузиазма борьба за нее все шире и шире охватывает пролетарские массы. Растут губернские, уездные и даже волостные пролеткульти. Часто идея пролетарской культуры не вполне ясна пионерам новой жизни, но возникающие органы все же показывают, что эта ясность проникает все в большие и большие круги рабочего класса, и движение в глубину не отстает от движения в ширину.

Перед нами—новый пролеткультовский журнал «Наш Горн». Несмотря на встречающиеся в нем серьезные недочеты, мы с большим воодушевлением и интересом прочли страничку за страницей. Новое, свежее, молодое, бодрое чувствуется в этих страницах; пусть не всегда и не все ладно продумано и стройно выражено, зато придет современем, важен новый дух жажды строительства и понимания стоящих перед рабочим классом задач в области культуры.

Иногда, в минуты упадка и неудач, впадаешь в пессимизм, недооцениваешь пройденных этапов, но когда открываешь журнал того или иного пролеткульта, особенно вновь возникшего, сразу видишь, как глубоко вошла в жизнь идея пролетарской культуры, и снова прибавляется энергия и жажда работы в этой области, несмотря на все тяжести работы в наши трудные дни.

Первая редакционная статья выясняет «наши задачи». Товарищи вполне ясно со-

знают, что, «прежде чем создать что-либо новое, свое, пролетариату нужно будет пройти трудную полосу исканий, нужно проникнуться верой в грядущее торжество своих идей и, разобравшись в том «культурном» хаосе, который мы получили в наследство, камень за камень воздвигнуть новое здание пролетарской культуры».

Говоря о культуре буржуазного мира, товарищи берут эти слова в кавычки, выражая этим свое отрицательное отношение к культуре прошлых веков; оно вполне со стороны рабочих масс, видевших в этой культуре одно угнетение и эксплуатацию, но оно все-таки продиктовано скорее чувством, чем анализом разума. Впрочем, и сама редакция добавляет: «Понятно, что кое-что придется взять из прошлого, кое-чему придется научиться у наших врагов, но в целом необходимо отрешиться от старого мира». Это несомненно так, и в капиталистическом мире есть ценности, которыми мы должны воспользоваться, хотя бы и критически, в строительстве новой жизни.

В журнале имеются статьи: «Наука, искусство и пролетариат» и «Новые горизонты в философии».

Несмотря на неточность мысли и языка, первая статья дает в основных своих положениях правильный ответ. Автор с полным основанием заявляет, что «наш век гордится обилием дисциплин», что «современный человек, будь он самый выдающийся гений, не сможет овладеть всем знанием, накопленным веками. Здесь наблюдается типичное для капиталистического производства. В науке была та же самая анархичность, разьединенность, отсутствие единой цели. Можно сказать, из-за деревьев не было видно леса,—благодаря обилию наук, не было видно наук».

Разумируя свои мысли, автор находит в буржуазной науке следующие яркие следы своей эпохи: «Во-первых, оторванность от жизни; во-вторых, отсутствие единой цели; в-третьих, ненужная и чрезмерная специализация, разьединенность отдельных дисциплин и даже частей единой дисциплины; в-четвертых, цеховой замкнутый характер, сделавший науку недоступной, благодаря нарочно созданному специальному языку».

Сознание всех этих отрицательных сторон буржуазной науки не приводит автора к совершенному отрицанию старой науки, что нередко случается с пионерами нового дела. Наоборот. Он указывает, что багаж буржуазной науки велик и ценен и все ценное должно быть сохранено и использовано, хотя и не без строгой критики.

Правилел взгляд автора и на искусство. «Мир образов велик и разнообразен. Искусство воплощает его, но, будучи не только красотой и силой, искусство важно как социально-воспитательный фактор. Не совсем отчетливо и ясно звучат заключительные строки статьи: «Искусство должно погрузиться в чистые воды коллективных мотивов, коллективного творчества и, омыв свою грязь, затереться и засиять чудной звездой действительной индивидуальности, чувствующей себя тысячами путей связанной со всеми и всех с собой». Тут затронуты важные во-

просы: о коллективизме мотивов, о коллективном творчестве, об индивидуальности при социализме; все это такие важные и большие вопросы, что трактовать их в двух-трех строках нельзя.

Вторая статья—«Новые горизонты в философии»—обнаруживает неясность сознания автора и незнание предмета, о котором он трактует; к тому же статья написана недоступным массам языком, с чем намеревается бороться редакция, членом которой является сам автор. Верна в статье основная мысль, что философия перестанет быть «прежней сухой отвлеченностью—абстракцией», «она станет дыханием самой жизни, ее вечно трепещущей юности».

В журнале есть стихи; хотя они и лучше многих печатающихся в других изданиях, но новизной формы и конструкции они не отличаются, содержание их—общедемократическое.

Рассказ «Рябины» довольно большой; тема его интересна и взята из наших дней, но написан он слишком чувствительно и слащаво. Автор рассказывает об энтузиазме деятелей революции и об их переживаниях в связи с разделением революционных сил февральского переворота в новой стадии революции на коммунистов и урядовцев.

За последнее время замечается, что рабочие писатели начинают расширять круг своих тем, не укладывающихся в рамки небольшого стихотворения, и переходят к форме рассказа или драмы.

Мы приветствуем этот шаг, как шаг вперед и, естественно, горячо желаем, чтобы автор рассказа с каждой своей новой вещью шел вперед и вперед.

Нехороша обложка журнала.

В. П.

«Красное Утро». Орган Орловского Пролеткульта № 1. 1919 г.

Этот журнал отличается от других пролеткультовских органов тем, что он исключительно литературно-художественный. Это, конечно,—недостаток; в руководящем органе, задавшем по идее должно быть «Красное Утро», необходимы статьи по различным вопросам пролетарской культуры. На местах, в провинции часто не хватает сил для теоретических статей, в которых так нуждается широкая рабочая масса и которые она с такой жадностью ловит, но все-таки надо пытаться писать их, не смущаясь, что мысль будет выражена неуклюже и грубо.

В первой статье «Тернистый путь», в которой говорится о духовных ценностях и советских журналистах и которая является как бы редакционной, встречаются существенные неточности. Автор утверждает: «Осталось попрекнуть только то, что носило печать общечеловеческого и было построено на истине»; выходит, как будто бы есть какая-то вечная истина. Вопрос о сущности истины, о ее происхождении и развитии не раз поднимался в марксистской философии, и мы пришли к твердому выводу, что вечных истин нет, кроме таких, как между двух гор лежит лоцина. Может быть, у автора это—ошибка языка, но она наносит существенный вред в вырабатываемом мировоззрении широких слоев рабочего класса, и надо стремиться выражать

свою мысль точнее. В другом месте той же статьи мы читаем следующие строки: «Всякого ранга модернисты, декаденты, реалисты, «ослисты», хулигансты и прочие «исты», воспевавшие всякую нравственную гниль, из печатного слова сделали какого-то трусливого, тупоумного уродца, который смешно и фальшиво кокетничал со всякими «новыми путями» и дальше прихожей в общем не двигался». Тут автор слишком размахнулся и совершенно неосновательно ко всякого рода «истам» привлек реалистов. Он очевидно не знает или забыл, что в свое время группой марксистов—философов, критиков и экономистов—был выпущен сборник статей под заглавием: «Очерки реалистического мировоззрения». И мы смеем уверить сердитых критиков из «Красного Утра», что они в «передней» не топтались, а наоборот, звали и возбуждали своим метким словом, полным смелости и энтузиазма, к борьбе за наши социалистические идеалы.

Авторы этих статей были А. Луначарский, А. Богданов, В. Фриче, покойный Шулятиков и многие другие.

Содержательная статья «Анология графомании». Автор собрал и выбрал интересные примеры, иллюстрирующие его мысли, но из своего тона статьи чувствуется, что он недооценивает значения для писателя уметь свободно владеть литературной формой.

Статья «Песни зорь грядущего» написана без внутреннего подъема, но характеристике поэзии тов. В. Кириллова она дает вполне верную и точную. Автор отметил, что поэт-рабочий чужд буржуазной самовлюбленности, эгоистичности, анархичности и индивидуалистичности; говоря об организованной коллективной борьбе, поэт выделяет на первое место «мы», а не «я». Его песни рождались в «шуме/несметных стальных машин», «в сиянии солнц электрических»; эти песни могучи, они укрепляют душу, они дают уверенность в победе, они нужны рабочему классу. «Эти песни—зов могучий к солнцу, к жизни и борьбе; это—вызов непреклонный злобной, тягостной судьбе».

Неудачно рецензент комментировал слова поэта, что

«Когда гремит твое восстание,
И меч твой красивый,
В дыму сверкая,
Врагов разит,—
Он, убивая и разрушая,
Иной, прекрасный
Мир творит».

Автор пишет: «Новый железный Мессия поднимает меч не только ради разрушения, зовет к смерти не только ради убийств». Слово «не только» извращает нашу позицию. Оно придает мысли оттенок, что пролетариат все-таки зовет ради разрушений и ради убийств. Это неверно. Пролетариат сопротивляется их вынужденно, из упорного сопротивления буржуазии, отстаивающей свой мир. Убийства ради убийств, разрушения ради разрушений, конечно, никогда не входили в программу рабочего класса.

Непонятно нам также и то, почему автор думает, что «казалось бы, что песни «золотых грядущих дней» должны рождаться

не в огне дымных фабрик, а где-нибудь в пышных парках дворян и князей, где журчат ручьи и поют соловьи, или в гостиниц, обитых шелком и устланных мягкими коврами»...

Сознательным рабочим, да и, пожалуй, широким слоям никогда не казалось, что песни рабочего освобождения родятся у дворян и князей; а что касается журчания ручьев и пения соловьев, то прелесть этого можно

лучше ощущать на широком просторе природы, чем в барских парках.

В рассказах «В тайге» и «К солнцу» видна проба и подражаемость.

Первая вещь написана более поэтично и образно, чем вторая, довольно сухая. Стихотворения новизной не отличаются, но вполне удовлетворительны.

А. О.

Редакция журнала просит присылать ей для отзыва рабочие журналы и сборники пролетарских писателей и поэтов.

Издатель —

Всероссийский Совет Пролет. Н.-Пр. Организаций.

Редактор —

Редакционная Коллегия.

Вторая Государственная типография. Трехпрудный, 9.